

Ассоциация преподавателей японского языка РФ и СНГ
Институт стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова

ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК В ВУЗЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

Выпуск 29

*Материалы научно-методической конференции
«Японский язык в вузе»
(октябрь, 2024 г.)*

ВКН

Москва
2025

УДК 811.521
ББК 81.754.2
Я70

Рецензент:

Благовещенская Ольга Вячеславовна,
кандидат филологических наук

Ответственный редактор:

Нечаева Людмила Тимофеевна,
доктор педагогических наук

Редакционная коллегия:

Быкова Стелла Артемьевна, кандидат филологических наук;
Корчагина Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук;
Раздорская Наталья Васильевна, кандидат педагогических наук;
Румак Наталья Григорьевна, кандидат филологических наук

Фото для обложки предоставлено *Л. А. Булах*

Я70 Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы международной научно-практической конференции «Японский язык в вузе»: (ИСАА МГУ, октябрь, 2024) / Ассоц. преподавателей яп. яз. РФ и СНГ; отв. ред. Л. Т. Нечаева; редкол: С. А. Быкова и др. — М. : Издательский дом ВКН, 2025. — 160 с. — (Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания ; вып. 29)

ISBN 978-5-907938-51-9

DOI 10.54449/9785907938519

29-й выпуск сборника «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания» продолжает серию публикаций, посвященных различным вопросам теории и практики преподавания японского языка, лингвистики, культурологии.

Данный выпуск содержит материалы международной научно-практической конференции «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания» (ИСАА МГУ, октябрь, 2024 г.)

УДК 811.521
ББК 81.754.2

© Ассоциация преподавателей японского языка РФ и СНГ, 2024
© Оформление. ООО «ИД ВКН», 2024

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящий сборник включены материалы научно-методической конференции «Японская филология и методика преподавания японского языка» (октябрь 2024 г.).

Такие конференции ежегодно проводятся в ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

Решение о публикации, необходимости доработки или отклонении не соответствующих современному научному уровню статей принимает редакционная коллегия.

Мнение редколлегии не всегда совпадает с точкой зрения автора.

Рукописи, отклонённые редколлегией, не рецензируются.

Редакция в переписку с авторами не вступает.

В. М. Алпатов

Европейская, китайская и японская лингвистические традиции

Аннотация. Тема статьи — сравнение европейской, китайской и японской традиций по набору параметров. Европейская и китайская традиции сформировались независимо друг от друга; значительные различия связаны с особенностями их базовых языков и характером их письменностей. Однако две традиции имеют и некоторые сходства. Японская традиция сложилась как часть китайской традиции, но с 17-18 вв. она отделилась: морфология в японской традиции сформировалась самостоятельно.

Ключевые слова: лингвистические традиции, европейская традиция, китайская традиция, японская традиция, письменность, морфология.

V. Alpatov

European, Chinese and Japanese linguistic traditions

Abstract. The theme of the article is the comparison of the European, Chinese and Japanese linguistic traditions by a set of parameters. The European and Chinese traditions were formed independently; their significant differences were connected with peculiarities of their basic languages and with the character of its scripts. However these two traditions have some similarities too. The Japanese tradition formed as a part of the Chinese one but since XVII-XVIII centuries it separated: the morphology in the Japanese tradition was formed independently.

Key words: linguistic traditions, European tradition. Chinese tradition, Japanese tradition, difference of traditions, script, morphology.

DOI 10.54449/9785907938519_4

Традиция изучения в тех или иных целях язык соответствующего народа — важная часть языковой культуры. Я хочу сравнить три традиции: европейскую, китайскую и японскую. Оригинальных традиций в мире больше, среди них надо отметить индийскую, арабскую, тибето-монгольскую. Но эти 3 традиции вызывают особый интерес. Европейская традиция в своём развитии легла в основу мировой науки о языке, китайская традиция — пожалуй, больше всего отличается от остальных традиций, а японская традиция, первоначально основывавшаяся на китайской традиции, затем выработала самостоятельные подходы и решения.

Я буду сравнивать традиции по определенному набору параметров, охватывающих различные свойства, которые могут быть выделены во всех традициях или лишь в их части. Параметры в той или иной мере представлены в моём учебнике [Алпатов 2018: 7-35], но там они разбросаны по разным разделам, а здесь я хочу их представить в компактном и единообразном виде.

Время и место формирования. Европейская и китайская традиции сложились примерно в одно время: европейская в III–II вв. до н.э., китайская — в I – II вв. н.э. Европейская традиция окончательно сформировалась в Александрии (Северная Африка), китайская традиция — в Китае. Японская традиция появилась намного позднее — в XVII в. (эпоха Токугава, период закрытой страны).

Самостоятельность. Европейская традиция в греческом варианте и китайская традиция формировались самостоятельно. В Японии около тысячи лет господствовала китайская традиция, не всегда дававшая результаты применительно к японскому языку. В XVII в. – первой половине XIX в. (эпоха Токугава) создавалась собственная оригинальная традиция, формирование которой ещё не закончилось в период европеизации.

Вершина традиции. В Европе в античный период — грамматика Присциана (VI в. н.э.). После периода упадка — новый подъем в эпоху Возрождения (XVI–XVI вв.) и далее непрерывное развитие вплоть до превращения традиции в науку о языке на грани XVIII и XIX вв. В Китае — фонетические таблицы (XVII–XVIII вв.). В Японии к моменту европеизации формирование традиции ещё продолжалось.

Причины создания — везде требовалось обучение наиболее престижному языку: греческому или латинскому в Европе и Средиземноморье, вэньяню в Китае, камбуну и бунго в Японии. В Китае особо требовалось обучение иероглифике. В Европе и особенно в Японии немалую роль играло стихосложение. На более поздних этапах значимой везде стала проблема толкования старых текстов.

Что изучалось. В Европе изучали слова и предложения, границы которых считались заранее заданными. Также выделялись звуки и слоги, иногда моры. Только там обращались и к формированию целых текстов с менее строгими правилами: риторика. В Китае в различных аспектах изучали иероглифы. Первоначально всё сводилось к ним, но постепенно стали выделять тоны, инициалы, финалы. В Японии изучались моры (см. ниже), а единицы, по протяжённости соответствовавшие словам, не выделялись.

Моры. В античной традиции, помимо звуков и слогов, выделялись промежуточные единицы — моры, которые были нужны для стихосложения. Слоги с долгим гласным в греческом языке составляли две моры, слоги с кратким гласным — одну мору. Для европейской традиции мора была второстепенной единицей, выделявшейся лишь для древних языков. Однако в японской традиции, как отметил Е.Д. Поливанов, мора (20) была основной фонетической единицей: слоги, состоящие из одного гласного или согласного плюс гласный, рассматривались как неделимые единицы, а слоги более сложной структуры членились на два го. В китайской традиции такой единицы не было.

Число языков. Для ранних этапов лингвистических традиций характерно представление о том, что «наш» язык — единственный человеческий, а «варварские» языки сопоставимы с криками животных. Так на протяжении тысячелетий считали в Китае. Первоначально, в эпоху эллинизма (III-I в. до н.э.) так считали и в ареале греческого языка. Однако уже в Древнем Риме (как позднее и в Греции) так полагать не могли: осознавалось, что латинский и греческий — разные языки. В Японии, безусловно, особыми языками считались китайский и санскрит, язык буддизма.

Сравнение языков. Однако изучение «чужих» языков и сравнение языков не были распространены, для латинского и

греческого была всего одна попытка, признанная неудачной. На более поздних этапах развития традиций или их национальных вариантов (например, русского варианта европейской традиции) появилось стремление показать преимущество своего языка над другими: Мотоори Норинага и М.В. Ломоносов приводили аналогичные аргументы.

Диалекты. Различие языков и диалектов рано начало проводиться в разных традициях. Даже если признавалось, что есть разные языки, считалось, что «наш» язык один. Другие языки — языки «чужих». Однако замечалось, что и «наши» не всегда говорят одинаково (наличие или отсутствие взаимопонимания не было определяющим признаком). Отсюда выделение *диалектов*, *хо:гэн* в Японии и пр. во всех трех рассматриваемых здесь традициях.

Историзм. Идея изменчивости языка не была свойственна каким-либо традициям на ранних этапах. Там появление языка связывалось с действиями высших сил (богиня Аматэрасу, бог Адам и пр.). Язык нельзя было изменить или дополнить, но можно было забыть или испортить. Отсюда во всех традициях представление о том, что древнейшие тексты — самые правильные. Везде (в том числе особенно активно в Японии времён Токугава) старались очистить язык от поздних наслоений. Даже в Европе термин *этимология* получил современный смысл лишь в XIX веке, до того пытались установить прежние «правильные» значения слов. Этимологии эпохи Токугава очень похожи на современные им европейские. Лишь в европейской культуре (не только в отношении языка) сложилась идея историзма (окончательно лишь в XVIII в.), а в Китае и Японии это произошло уже под европейским влиянием.

Норма. Понятие нормы сложилось во всех традициях. Правда, в Греции до второй половины IV в., когда на греческом языке говорили только греки, философы могли рассуждать о языке просто потому, что это было интересно: «правильному» языку учились стихийно. Однако, когда после походов Александра Македонского греческий язык стал господствовать во всем Средиземноморье, потребовалось установление строгой нормы, которой надо было сознательно овладевать, что стимулировало

формирование лингвистической традиции. В дальневосточных традициях, прежде всего, овладевали иероглификой, в Японии после создания собственной традиции также и грамматикой.

Источники нормы. Везде опирались на тексты, признававшиеся правильными. В Китае и Японии, как и в античности, они были в основном светскими, что создавало проблему их отбора. Как уже говорилось, в Японии предпочтение имели самые древние из них. Но в Риме образцом считались сочинения «золотого века» (I в. до н.э.): Цицерон, Вергилий и пр. С установлением господства христианства и в Греции, и в Риме ориентировались на язык Библии. Однако источником нормы могли быть и уже существующие описания языка (в средневековой Европе грамматика Присциана, позже в России грамматика Смотрицкого и др.).

Грамматика и словарь. Существуют два основных способа описания языка: грамматика и словарь. Словарь в идеале должен включать в себя каждую единицу языка, тогда как грамматика не рассматривает эти единицы по отдельности, а устанавливает некоторые общие правила для целого класса элементов. Традиции здесь поступали по-разному в зависимости от строя языка. Изолирующий китайский язык почти не имеет морфологии, синтагматика там преобладает над парадигматикой. Поэтому там основным способом описания стал словарь. Китайская лексикография активно развивается более двух тысяч лет, создано много обширных словарей, а первая грамматика, написанная в Китае, появилась лишь в 1898 г. под европейским влиянием. В Европе же с самого начала требовалось описать сложную морфологию, прежде всего, словоизменение. Начиная с Александрии, писали нормативные грамматики, строили парадигмы склонения и спряжения, а словарей привычного для нас типа не было. Бывали лишь глоссы: словари непонятных слов из памятников с толкованиями. Словари, претендующие на охват всей лексики, появились в Европе только в XVII-XVIII веках. В Японии же первоначально следовали китайским образцам, но развитая в японском языке в отличие от китайского языка морфология требовала выхода за пределы этих образцов. И в эпоху Токугава кокугакуся самостоятельно создали морфологию как

область описания. Именно это отделило японскую традицию от китайской, тогда как лексикография оставалась прежней.

Словари рифм. На одном из этапов развития китайской традиции появились словари рифм, в которых *цзы* группировались по финалям. В Европе, где понятие рифмы в отличие от понятия финали было нестрогим, словарей рифм почти не было, так как в них не было необходимости.

Форма изложения. Этот параметр может показаться излишним: мы знаем, что грамматики и словари пишут. Но вот индийская традиция передавалась из поколения в поколение устно. Все три рассматриваемые здесь традиции, однако, были письменными.

Аналитический подход. Все данные традиции были аналитическими, то есть моделировали деятельность слушающего (читающего). Исследователь имел перед собой набор текстов, из которых по некоторым правилам извлекал нужную информацию (переводил текст в смысл).

Примеры. Все данные традиции ввиду их аналитического характера требовали приведения подтверждающих примеров, взятых из престижных текстов.

Обращение к фонетике и грамматологии. Все традиции, в конечном итоге, занимались фонетикой, хотя звуки могли смешивать с буквами. Но в Европе с самого начала выделяли гласные, согласные и пр., в Японии в эпоху Токугава делали нечто аналогичное, в Китае же первоначально изучали только иероглифы, однако с развитием традиции они перестали считаться неделимыми единицами, рассматривались и тоны, инициалы, финали. Грамматология (изучение структуры письменных знаков) в языках с алфавитной письменностью не имела практического значения, письменные знаки здесь (включая кану) могли запоминаться как единое целое. Но в Китае грамматология имела ведущее значение: структура иероглифов требовала изучения, в Японии она была заимствована из Китая.

Алфавит. Однако в области письма любые традиции, основанные на идеографической или фонетической письменности, требовали решения проблемы порядка рассмотрения единиц. В европейской традиции, как и в ряде других, распространился

побуквенный порядок в направлении от первого компонента. В Китае проблема была значительно серьёзней, но одним из первых достижений традиции стало формирование системы ключей, которая перешла и в Японию.

Просодические элементы. В Китае в составе базовой единицы на одном из этапов развития начал выделяться тон. В европейской традиции было понятие ударения, но большого места оно не занимало. В Японии на просодию обратили внимание уже в период европеизации.

Слово. Во всех рассматриваемых традициях выделялась некоторая первичная и заранее заданная единица. В Европе это было слово, в Китае — чтение иероглифа (*цзы*); в китайском языке она обычно совпадала с морфемой. В Японии *го* было чем-то промежуточным между морфемой и словом. Хотя собственно лингвистические свойства таких единиц в разных традициях могли различаться, функционально они занимали ведущее место. Эта единица, по-видимому, имела психолингвистическое значение: в нормальных ситуациях она хранилась в памяти.

Части речи. Первичные единицы могли классифицироваться. В Европе рано сложилась дифференцированная система из восьми или десяти частей речи, появилась аналогичная система и в Японии. Однако в Китае при бедной морфологии и широко распространённой конверсии такого не было, лишь разделяли «полные» и «пустые» (то есть самостоятельные и несамостоятельные) единицы.

Синтаксис. В европейской традиции это понятие сложилось уже в Александрии (Аполлоний Дискол), но синтаксис сводился к формулированию правил согласования и управления (более морфологических, чем синтаксических). Понятие членов предложения появилось здесь лишь в XVII в. В Китае правила порядка вводились, но не эксплицировались. В Японии синтаксис к моменту европеизации ещё не успел сложиться.

Лексика и грамматика. Разное развитие способов описания сказывалось и на развитии соответствующих исследований. В Китае создание словарей требовало толкования большого количества лексических единиц, тогда как в Европе и Японии особое внимание уделялось грамматическим показателям. Отставание

лексикологии по сравнению с грамматикой было постоянной чертой не только европейской традиции, но и выросшей на её основе научной лингвистики.

Сила слова. Видимо, во всех традициях на ранних этапах существовало представление о прямой связи звучания и значения, о языковой магии. В Китае и под китайским влиянием в Японии исправляли девизы правления императоров. В Европе судьбоносное значение приписывали номерам. Потом, разумеется, такие взгляды перестали принимать всерьёз.

Судьба традиций. В начале XIX в. сложилась мировая лингвистическая наука, выросшая из европейской традиции. Достаточно сложным образом в течение более чем столетия она вытесняла прежние традиции, однако, ряд их традиционных черт сохранился, в том числе в Китае и Японии.

Литература

Алпатов В.М. Лингвистические традиции. История лингвистических учений. Учебник и практикум. 3-е издание. М.: Юрайт, 2018. С. 7-35.

Е. Ю. Бессонова

Лексикографический анализ лексем японского языка *томару*, *томэру*

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В.Ломоносова «Теория и практика преподавания иностранных языков», номер ЦИТИС 122041400073-2

Аннотация. В статье проводится лексикографический анализ лексем японского языка **томару**, **томэру**. На основе словарных статей исследуются разные аспекты лексем в четырех иероглифических начертаниях, приводится иллюстративный материал. Обобщив результаты, автор отмечает многозначность слов, сложность данных лексем на уровне реализованного слова. Говорится о необходимости проработки лексем в ходе практических занятий по японскому языку.

Ключевые слова: лексикографический анализ, японский язык, лексема

E.YU. Bessonova

Lexicographic analysis of the Japanese lexemes "tomaru", "tomeru"

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University № 122041400073-2

Abstract. In the article, the author conducts a lexicographic analysis of the Japanese lexemes **tomaru**, **tomeru**. Based on dictionary entries, various aspects of the words are studied, four hieroglyphic records of the lexemes are considered, and illustrative material is provided. Summarizing the results, we noted the polysemy, the complexity of this lexemes in using. We note the need to study the lexemes during practical classes in the Japanese language.

Keywords: lexicographic analysis, Japanese language, lexeme

DOI 10.54449/9785907938519_12

В данной статье мы отметим некоторые основные позиции лексикографического анализа лексем *томару*, *томэру*, рассматривая словарные статьи из японских толковых словарей, японо-русских словарей, иероглифических словарей, словарей *идзидо:кун* (словари, в которых группируются слова с одинаковым чтением, но разным иероглифическим написанием).

На основе японо-русских словарей выделяются следующие основные переводы слов на русский язык: для лексемы *томару* — «останавливаться, прекращаться, быть преграждённым, оставаться, останавливаться на ночь, стоять на якоре в порту»; для лексемы *томэру* — «останавливать (прекращать движение), задерживать, прекращать, выключать, закреплять, удерживать, сохранять, размещать на ночь, ставить на якорь в порту».

Выявив, что данные лексемы входят в списки слов с одинаковыми чтениями, но разным начертанием, на начальном этапе анализа мы рассмотрели материалы словаря *идзидо:кун*, где лексема *томару* представлена следующим образом 止まる — 留まる — 泊まる — 停まる и лексема *томэру* соответственно 止める — 留める — 泊める — 停める [6]. При этом начертание иероглифом 停 приводится не во всех словарях сходной тематики или бывает приведено факультативно, так как в утверждённом в 2010 году иероглифическом минимуме Дзё:ё:кандзихё: данный иероглиф присутствует, но чтения *томару* и *томэру* за ним не закреплены [4].

Исходя из того, что лексемы *томару* и *томэру* могут быть записаны четырьмя основными иероглифами, а именно 止 — 留 — 泊 — 停, на следующем этапе анализа мы обратились к иероглифическим словарям, в том числе к словарю Н.И. Фельдман-Конрад «Русско-японский учебный словарь иероглифов» [8]. По данному словарю были изучены словарные статьи по каждому иероглифу на основе следующих критериев: 1) наличие чтений *томару*, *томэру*, 2) перевод и значение лексемы, 3) сопоставление со словами в другом иероглифическом начертании. Отметим, что для иероглифа 留 чтение *томэру* приводится в форме: *то[до] мэру* с переводом «останавливать, задерживать», сопоставление даётся с 止める, чтение *томару*, приводится в форме: *то[до] мару* с переводом «останавливаться, оставаться». Сопоставление

даётся с 停まる и 止まる. [8, 44]. Для иероглифа 停 чтение *томэ-ру* отсутствует, а для лексемы *томару* определяются следующие значения: 1) «останавливаться, оставаться в определенном месте», 2) «временно прекращаться» [8, 81]. В отличие от приведённых выше иероглифов чтение *томару/томэру* занимает значимое место в словарной статье иероглифа 止. Для лексемы *томару* приводятся следующие значения: 1) останавливаться, 2) прекращаться, прерываться, быть прегражденным, 3) оставаться (там же), удерживаться. Сопоставление проводится с 停まる, 泊まる. Для лексемы *томэру* даны значения: «1) прекращать, останавливать, задерживать, 2) закреплять (булавкой и т.п.), 3) прекращать, выключать (газ, радио и т.п.), 4) останавливать, удерживать». Сопоставление не приводится. [8, 334]. Лексема *томару* в начертании 泊まる приводится в значении «останавливаться (на ночь), ночевать», сопоставление даётся с тремя формами написания 停まる, 止まる, 留まる; лексема *томэру* — «пустить на ночь, дать приют» [8, 350]. Составляющие части иероглифов исследуемых лексем были проанализированы на основании *Кандзи/канва/гогэн дзитэн 漢字/漢和/語源辞典* [7]. Так, части иероглифа 停 разъясняются как изображения человека и высоких ворот или здания, сооружённого с помощью гвоздей (скорее всего беседки), со значением возможности отдыха и остановки на отдых, иероглиф 止 создан из образа поступи человека, человек идёт и ставит ногу, останавливает движение и сам останавливается. Иероглиф 留 является упрощённым вариантом первоначального начертания 留, в котором передавался образ подаваемой воды на возделываемые земли или охотничьи угодья. Части иероглифа 泊 трактуются как поток воды и жёлудь (варианты для правой части, соответствующие иероглифу «белый», — солнечный свет, белые кости скелета). Данный иероглиф имел значение приблизиться вплотную, что можно было сопоставить с значением «причалить (о лодках, кораблях)», «остановиться в порту, встать на якорь».

На следующем этапе анализа были изучены словарные статьи японских толковых словарей. Например, в Большом толковом словаре *Гэнсэн кокуго дайджитэн* словарная статья *томэру* объединяет слова со всеми четырьмя иероглифами, при этом вариант написания 停める — помечен вне активного использования,

примеры к нему не приведены. [2, 1686]. В словарной статье *томару* также приведены слова со всеми четырьмя иероглифами, а вариант 停まる помечен вне активного использования, примеры не приводятся [2, 1684]. Отметим тенденцию объединения всех вариантов начертания иероглифов в одну словарную статью, однако в некоторых словарях было замечено разграничение, где лексемы *томару* и *томэру* в начертании иероглифом 泊 были даны отдельной словарной статьёй, например в словаре *Дэдзитару дайджисэн* [3]. С точки зрения реализованного слова, мы проанализировали использования лексем в словарях примеров использования японских слов. В словаре *Нихонго рэйбун ё:рэй дзитэн* [5] лексемы *томару/томэру* в начертаниях с иероглифами 止 и 泊 представлены 20 примерами на каждую лексему, в начертании 留 *томару* — 20 примерами, *томэру* — 15 примерами. Меньше всего примеров приводится на лексемы в начертании с иероглифом 停, а именно 4 и 7 примеров соответственно.

На основании вышеизложенного отмечаем многозначность лексем *томару/томэру*, сложность реализации их в речи, особенно письменной. В процессе обучения японскому языку вопросы использования данных лексем затрагиваются в рамках изучения глаголов, явления *идзидо:кун*, синонимии, иероглифики. Например, в пособии по повторению иероглифов в составе глаголов [1] мы предлагали варианты возможной подачи материала с данными лексемами в рамках рядов глаголов с одинаковыми чтениями, подкрепляя материал упражнениями по данной теме. Таблицы в пособии включают справочный материал по каждому иероглифу, комментарии, а также примеры использования каждой лексической единицы. Считаем важным для студентов осваивать и тренировать данные лексемы в процессе обучения японскому языку как на начальном, так и на продвинутом уровне изучения японского языка.

Литература

1. Бессонова Е. Ю. Иероглифика. Учебное пособие для повторения иероглифов начального курса. (учебно- методическое пособие для студентов, изучающих японский язык). — Москва: 2015
2. Большой толковый словарь японского языка *Гэнсэн кокуго дайджитэн*. — Токио: 1988.
3. Большой электронный толковый словарь *Дэджитару дайджисэн*. — URL: <https://www.weblio.jp/content/%E3%81%A8%E3%82%81%E3%82%8B#SGKDJ>
4. Иероглифический минимум *Дзё:ё: кандзихё:* — URL: https://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/kijun/naikaku/pdf/joyokanjihyo_20101130.pdf.
5. Словарь примеров употребления слов японского языка *Нихонго рэйбун ё:рэй дзитэн*. URL: <https://www.weblio.jp/cat/dictionary/wnryj>.
6. Словарь слов с одинаковыми чтениями, но разными начертаниями *Идзидо:кун дзитэн*. — Режим доступа URL: <https://www.kanjipedia.jp/sakuin/doukunigi/items/0000053434>.
7. Этимологический словарь иероглифов *Кандзи /канва/ гогэн дзитэн*. — URL: <https://okjiten.jp>.
8. Фельдман-Конрад Н.И. Русско-японский учебный словарь иероглифов. Около 5000 иероглифов. Изд. 2-е, переработ. и доп.: издательство «Русский язык». — Москва: 1977.

А. С. Борисова

Особенности работы с иероглификой на занятиях по японскому языку и японистическим дисциплинам

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В.Ломоносова «Теория и практика преподавания иностранных языков», номер ЦИТИС 122041400073-2

Аннотация. Статья посвящена основным проблемам и характерным особенностям работы с иероглификой как части обучения не только японскому языку, но и японистическим дисциплинам. Автор особо подчеркивает организационные моменты, затрудняющие успешное освоение материала, и описывает возможные стратегии их преодоления.

Ключевые слова: иероглифы; японский язык; учебные пособия; методика обучения; языковое образование.

A. S. Borisova

Teaching kanji as part of the Japanese language course and Japan-related theoretical courses: features and problems

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University № 122041400073-2

Annotation. The article studies the main problems and challenges of learning and teaching kanji within courses of Japanese and Japan-related theoretical subjects. The author highlights organizational issues hindering kanji learning and considers possible strategies to overcome them.

Keywords: kanji; Japanese language; textbooks; teaching methods; language education.

В данной статье рассматриваются основные проблемы, связанные с освоением иероглифики в процессе изучения японского языка и смежных дисциплин. Именно иероглифика в процессе обучения представляет самую большую сложность, и даже студенты, успешно овладевшие активной грамматикой и лексикой, испытывают трудности с запоминанием чтения и написания иероглифов. В основе статьи лежит опыт автора в работе с учащимися бакалавриата и магистратуры как в государственных (МГУ, МГПУ), так и в частных вузах (Институт стран Востока).

Вопросы преподавания иероглифики часто поднимаются специалистами в статьях, посвященных методике преподавания. А.В. Кудряшова детально описывает методику изучения иероглифики на продвинутом этапе [2], особенности составления упражнений анализируются в общем описании методической системы в статье А. С. Шиманской [9, 311–312], А. И. Сергеева заостряет внимание на формировании каллиграфических навыков у учащихся и правописания отдельных черт [7]. Автор данной статьи ставит целью осветить характерные особенности освоения иероглифов в зависимости от структуры и целевой аудитории группы, а также типичные трудности и возможные методы их преодоления.

В вузах, где японский изучается как первый язык (ИСАА, ИСВ), программа предусматривает большое количество часов в неделю, что предоставляет время для работы с иероглификой. В учебниках, составляющих основу программы на начальном этапе (в первую очередь учебник Л. Т. Нечаевой [4] [5]), в составе каждого урока есть отдельные упражнения на активную иероглифику. Студенты обязательно пишут на доске фразы и слова с иероглифами урока, называют прочтения и значения, пишут лексико-иероглифические диктанты. На младших курсах уделяется внимание работе с прописями, на средних и старших курсах как дополнительные пособия могут использоваться японские учебники для экзамена Kanji Kentei (наилучшие дополнительные пособия перечисляет А. В. Кудряшова [2, 91–92]). К средним и старшим курсам в учебных пособиях уже меньше уделяется внимания иероглифам, и приходится привлекать больше дополнительных материалов. Изучение иероглифического минимума

Jojo Kanji выделяется в отдельную часть программы на четвертом курсе и в углубленном виде присутствует в языковом курсе магистратуры.

Особую важность иероглифический аспект приобретает в ИСАА, где работа с источниками по специальности невозможна без знания как базовой иероглифики, так и редких знаков, характерных для определенных стилей или эпох. Даже пособия для средних курсов (например, учебник М. А. Мишиной [3]) включают в материал уроков иероглифы, не входящие в минимум. Автору статьи неоднократно приходилось консультировать студентов бакалавриата, столкнувшихся с большим объёмом сложных текстов при подготовке к семинарам по историческим дисциплинам, где попадались устаревшие или альтернативные написания знаков или иероглифическая запись слов, которые сейчас пишутся только каной. В зависимости от специальности группы приходится диверсифицировать и состав дополнительных материалов для работы с иероглификой. Так, с группой политологов 2 курса бакалавриата для отработки активной иероглифики из списка политической лексики использовались упражнения из учебника Н. В. Раздорской, посвященного языку СМИ [6].

В случае учебных программ с малым количеством часов языковых занятий (факультет мировой политики МГУ), особенно курсов японского как второго иностранного языка (ФИПП РГГУ, сейчас — ФВиСКН ИАИ РГГУ), (факультет глобальных процессов МГУ) именно иероглифика страдает больше всего. Даже если иероглифические упражнения входят в состав основного учебника (например, учебник под редакцией Е.В. Струговой и Н. С. Шефтелевич [8], который используется на ФГП МГУ), времени на их систематическое выполнение в классе в программе выделено мало, большая часть остаётся для самостоятельной работы дома. Именно в таких учебных группах наблюдается редкая для ИСАА и ИСВ картина, когда баллы учащихся за лексико-иероглифическую часть контрольных работ систематически ниже, чем за грамматическую. Работа с японскими учебниками как основными ещё сильнее затрудняет освоение иероглифики, потому что японские авторы учебников для начинающих, ориентированных на иностранных студентов, гораздо больше внимания уделяют

грамматике и лексике. Они могут не давать отдельных списков активной иероглифики и специальных упражнений и, более того, используют фуригану почти везде, где в тексте встречаются иероглифы.

При небольшом количестве часов именно написание иероглифов на доске с разбором (студенты называют чтения и значения иероглифов) становится основным видом работы. Так как многое выносится в домашнее задание, на первых курсах обязательно используются дополнительные пособия с прописями. Преподаватель может дополнительно предложить электронные ресурсы и приложения для самостоятельной работы (особенно полезными будут ресурсы, связанные с уже упомянутым выше экзаменом Kanji Kentei, в первую очередь официальный сайт экзамена и рекомендованные там ресурсы [1]).

Группам, изучающим китайский как основной восточный язык, работа с японской иероглификой в ходе краткого курса второго языка часто оказывается не под силу. От Китаистов ФИПП РГГУ, с которыми автор работала в 2013–2015, неоднократно поступали жалобы на сложность переключения с китайских чтений и написания на японские, студенты с трудом могли усвоить деление японских чтений иероглифов на онные и кунные.

Иероглифика не входит как отдельный аспект в курс литературы Японии для бакалавриата, который автор ранее читала в МГПУ и часть которого читает до сих пор в ИСАА, и программу научно-исследовательских семинаров для 1 курса магистратуры в ИСАА. При этом работа с источниками в ходе практических занятий и исследовательской деятельности требует расширенного иероглифического запаса за пределами минимума. На занятиях учащиеся запоминают устаревшие написания иероглифов, встречающиеся в литературных текстах прошлых эпох, иероглифическую запись слов, включая служебные слова, которые сейчас пишутся азбукой, редкие иероглифы, обозначающие исторические понятия или вышедшие из употребления.

Сложность иероглифического материала была одним из проблемных моментов на начальных этапах изучения литературы Японии на 2 курсе бакалавриата МГПУ, когда студенты, только переходящие к среднему этапу изучения японского языка, стол-

кнулись на семинарах с разбором классической поэзии из антологий эпох Нара и Хэйан в исторической орфографии. В программе МГПУ, помимо курса автора статьи, дополнительно работа с иероглификой велась и ведётся на занятиях по дисциплине «История японской письменности» А. И. Сергеевой, где студенты знакомятся с историческим употреблением иероглифики.

Подводя итоги, можно перечислить следующие основные трудности и задачи работы с иероглификой в процессе обучения японскому языку. Большая часть затруднений связана не столько со сложностью материала, а с проблемами организационного характера: недостаток времени и ресурса в рамках учебной программы, чем часто определяется и слабая мотивация студентов. Что касается учебников, отмечается недостаточное количество упражнений для отработки активных иероглифов, начиная со средних курсов, а в списках иероглифов к урокам перечислены не все чтения для разбора источников. Для решения этих проблем необходимо диверсифицировать и расширить части учебных программ, посвященные иероглифам (даже минимума *Joю Kanji* уже мало для работы с материалами по специальности), и готовить новые авторские материалы, нацеленные на подготовку по определённым специальностям. Так, в ИСАА на кафедре японской филологии С. А. Быковой, Н. Д. Крнетой, Л. В. Овчинниковой и автором статьи ведётся работа по составлению учебника для 2 курса бакалавриата, где в каждом уроке будут в том числе разнообразные иероглифические упражнения.

Литература

1. Канкэн: Нихон кандзи но:рёку кэнтэй [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kanken.or.jp/> (дата обращения 18.01.25)
2. Кудряшова А. В. К вопросу о методике преподавания иероглифики на продвинутом этапе обучения японскому языку // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 25. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе, проблемы преподавания» (октябрь, 2022). — Т. 25. — Москва: Ключ-С, 2023. — С. 87–101.

3. Мишина М. А. Японский язык: Устный перевод на средних семестрах: [Учеб. для яз. вузов] / М. А. Мишина. — Москва: ТОО «Тривола», 1998. — 190 с.
4. Нечаева Л. Т. Японский язык для начинающих, ч. 1. — Москва: Московский лицей, 2019. — 352 с.
5. Нечаева Л. Т. Японский язык для начинающих, ч. 2. — Москва: Московский лицей, 2019. — 416 с.
6. Раздорская Н. В. Японский язык: учебное пособие по общественно-политическому переводу для студентов II-III курсов. — Москва: МГИМО, 2005. — 159 с.
7. Сергеева А. И. О роли изучения правописания отдельных иероглифических черт при формировании каллиграфического навыка у студентов, изучающих японский язык // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 25. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе, проблемы преподавания» (октябрь, 2022). — Т. 25. — Москва: Ключ-С, 2023. — С. 185–193.
8. Стругова, Е.В., Шефтелевич Н. С. Читаем, пишем, говорим по-японски: учебник для средней школы. — Москва: Муравей, 2002. — 285 с.
9. Шиманская А. С. Особенности преподавания японского языка на начальном этапе обучения в вузе // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Выпуск 25. Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе, проблемы преподавания» (октябрь, 2023). — Т. 27. — Москва: Ключ-С, 2024. — С. 307–318.

Л. А. Булах

Некоторые аспекты стилистического анализа повести Тавада Ёко "Посланец"

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В.Ломоносова «Литературы стран Азии и Африки: история и современность», номер ЦИТИС 122041300078-8

Аннотация. Статья посвящена анализу повести Тавада Ёко "Посланец", которая рассматривается как яркий пример дистопической литературы. Раскрываются ключевые аспекты произведения, включая его жанровую принадлежность, символическое значение названия, интертекстуальные связи и языковые особенности. Автор анализирует использование Тавадой языковых игр, каламбуров, эвфемизмов и заимствованных слов, которые подчеркивают многослойность текста и отражают культурные сдвиги. Особое внимание уделяется хронотопу изолированной Японии. В заключение подчёркивается значимость языка как инструмента раскрытия сложных тем, присущих творчеству Тавада Ёко.

Ключевые слова: Тавада Ёко, "Посланец", дистопия, языковые игры, каламбуры, эвфемизмы, лингвистический эксперимент, атэдзи, глобализация и изоляция

L. A. Bulakh

Some aspects of the stylistic analysis of Yoko Tawada's novel "The Emissary"

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University № 122041300078-8

Abstract. The article analyzes Yoko Tawada's story "The Emissary," recognized as a prominent example of dystopian literature. It

explores key aspects of the work, including its genre classification, the symbolic meaning of its title, intertextual references, and linguistic features. The author examines Tawada's use of wordplay, puns, euphemisms, and borrowed words, highlighting the text's multilayered structure and cultural shifts. Special attention is given to the chronotope of an isolated Japan. The conclusion emphasizes the significance of language as a tool for uncovering the profound themes central to Tawada's work.

Keywords: Yoko Tawada, "The Emissary", Dystopia, Wordplay, Puns, Euphemisms, Linguistic experiment, Ateji, Globalization and isolation

DOI 10.54449/9785907938519_23

В литературном мире Тавада Ёко (1960, Токио) занимает уникальное место как писательница, эссеист, поэт и драматург. Лауреат многочисленных литературных премий, она создаёт произведения, объединяющие языковые и культурные традиции Японии и Германии. Изучала русский язык и литературу в университете Васэда. В 1982 году переехала в Германию, где живёт и работает по сей день. В 2006 году она получила степень доктора филологии. Входит в число номинантов на Нобелевскую премию по литературе.

Жанр повести "Посланец"

Жанр повести "Посланец" 「遣灯使」 можно охарактеризовать как дистопию — реалистическое направление, которое акцентирует внимание на актуальных проблемах современности, усиливающихся в будущем. Важно разграничить антиутопию (миф о рае будущего, враждебном индивидуальной личности) и дистопию (ад современности, который может только усилиться). Как отмечается в литературоведческих исследованиях: «Дистопия — это жанр социальной фантастики, в котором с одной стороны материализуются человеческие страхи, а с другой — звучит предупреждение о пагубных тенденциях общественного развития» [1, с. 10].

Название произведения

Название произведения, 「遣灯使」, восходит к термину 遣唐使 (кэнтоси), который использовался для обозначения японских миссий в Китай эпохи Тан (VII–IX вв.). Эти миссии были направлены на изучение политического устройства, религии и культуры Китая. Тавада заменяет иероглиф 唐 (как отсылку к Китаю эпохи Тан) на 灯 (обозначающий «светильник»), что придаёт названию новое значение: "посланец света". Это лексическое нововведение напрямую связано с основной проблематикой произведения: конфликтом между личностью и государством, традицией и прогрессом, изоляцией и глобализацией.

Интертекстуальность

Произведение насыщено аллюзиями и отсылками к мировой литературе. Образ свечи соотносится с символикой огня в произведениях Б. Пастернака («Доктор Живаго») и М. Булгакова («Мастер и Маргарита»). Сатирические описания политической и экономической ситуации перекликаются с прозой В. Войновича, а дистопические мотивы напоминают произведения Дж. Оруэлла.

Образ свечи как символа

Свеча в произведении становится символом жизни, веры и света в условиях тотальной изоляции и разрушения. Эта тема перекликается с русской литературной традицией, где свеча ассоциируется с божественным светом и человеческой душой. В японской культуре символический свет усиливает значение просвещения во тьме невежества.

Хронотоп произведения

Действие повести разворачивается в Японии, изолированной от внешнего мира вследствие политики самоизоляции, принятой после ряда техногенных и природных катастроф. Центр страны становится непригодным для жизни из-за критического уровня загрязнения, изменившего климат. Выжившие вынуждены переселяться в убежища на западе страны. Высокие технологии вытесняются солнечной энергией, а сельскохозяйственная деятельность ограничивается регионами Хоккайдо, Окинавы и Сикоку. Животные практически исчезли, за исключением пауков, ворон и породистых собак, а растения подверглись мутациям. Эти изменения создают острую

дихотомию между здоровьем пожилого поколения и генетическими отклонениями у детей, страдающих от последствий катастроф.

Язык повести и методы художественной выразительности

Языковые игры и игра слов.

Тавада использует игру слов как средство для создания многослойных, глубоких текстов. Она экспериментирует со звучанием слов, их значением и структурой, создавая таким образом уникальные языковые образы, которые зачастую играют ключевую роль в развитии сюжета и персонажей.

В “Посланце” язык отражает изменения, происходящие в обществе и культуре. Тавада исследует, как языковые изменения могут отражать более глубокие социальные и культурные сдвиги, такие как изоляция Японии и её последствия для жителей страны.

Молодёжь, не изучавшая английский язык, не может пользоваться техникой (в частности, сельскохозяйственной), поскольку не знает, как включать кнопки, на которых написано On и Off.

Все эти приёмы используются для усиления юмористического контраста, разоблачающего лицемерие японских властей, пытающихся скрыть последствия техногенной катастрофы.

Язык в произведении Тавада Ёко играет ключевую роль. Он не только средство коммуникации, но и важный инструмент для раскрытия глубоких тем, затронутых в повести.

1. Языковые игры и каламбуры. Тавада использует игру слов, создавая многослойные тексты. Пример: 「診断」 «синдан» (постановка диагноза) звучит как 「死んだ」 «синда» (умер), что приводит к изменению терминологии: врачи заменяют выражение «регулярные осмотры» на «ежемесячные осмотры».

「診断」が「死んだ」と響きが似ているため、「定期診断」という言葉はいつからか使われなくなり、「月の見立て」と呼ぶ医者が増えてきた。[16, с 26].

«Поскольку словосочетание «постановка диагноза» звучит весьма мрачно, в последнее время многие врачи стали называть процесс диагностики здоровья детей просто «ежемесячный осмотр».

2. Заимствования и иероглифические аллюзии. Использование катаканы и атэдзи («иероглифов по фонетическим или смысловым соответствиям») усиливает интертекстуальность текста и подчёркивает культурные сдвиги.

Переводчик, воссоздающий каламбур, подчиняется, по определению Н. М. Любимова, некоей сверхзадаче: «Если каламбур имеет совершенно определенный социально-политический адрес, если он имеет идейное значение, переводчику надлежит напрячь все усилия и передать его с художественной точностью. Там, где присутствует чисто звуковая игра, переводчик вправе отступить от буквы оригинала, если иначе ему не создать того самого комического эффекта, которого добивался автор» [7, с.245]. В следующем примере наблюдается игра с заимствованными словами *экспресс* (*экусупурэсу* - *экспресс*) и *эспрессо* (*эспрессо* - *эспрессо*):

「実際は、空港行きの電車などもう存在しないし、カタカナ独特の高価な速度を売りつけるエクスプレスに乗る人もエクスプレスを飲む人も見あたらない」 [16, с.34].

«Ёсиро представляет, как он едет с вокзала Синдзюку в аэропорт Нарита в беспилотном экспрессе. На самом деле скоростной поезд в аэропорт уже не существует: не видно ни людей, пользующихся экспрессами, чьё иностранное название было символом скорости, ни тех, кто пьёт в них кофе эспрессо».

3. Эвфемизмы.

Эвфемизм как «замещение грубых выражений более мягкими, смягчающими форму выражения, но не его содержание» [13, с.210]. Эвфемизмы в повести отражают изменения общественных норм: например, переименование праздников или описание современных нравов.

Так, в одной из сцен внук Томо рассказывает деду о своих пристрастиях. По его словам, он испытывает воодушевление только тогда, когда выполняет три действия: «Покупать. Бить. Пить».

「どんな時に興奮するんだ？」

「そりゃやっぱり、あの三つだな」

「どの三つだ？」

「買う。打つ。飲む。」 [16, с.82-83].

Для японцев сочетание этих трёх глаголов обычно обозначает оплату сексуальных услуг, игру в кости и употребление алкоголя: «От трех вещей прихожу в азарт: женщин, вина и карт» (цитируется по роману А. Чудакова. «Ложится мгла на старые ступени», 2023 г.).

Также интересным примером является использование эвфемизмов для названий и переименования праздников с использованием «атэдзи» — иероглифов, употребляемых только фонетически или только по смыслу.

«В отличие от старых праздников, учреждённых в честь дней рождений легендарных императоров, новые были настоящими демократическими праздниками — их названия и даты проведения были выбраны всенародным голосованием. Сначала был проведён открытый опрос общественного мнения. В результате поступило много разных предложений: раз уже существует «День моря», когда принято размышлять о его загрязнении, то, вероятно, стоит учредить и «День реки», чтобы серьёзно задуматься о реках, в которые издавна сливают вредные отходы производства. «Зелёному дню» надо, наверное, противопоставить новый «Красный день». В ответ на пожелания трудящихся, которые сочли уже существующий «День культуры» слишком абстрактным и недостаточно всеобъемлющим, было принято решение учредить дополнительные «День книги», «День песни», «День картины», «День архитектуры» и т.д. Праздники «День пожилых» и «День детей» были соответственно переименованы в «День бодрой старости» и в «День извинений перед детьми». «День физкультуры», чтобы не расстраивать отстающих в физическом развитии детей, переименовали в «День тела», а «День благодарения труда», чтобы не обижать желающую работать, но недостаточно здоровую для этого молодёжь, переименовали в праздник «Скажи спасибо, что живой» (生きているだけでいいよの日). Однако людей интересовало не только увеличение числа праздников. Мощный поток пожеланий упразднить «День основания империи» накрыл этот праздник с головой и унёс его в неизвестном направлении. Основным доводом стало следующее: такую прекрасную страну, как Япония, вряд ли можно был создать всего за один день. Для поощрения практически

сошедших на нет сексуальных отношений появился «День подушки», в «День исчезнувших видов» принято было воскурять благовония в память о вымерших в Японии зверях и птицах, а в “Off-line day” (御婦裸淫 в иероглифической записи означает «Благородная жена гола и развратна») вспоминают о дате исчезновения интернета. В «День костей» рекомендуется серьёзно задуматься о роли кальция в организме человека».

Заключение

Произведение Тавада Ёко «Посланец» представляет собой уникальный сплав социальной дистопии, языкового эксперимента и культурных аллюзий. Оно предлагает читателю переосмыслить как личную, так и коллективную идентичность, используя язык как инструмент познания и трансформации. Её произведения разрушают устоявшиеся нормы, вдохновляя на диалог между культурами и поколениями.

В произведениях Тавады язык часто несёт в себе символическое значение. Он может символизировать культурный идентичность, разрыв между поколениями или изменения в обществе. Таким образом, язык становится не просто средством выражения мысли, но и мощным символом, способным передать глубокие идеи и эмоции.

В целом, в "Посланце" язык является центральным элементом, который Тавада использует для исследования и выражения сложных тем и идей. Через языковые игры, символику и особое внимание к заимствованным словам автор открывает перед читателем богатый и многогранный мир своего произведения.

«Произведения Тавады полны различных аллегорий. Однако им свойственен мощный магнетизм, нацеленный на разрушение существующего нормативного литературного языка... Она вдыхает новую жизнь в уже существующие слова» [17, с. 147]. То есть её позиция во многом революционная, новаторская.

Стиль Тавады отличается энергичностью, а язык — отсутствием устарелых идиом и сложных грамматических конструкций. Жизнь в иноязычной среде послужила толчком для пересмотра родного языка и своего отношения к родному языку.

Тавада — зоркий диагност и предсказатель, поднимает серьёзные проблемы, но использует для их описания искромётные

выражения и игру слов, и это позволяет читателю по-новому взглянуть на ситуацию. То есть, по сути, писатель с помощью языка своих героев ведёт борьбу с тошнотворной изолированной современной реальностью.

Литература

1. Виноградов В. В. Стилистика. Поэтика. М., 1963
2. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М, 1971
3. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М, 2004,
4. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983
5. Крылова О. А. Основы функциональной стилистики русского языка. М., 1979
6. Кунавина Н. П. Жанрообразующая роль фразеологизмов в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Костромского государственного университета. — 2011. — № 5—6. — С. 123—126.
7. Любимов Н.М. Перевод-искусство//Мастерство перевода. М., 1964
8. Матенов, Р. Б. Стиль художественной литературы в аспекте лингвистической и литературоведческой стилистики / Р. Б. Матенов. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 19 (78). — С. 663-665. — URL: <https://moluch.ru/archive/78/13582/> (дата обращения: 18.04.2024).
9. Мицуёси Нумано. Граница японской литературы и её сдвиг в мировом контексте
10. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка, М. Высшая школа, 1974
11. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. М. Современный писатель, 1992. С. 8.

12. Тухарели, М. Д. Аллюзия в системе художественного произведения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тухарели Майя Дмитриевна. — Тбилиси, 1984.
13. Тимофеев Т.И., Основы теории литературы, М., 1963
14. Писательница Тавада Ёко: литература без границ и новые возможности японской литературы, Nippon. com 01.10.2021
15. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы/ Составление, общая редакция и предисловие В.А.Чаликовой, М., Прогресс, 1990
16. 多和田葉子、遣灯使、講談社、東京、2021
17. 多和田葉子、犬嫁入り、講談社、東京、2023

С. А. Быкова

Выбор тем для выпускных квалификационных работ бакалавров и магистров по филологии

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В.Ломоносова «Теория и практика преподавания иностранных языков», номер ЦИТИС 122041400073-2

Аннотация. В статье анализируется проблема выбора тем выпускных квалификационных работ в бакалавриате и магистратуре. Выпускные квалификационные работы представляют собой самостоятельно выполненные работы, демонстрирующие овладение студентом научными знаниями по теме и навыками научного анализа. Выбор темы выпускной работы во многом обусловлен всей предыдущей исследовательской работой в процессе подготовки курсовых работ.

Ключевые слова: выпускная квалификационная работа, курсовая работа, бакалавриат, магистратура, теоретические знания.

S. A. Bykova

Selection of topics for final qualifying papers of bachelors and masters in philology

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University № 122041400073-2

Abstract. The article analyzes the problem of choosing topics for final qualifying papers of bachelors and masters. Final qualifying papers are self-completed papers demonstrating the student's mastery of scientific knowledge on the topic and skills of scientific analysis. The choice of the topic of the final qualifying paper is largely due to all previous research work in process of writing the course works.

Key words: final qualifying paper, course paper, bachelor course, master course, theoretical knowledge.

DOI 10.54449/9785907938519_32

Подготовка и последующая защита выпускной квалификационной работы в бакалавриате и магистратуре является важнейшим этапом в подготовке востоковеда, подводящим итог обучения студента, овладения им необходимыми в будущей профессиональной деятельности знаниями, навыками и компетенциями. Это научное исследование, выполненное на должном уровне и подразумевающее знание теории вопроса, умение проводить научный анализ исследуемого материала на основе его предварительного отбора. Представляется правильной нижеследующее понимание выпускной квалификационной работы: «Выпускная квалификационная работа (ВКР) — это самостоятельно выполненная целостная работа, демонстрирующая уровень подготовки выпускника к профессиональной деятельности» [3,5]. Аналогичные определения выпускной квалификационной работы можно увидеть и в других трудах, посвящённых методике работы над подготовкой подобных работ, или Положениях о ВКР, принятых в различных вузах независимо от специализации выпускника. При этом сами по себе определения ВКР и курсовых работ ярко демонстрируют различия между ними. Так, в ИСАА МГУ курсовая работа студента в соответствии с Положением о курсовой работе рассматривается как самостоятельно выполненное научное исследование, в котором рассматривается определённая проблема или круг проблем по истории, филологии, экономике, политологии стран Азии и Африки. Выполнение курсовой работы должно способствовать формированию у студентов навыков качественного научного исследования и надлежащего оформления его результата. Для выпускной квалификационной работы студента бакалавриата обязательным требованием является демонстрация овладения студентом научными знаниями по избранной теме. В ВКР должен быть обзор научной литературы, должны быть освещены основные анализируемые проблемы и продемонстрировано знание основных точек зрения и концепций по тематике работы. Автор ВКР должен продемонстрировать владение стандартными методиками исследований, умение обобщать и анализировать фактический материал, используя теоретические знания и практические навыки. Обязательно использование литературы на восточном языке. Выпускная квалификационная

работа на соискание степени магистра (магистерская диссертация) должна демонстрировать уровень научной квалификации магистранта, носить самостоятельный характер, иметь практическую направленность в соответствии с выбранной магистерской программой, содержать совокупность аргументированных положений и выводов, отвечать требованиям логичного и чёткого изложения материала, доказательности и достоверности фактов, последовательного изложения информации. Тематика магистерской диссертации должна быть актуальной, иметь практическую направленность, учитывать специфику магистерской программы. Обязательно использование литературы на восточном языке.

Приведённые выше требования, которым должны отвечать курсовые и выпускные работы, наглядно демонстрируют определённые различия в их научно-исследовательском уровне, хотя им присущи также общие характеристики. Обратимся прежде всего к объединяющим факторам. Несомненно, основной общей характеристикой этих работ является то, что они представляют собой итог научного исследования, самостоятельно проведённого студентом. Но научный уровень проводимых исследований на различных этапах обучения также дифференцируется, что прежде всего обусловлено уровнем подготовки на соответствующем этапе. Отсюда — различия в приведённых выше требованиях, предъявляемых к курсовым работам и ВКР. Научно-исследовательская работа студента включает в себя различные формы и виды. В частности, рефераты и доклады, которые студенты выполняют в процессе овладения, например, дисциплиной «Теория основного восточного языка» [1, 40-45; 2, 52-60], также представляют собой разновидность научного исследования, поскольку в процессе подготовки к семинару или написания реферата они проводят анализ соответствующего материала и излагают его, творчески осмысливая и оценивая различные положения и факты с позиций современной науки о японском языке. Но, разумеется, рефераты и доклады по сложности несопоставимы с курсовыми работами, а тем более с ВКР. Курсовая работа является поистине научным исследованием, пусть и небольшого объёма, в котором студентом самостоятельно проводится анализ материала по выбранной тематике, позволяющий сделать определённые выводы

как результат этого анализа. Уровень теоретической подготовки и уровень владения языком повышаются по мере перехода от начального этапа к среднему, а затем и к продвинутому. Этот процесс всё более углублённого овладения теорией и практикой естественным образом влияет на качество выполняемых работ, повышение их научного уровня от курса к курсу. В процессе подготовки курсовой работы студент постепенно овладевает навыками качественного научного исследования и анализа соответствующего материала. Выполнение выпускных квалификационных работ в бакалавриате, а тем более в магистратуре, подразумевает овладение как научными знаниями по исследуемой проблематике, так и овладение навыками и методикой исследования.

Качественно выполненная выпускная работа по филологии демонстрирует знание автором теории вопроса и умение анализировать материал, языковый или литературный. Многолетний опыт убедительно доказывает, что достижение весомого результата на заключительном этапе, а именно подготовка выпускной работы на надлежащем уровне оказывается возможной при соблюдении по крайней мере одного важного условия, а именно постепенного вхождения в тему. Это означает, что ещё на начальном этапе (в ИСАА — на втором курсе) выбирается такая тема, которая постепенно получает развитие в курсовой работе следующего курса и на заключительном этапе позволяет подготовить такую выпускную квалификационную работу, которая бы являлась результатом завершающего этапа исследования по определённой проблематике. Иными словами, тема, выбираемая на начальном этапе, должна быть перспективной в плане её последующего развития. Если же тема меняется ежегодно, то серьёзное, теоретически обоснованное исследование становится невозможным. Постоянное изменение темы в процессе обучения не позволяет провести поистине глубокий анализ. Думается, что это одинаково важно как для работ по языкознанию, так и по литературоведению. За многие годы работы в качестве научного руководителя автор данной статьи только однажды имел возможность чрезвычайно высоко оценить магистерскую диссертацию, написанную всего за год. Но студентка магистратуры, которая исследовала в своей выпускной работе стилистические особенности различных

приветственных речей на японском языке, предварительно собирала необходимый материал в течение нескольких месяцев, находясь на стажировке в Японии, а с теорией вопроса знакомилась самостоятельно ещё на первом курсе магистратуры. Наиболее рациональным оказывается поэтапный процесс разработки проблематики, когда в первой курсовой работе изучается и анализируется соответствующая теоретическая литература на русском и доступных автору европейских языках, а также привлекается сравнительно небольшое количество языкового материала. На начальном этапе недостаточное владение языком не позволяет более активно использовать иллюстрации тех или иных утверждений и тезисов с помощью примеров из произведений художественной литературы, Интернета, словарей и т.д. В этом случае чрезвычайно важна позиция научного руководителя, который должен помочь студенту выбрать тему не просто актуальную, но ещё и с «с прицелом» на будущее, а также обладать собственным видением развития темы на последующих этапах. Кроме того, автору курсовой работы следует осознавать, что его основная задача — учиться проводить научное исследование, но не питать иллюзий, что он совершит открытие в науке, будь то лингвистика или литературоведение. Начинающий исследователь должен приобретать навыки и опыт научного исследования на основе полученных и получаемых в процессе обучения теоретических знаний. Существуют труды выдающихся отечественных и зарубежных исследователей, изучив которые, можно правильно оценить различные факты, в том числе языковые, и разъяснить суть тех или иных новаций с позиций современной науки. Это и станет небольшим вкладом в теорию вопроса. Далее, на последующих этапах, углубляется «вхождение» в тему, начинается настоящее научное исследование собранного материала, при котором обязательно привлекаются полученные и получаемые в процессе обучения теоретические знания по соответствующему профилю подготовки. Это позволяет провести анализ различных явлений, в том числе новых языковых. Во многом проведению исследования способствует освоение дисциплин Учебного плана по теории языка и литературы. Поскольку теоретические дисциплины изучаются поэтапно, в соответствии с Программой и

Учебным планом различных востоковедческих вузов, очевидно, что выпускная квалификационная работа всегда будет отличаться более высоким теоретическим уровнем нежели курсовая благодаря освоению к продвинутому этапу обучения большей части теоретических дисциплин. В то же время выпускная квалификационная работа в магистратуре, несомненно, будет выполнена на высоком уровне, если её подготовке предшествовала работа над качественно выполненной ВКР в бакалавриате. Без преувеличения можно утверждать, что выбор темы достойно выполненной выпускной квалификационной работы во многом обусловлен выбором темы по анализируемой проблематике ещё на начальном этапе исследования.

Что же имеется в виду, когда мы говорим о развитии темы? Прежде всего не следует понимать буквально, что тема первой курсовой работы не претерпевает никаких изменений вплоть до выпускной работы. Разумеется, существуют проблемы и темы, которые поистине неисчерпаемы. Если говорить о лингвистике, то можно, например, упомянуть проблему фразеологических единиц, которые разделяются на несколько разрядов, анализ и описание особенностей которых не могут быть выполнены в одной курсовой работе, проблематику заимствований и неологизмов в современном японском языке, характеристику тех или иных стилистических особенностей текстов различных жанров, изменения в грамматической системе современного японского языка и ряд других. Отсюда — возможность и необходимость проводить анализ той или иной проблемы поэтапно. Аналогичным образом, как представляется, можно проводить анализ литературоведческой проблематики, когда поэтапно проводится исследование, например, творчества выдающегося писателя или целого литературного направления.

При подготовке данной статьи автор провёл статистический анализ тематики курсовых и выпускных квалификационных работ, выполненных на кафедре японской филологии ИСАА МГУ за пять лет, с 2019-2020 учебный год по 2023-2024 учебный год. В течение этого пятилетнего периода в бакалавриате было подготовлено курсовых и выпускных квалификационных работ по лингвистике 47, по литературоведению 20, из которых ВКР по лингви-

стике 12, по литературоведению — 7. Магистерских диссертаций по лингвистике защищено 9, по литературоведению — 10. Данные по работам в бакалавриате свидетельствуют о большем интересе студентов к проблемам японского языкознания. Наибольший интерес студентов-лингвистов и в бакалавриате, и в магистратуре вызывают темы, связанные с фразеологией, молодёжным языком, диалектами, жаргонами, ономатопоетической лексикой, языком рекламы и СМИ. Студенты, специализирующиеся по литературе Японии, проявляют заметный интерес к фольклористике, творчеству известных японских писателей прошлого, модным жанрам современной японской литературы, вопросам, связанным с влиянием русской литературы на японскую.

При этом исследования, проводившиеся при подготовке выпускных квалификационных работ, являлись естественным продолжением всей предыдущей исследовательской работы студентов. Приведём лишь несколько примеров. Занимаясь анализом территориальных диалектов японского языка, одна из выпускниц прошла путь от анализа места диалектов в современном японском языке к особенностям языка Осака, затем Киото и, наконец, района Кансай на основе анализа языка художественной литературы на диалекте этого района. Другая выпускница, начав с изучения трудов Н.А.Невского, далее исследовала японские народные демонические рассказы, а на завершающем этапе провела анализ мифологии айнов. Студентка бакалавриата, проводившая исследование японской фразеологии поэтапно, усвоив и творчески осмыслив на начальном этапе основы теории вопроса, далее анализировала слитные именные фразеологические словосочетания и фразеологические сочетания. Можно привести немало аналогичных примеров, которые ярко демонстрируют тенденцию к поэтапному погружению в тему, позволяющему подготовить качественное исследование на заключительном этапе обучения.

Литература

1. Быкова С.А. Рефераты и курсовые работы по лингвистической проблематике и их роль в учебном процессе. //Матери-

- алы 5-й международной научно-практической конференции «Японский язык и культура в образовательном пространстве» М.: изд-во «Ключ-С». — 2023. — Выпуск 26. — С. 40-45.
2. Быкова С.А. Роль дисциплины «Теория японского языка» в подготовке японоведов и методика её освоения. // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Материалы 3-й международной научно-практической конференции. — М.: изд-во «Ключ-С». — 2021. — Выпуск 22. — С.52-60.
 3. Мухаметзянов Р.Р., Аликберова А.Р., Мартынова Ю.А. Методика написания курсовых и выпускных квалификационных работ. Методическое пособие для студентов направления подготовки 58.03.01. — Казань: Изд-во Казанского университета, 2019. — 51 с.

И. С. Ибрахим

**Характеристики коллокаций
в текстах экономической тематики
и особенности их перевода на русский язык**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы понятия и выделения коллокаций в японском языке с учётом дискуссионного характера темы слова и его границ применительно к японскому языку. За основной признак разграничения словосочетаний и коллокаций принимается степень спаянности элементов коллокации, анализируются структура и особенности грамматических и семантических коллокаций. Результаты анализа текстов экономической тематики даёт основание полагать, что фокус на системном изучении семантических коллокаций со средней и высокой степенью спаянности, не имеющих эквивалентов в родном языке, способствует более эффективному и быстрому формированию коллокационной компетенции и осведомлённости, чем традиционное заучивание слов и словосочетаний.

Ключевые слова: коллокации в японском языке, коллокационная осведомлённость, коллокационная компетентность, экономические термины в японском языке

I. S. Ibrakhim

**Some characteristics of collocations in economics
articles in Japanese and peculiarities of translation
them into Russian**

Annotation. The article addresses the challenges associated with the concept and identification of collocations in the Japanese language, taking into account the contentious nature of the topic concerning the definition of a word and its boundaries in relation to Japanese. The primary criterion for distinguishing between phrases and collocations is the degree of cohesion among the elements of the collocation. Furthermore, the structure and characteristics of both grammatical and

semantic collocations are analyzed. The results of the analysis of economic texts provide grounds to believe that a focus on the systematic study of semantic collocations with a medium to high degree of cohesiveness, which lack equivalents in the native language, contributes to a more effective and rapid formation of collocational competence and awareness compared to traditional memorization of words and phrases.

Keywords: collocations in the Japanese language, collocational awareness, collocational competence, economic terms in Japanese language

DOI 10.54449/9785907938519_40

Термин «коллокация» достаточно часто встречается в последние годы, главным образом, в работах, посвящённых методикам преподавания иностранных языков. В научный оборот уже вошли такие производные от коллокации понятия, как коллокационная компетенция, коллокационная осведомлённость — термины в рамках лексического подхода к преподаванию, характеризующие уровень владения языком и являющиеся целевыми показателями как для обучающихся, так и для преподавателей. Коллокации определяются как устойчивые словосочетания с различной степенью спаянности компонентов, что позволяет отнести к ним не только фразеологизмы и идиомы, но и сочетания слов, имеющих статистически подтверждённую тенденцию встречаться в одном дискурсе и относящихся к одному семантическому полю.

В современном отечественном японоведении тему коллокаций рассматривал применительно к задачам преподавания И. Р. Нургалиев [3], а с точки зрения семантики А. С. Панина в работе, посвящённой коллокациям с названиями эмоций [4].

В работах японских исследователей, посвящённых преподаванию иностранных языков, в последние годы часто используют заимствованный термин *корокэ:сён* от английского *collocation*, и это относительно новый термин. Однако в работах по японской лингвистике уже более полувека оперируют

понятием *рэнго* — дословно: «связанные слова» или словосочетания. Причём под *рэнго* подразумевают комбинацию из двух и более слов

Если для европейских языков относительно трактовки словосочетания исследователи более-менее сходятся во мнениях, то с восточными языками, в частности с японским, дело обстоит несколько сложнее. Выделение слова в японском языке, из-за того, что он агглютинативный, долгое время служило предметом научных дискуссий. В российском японоведении наиболее знаковым исследованием на эту тему стала монография Алексея Антоновича Пашковского «Слово в японском языке» [5]. Тем не менее, среди исследователей по-прежнему остаются разногласия, трактовать ли некоторые морфемы как суффиксы или как корни.

Деление на знаменательные (далее ЗС) и служебные слова (далее, СС) привело к дискуссиям о том, считать ли словосочетанием, например, комбинацию СУЩ+ Падежный послелог. В своей работе Комия Т. указывает на то, что и в толковых словарях *Кокугогаку дайджитэн* и *Нихонго бумпо*: *дайджитэн* данную комбинацию относят к *рэнго* [2, 44]. Исходя из такого подхода, коллокации в японском языке можно условно разделить на две группы: грамматические и семантические. Грамматические коллокации, как для комбинации СУЩ+СС, так и для комбинации ГЛ/ПРИЛАГ+СС, определяются валентностью и семантикой глагола либо прилагательного, следующего за существительным, а не самим существительным. Так, например, в словосочетании «*уми-КАРА тоой*» («далёкий от моря») на первый взгляд две коллокации: грамматическая «*уми-КАРА*», и семантическая «*уми-КАРА тоой*». Однако использование падежного послелога *-кара* при этом обусловлено не существительным *уми* (море), а прилагательным *тоой* (далёкий), что даёт нам основание выделять как грамматическую коллокацию «*-КАРА тоой*», а не «*уми-КАРА*». Таким образом, можно сделать вывод, что в грамматических коллокациях высокой степенью спаянности обладают комбинации СС+ГЛ/ПРИЛАГ.

Для семантических коллокаций определяющим фактором становится степень спаянности компонентов. Именно она позволяет разграничить словосочетания со свободной сочетаемостью

и семантические коллокации. Сильная степень спаянности характеризует, помимо фразеологизмов, поговорок и идиом, словосочетания, относящиеся к одному семантическому полю, а также словосочетания, в которых значение не складывается из значения элементов, а либо определяется только одним из элементов, типа «*рэнкау-о тору*» («связаться», дословно «взять связь») или «*ниои-га суру*» («пахнуть», дословно «запах делает»); либо имеет совершенно другое, своё значение типа «*ки-га цуку*» («обращать внимание», дословно «дух цепляется»).

Систематизированное изучение коллокаций особенно важно при работе с текстами в определенной области знаний, в частности в технических, медицинских, экономических текстах. С одной стороны, эти тексты изобилуют терминологией и профессиональным арго, относящимся к определенным семантическим полям. С другой стороны, их характеризует определенная заформализованность и клишированность, понимание которых и определяется коллокативной осознанностью и компетенцией. Комия Т. отмечает, что освоение экономической лексики иностранными студентами при изучении экономики в японских ВУЗах продвигается более эффективно, если давать её в составе коллокаций [1, 21].

В качестве особенности текстов СМИ на японском языке часто отмечают эллипсис ряда падежных послелогов и формализаторов. Частным случаем такого эллипсиса можно считать появление сложных слов, состоящих из 4 иероглифов, но по сути являющихся словосочетанием. Например, «*кэйдзай дзё:кё:*», вместо «*кэйдзай-НО дзё:кё:*» («экономическая ситуация»), где происходит эллипсис послелога родительного падежа. В качестве противоположного примера можно привести оппозицию *нихон-гинко*: (Центробанк Японии) и *нихон-но гинко*: (японские банки). В данном случае мы наблюдаем не эллипсис, а словообразование путём сложения основ. Однако рассмотрение данной проблемы лежит вне темы данной статьи, поэтому этот материал мы не рассматривали.

В текстах экономической тематики встречаются все виды коллокаций: грамматические и семантические (традиционные, этнокультурные и терминологические). Предсказуемо, основную

трудность представляют для обучающихся коллокации, не имеющие эквивалентов, либо имеющие отличающуюся от родного языка сочетаемость.

Анализ ошибок при переводе и употреблении конструкций из текстов экономической тематики также свидетельствует о том, что наиболее часто учащиеся ошибаются в случаях, когда глагольное управление в японском языке не совпадает с русским. Разумеется, что сам факт очевиден, но выделение наиболее частотных коллокаций с такими глаголами в отдельный список для тщательной проработки с обучающимися по-прежнему актуальная задача. Приведём примеры таких коллокаций: *тэйан-НИ сансэй суру* («одобрять предложение», датив vs. аккузатив), *кэй-кайкан-О цуёмэру* («усиливаются опасения», аккузатив vs. номинатив).

В семантических коллокациях чаще всего (но не всегда) отсутствие эквивалентов можно объяснить семантикой составных элементов (иероглифов) слов в коллокации. По данным Комия [23], из общей выборки коллокаций в текстах по экономике 48,9% приходится на именные словосочетания (СУЩ+СУЩ), 45,9% — на глагольно-именные (СУЩ+ГЛ), всего лишь 4,6% — на адъективные (ПРИЛАГ+СУЩ), на все остальные комбинации приходится 0,6%.

Определенные явления, очевидно, поддаются систематизации и обобщению. Тем более, что в последние годы развитию изучения коллокаций в плане частотности и контекстуальности употребления способствует формирование все большего числа корпусов. Использование корпусов для создания учебного материала также получило широкое распространение, поскольку даёт возможность оперативно собрать и проанализировать материал по конкретной теме.

В частности, японские существительные присоединяют словообразовательные суффиксы с исходными значениями «цвет» (*-сёку*), «сила» (*-рёку*), степень (*-до*), «чувство» (*-кан*), «процент» (*-рицу*). В таких случаях семантика суффиксов будет определять, какие глаголы или прилагательные образуют коллокацию с данным существительным. Например, существительное «кики» («кризис») может использоваться с суффиксом *-кан* («чувство»),

что никак не повлияет на перевод на русский язык. Однако, *кики-кан* используется с такими глаголами, как *цунору* («становиться интенсивнее»), *такамару* («повышаться, расти»), *идаку* («лелеять»), *моцу* («иметь»), *кандзиру* («чувствовать») и с прилагательными типа *такай* («высокий»), *оокий* («большой»). В то же время слово *кики* сочетается с совсем другими глаголами: *норикоэру* (преодолеть), *дассюцу суру* (вырваться из), *кайкэцу суру* (разрешить), *мукаэру* (столкнуться), *синкокука суру* (усугубиться), и только с одним предикативным прилагательным *цуйй*. При этом высока сочетаемость с полупредикативными прилагательными типа: *ооки-на* («большой»), вместо предикативного *оокий* с тем же значением, *тайхэн-на* («ужасный»), *синкоку-на* («глубокий»).

Рассмотрим, как ведут себя слова со сходным значением с точки зрения сочетаемости и синтаксической позиции. В качестве примера возьмем слова-синонимы в значении «экономическая депрессия/кризис»: *фукэйки* (221), *кэйдзайкики* (118), *фукё*: (1840), *кё:ко*: (425). В скобках приведено число употреблений в корпусе.

Слово *фукё*: («экономическая депрессия, рецессия») встречается в несколько раз чаще, чем остальные рассматриваемые слова. При этом из 1840 случаев употребления оно сочеталось только в 11 случаях и только с двумя предикативными прилагательными: *нагай* («долгий») и *кибисий* («тяжелый»). Сочетаемость с полупредикативными прилагательными существенно выше, но качественно широкой вариативности не наблюдается: в более, чем половине случаев (39 из 76) коллокации образованы с прилагательным *синкоку-на* (глубокий). Далее следуют *тё:китэки-на* («долгосрочный») и *сэкайтэки-на* («мировой»). Всего в 6% случаев это слово выступает в качестве субъекта, но главным образом, в конструкциях с пассивом, потенциалисом, а также с глаголами бытия, длительного состояния и движения (*ару*, *нару*, *цудзуку*, *тё:кика-суру*, *куру* и т.п.) случаев употребления показателя датива значительно больше, чем акузатива, причём датив в большинстве случаев используется либо как элемент отымённых послелогов, либо с глаголами в пассивном залоге.

Кё:ко: в 31,5% случаев (134 из 425) употребления фигурирует в значении Великой депрессии 1929 года (дайкё:ко:). В соче-

таниях со словом *кэйдзай* («экономика») оно встретилось 16 раз, что в процентном отношении составляет всего лишь 3,7%. Сочетаемость с прилагательными этого слова ограничена, встречается в единичных случаях с определениями: *синкоку-на* («глубокий»), *ооки-на* («большой») и *фукай* («глубокий»). Глаголы, с которыми сочетается *кё:ко:* в качестве субъекта, преимущественно пространственного значения (*хирогару* — «распространяться»), с негативной коннотацией (*сю:рай суру*, *осоу* — «нападать»; *окору/ вакиокору* — «случиться/ разразиться»). В качестве объекта как прямого, так и косвенного *кё:ко:* используется значительно чаще, чем в качестве субъекта, с глаголами в следующих значениях: «испытывать» (*кэйкэн суру*), «преодолевать» (*киринукэру*, *норикиру*, *норикоэру*, *кокуфуку суру*), «избегать» (*сакэру*), «впадать в» (*отишуру*, *тоцуно: суру*).

Выборка для слова *фукэйки* существенно меньше, что можно объяснить достаточно «узким» значением — оно употребляется, главным образом, в текстах экономической тематики, в отличие от *кё:ко:*, ассоциируемого с Великой депрессией и используемого в большем количестве контекстов. Сочетаемость с прилагательными стремится к нулю, нам попало только два примера с определениями, выраженными полупредикативными прилагательными: *синкоку-на* («глубокий») и *кэйдзайтэки-на* («экономический»). В 10% случаев выступает в роли субъекта с глаголами негативной коннотации: *татару* («преследовать»), *тёкугэки суру* («наносить удар»), *сю:рай суру* («нападать»), а также с глаголами движения и развития: *нагабику/нагаку цудзуку* («затягиваться»), *то:рай суру/хадзимару* («приходить/начинаться»), *сусуму* («развиваться»). В качестве прямого объекта *фукэйки* встречается всего в нескольких случаях с глаголами с негативной коннотацией: *нагэку* («скорбеть»), *икинокору* («выживать»). С показателем датива *фукэйки* встречается в 15% случаев, но в подавляющем большинстве это одна коннотация — *фукэйки-ни нару* («наступил кризис»).

Кэйдзайкики («экономический кризис») в данном случае мы рассматриваем как одну лексему, хотя её можно трактовать и как коллокацию, образованную путём эллипсиса показателя генети-ва. В качестве определения к нему корпус выдаёт только при-

лагательные *фукай*, *синкоку-на* (оба со значением «глубокий»), причём предикативное прилагательное *фукай* встречается только один раз. Как субъект *кэйдзайкики* сочетается с глаголами с негативной коннотацией: *осоу* («нападать»), *тобихи суру* («перекинуться на»), *хассэй суру* («возникать, вспыхнуть»). В качестве прямого объекта встречается примерно столько же, сколько в качестве субъекта действия, и сочетается с глаголами со значением преодоления, разрешения и спасения: *норикиру/кокуфуку суру*, *дакай суру*, *сукуу*). С дативом встречается гораздо чаще, что, по всей вероятности, обусловлено семантикой глаголов в таких коллокациях: *отишуру* «впадать», *сарасарэру* «подвергаться», *тёкумэн суру* «сталкиваться».

Здесь мы не рассматриваем словосочетания типа СУЩ+-СУЩ, хотя, как свидетельствует статистика, на их долю приходится большинство словосочетаний (рэнго). Но та же статистика говорит о том, что словосочетания такого типа чаще всего характеризуются низкой степенью спаянности. Кроме того, мы уже писали о характерной для публицистических текстов особенности — эллипсе датива в устойчивых словосочетаниях. Данная тема, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения.

Таким образом, анализ слов со сходным значением с точки зрения образуемых ими коллокаций даёт достаточно понятную картину принципов комбинирования коллокаций и контекст их употребления. Систематизация лексического материала по принципу коллокаций позволяет эффективно повысить степень коллокационной компетентности обучающихся, снизить вероятность грамматических и лексических ошибок в речи на японском языке.

Литература

1. Комия Т. Кэйдзай-но сёкисэнмонкё:ику-ни окэру сэнмонрэнго // Сэнмон нихонго кё:ику кэнкю:, №3, Сэнмон нихонго кё:ику гаккай: 2021, стр. 21-28
2. Комия Т. Рэнго-но кэнкю: хё:гэн кё:ику-ни хирогари // Васэда нихонго кэнкю:, №11, Васэда дайгаку: 2003, стр. 44-49

3. Нургалиев И. Р. К вопросу об обучении коллока-циям японского языка на начальном уровне // Экономические и социально-гуманитарные исследования. № 3 (39), 2023, стр. 209-215
4. Панина А.С. Коллокации с названиями эмоций в японском языке // Языки стран Дальнего востока, Юго-восточной Азии и Западной Африки: материалы XIV Международной научной конференции, Москва: Ключ-С, 2020, стр. 49-52
5. Пашковский А.А. Слово в японском языке / Под общ. ред. И.Ф. Вардуля. Изд. 2-е, испр., Москва: КомКнига, 2006, 208 С.

А. В. Козачина

**Дисциплина «Моральное воспитание»:
историческая трансформация
и современное состояние**

Настоящее исследование выполнено в рамках программы Fellowship (грант Японского фонда) на базе педагогического факультета Университета Хиросимы.

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу школьной дисциплины «Моральное воспитание». Впервые дисциплина была введена в 1872 г. и преподавалась вплоть до 1945 г., затем была отменена и вернулась в учебный план только в 1958 г. На сегодняшний день курсу отводится 34 часа для 1 класса начальной школы и 35 часов для остальных классов. Организация и проведение занятий учителями происходит в соответствии учебными программами Министерства образования. Основу курса составляет серия учебников «Наша мораль». Анализ дисциплины проливает свет на особенности организации японского образовательного процесса и помогает выявить специфику институциональной трансляции ценностей японскому подрастающему поколению.

Ключевые слова: моральное воспитание; система образования; школьное образование; Япония.

A. V. Kozachina

**Moral Education: Historical Transformation and
Current State**

This study is conducted under the Fellowship program (The Japan Foundation Fellowship) based on Pedagogical faculty of Hiroshima University

Abstract. The article is devoted to the analysis of the school subject “Moral Education”. The subject was first introduced in 1872 and was taught until 1945, after which it was abolished and returned to the curriculum only in 1958. Currently, the subject is allocated 34 hours for the 1st grade of elementary school and 35 hours for the other grades. Teachers organize lessons in accordance with the curricula of Ministry of Education. The foundation of the course is a series of textbooks titled “Our Morality.” The analysis of the discipline sheds light on the peculiarities of the organization of the Japanese educational process and helps to identify the specifics of institutional transmission of values to the younger generation in Japan.

Keywords: moral education; education system; school education; Japan.

DOI 10.54449/9785907938519_49

Японская система образования прошла долгий путь в своём развитии, адаптируясь к социальным, экономическим, политическим и культурным изменениям. Сама практика передачи знаний в Японии представляет собой достаточно специфическое явление, в котором традиции переплетаются с современностью [2, с. 119]. В этом контексте особое внимание заслуживает дисциплина «Моральное воспитание», которая играет ключевую роль в формировании ценностных ориентаций и культурных паттернов у подрастающего поколения. В настоящей статье будут рассмотрены основные этапы становления дисциплины и специфика её реализации.

Законом о всеобщем образовании 1872 г. установлена единая система образования, в которую в изобилии имплантированы идеи Франции, Великобритании и США, и моральное воспитание осуществлялось в соответствии с этими тенденциями [11, с. 616]. Это привело к появлению в стране школ нового образца, соответствующих требованиям современности. В указе Палаты большого государственного совета № 214, который являлся предисловием к закону, декларировалось: «... закалять тело и дух, расширять познания, совершенствовать талант и мастерство» [23].

В том же году в школьную программу был введён предмет 修身口授/гё:ги-но сатоси/ («Моральное воспитание»), который, согласно учебному плану от сентября 1872 г., изучался с восьмого по пятый класс по два часа в неделю (в пятом классе — один час) [13, с. 68]. На данном этапе стандарты преподавания новой дисциплины ещё не были установлены, как и не были разработаны специализированные учебники. Уроки велись в устной форме [10, с. 13]. Палата большого государственного совета рекомендовала учителям использовать ряд книг (большинство из которых были переводами западной литературы) в качестве основы для нравственных историй [там же], формируя тем самым картину мира подрастающего поколения и транслируя определенные моральные ценности.

В 1879 г. был обнародован Императорский указ об образовании (букв. «Священные слова об образовании»), который был составлен наставником императора Мотодой Нагадзанэ. Данный указ отменял действие Закона о всеобщем образовании 1872 г. Согласно указу, образование делилось на *учение* (学問) и *мораль* (道德); декларировалось, что после реставрации Мэйдзи баланс между моральным воспитанием и образованием был нарушен, и для его восстановления требуется реорганизация образования на основе конфуцианской морали [5]. В указе подчёркивается, что моральное воспитание является основой интеллектуального образования и должно базироваться на таком конфуцианском идеологическом конструкте, как 仁義忠孝 /дзинги тю:ко:/ («человеколюбие, справедливость, верноподданность и сыновний долг»).

В 1882 г. по приказу императора Мэйдзи Мотода Нагадзанэ подготовил «Руководство для школьников», в котором были перечислены 20 добродетелей, такие как сыновняя почтительность, преданность, верность, дружба и др., на которых должно строиться образование и воспитание национального духа [25]. Данный документ был распространён по всем школам страны, что стало первой попыткой регуляции основ преподавания дисциплины «Моральное воспитание».

В 1890 г. был обнародован Императорский рескрипт об образовании. Текст рескрипта разделён на два абзаца: в первом перечислены добродетели (почитание родителей, братьев и сестёр;

гармония в отношениях мужа и жены; верность друзьям; уважение Конституции; соблюдение законов и др.) [14, с. 85]. Во втором говорится, что следование указанным добродетелям — это не просто проявление верности императору, но и дань традициям, ведь предки японского народа чтили эти добродетели, и следование им означает продолжение дела предшественников и выражение уважения к ним [14, с. 86].

Институциональному закреплению вскоре подверглись и учебные материалы. В 1886 г. правительство опубликовало «Положение о проверке учебных пособий», а в 1887 г. утвердило «Правила проверки учебных пособий». С обнародованием Императорского рескрипта об образовании получить лицензию и быть использованными на занятиях могли только те учебники, которые прошли официальную проверку [4, с. 48]. Среди таких — учебник, составленный Сигэно Ясукудзи, «Моральное воспитание в начальной школе» 1892 г., в котором впервые были отражены принципы Императорского рескрипта: от конфуцианского трудолюбия до почитания Императора и преданности государству [4, с. 48].

Поначалу проверки проводились самими издательствами и специально организованными комитетами. В 1902 г. в прессе прогремели случаи коррупции среди издательств и комитетов, получившие название «Скандал с учебниками» [18]. Из-за этого с 1903 г. учебники начали проходить проверку на государственном уровне — Министерством просвещения.

В 1904 г. был принят единые государственные учебники по моральному воспитанию: 尋常小学修身 («Моральное воспитание для начальной школы») для 1–4 классов и 高等小学修身書 («Моральное воспитание для старшей начальной школы») для 5–8 классов. С тех пор во всех школах эта дисциплина преподавалась одинаково.

Отдельного внимания заслуживает проблема редактирования и переиздания учебников по дисциплине «Моральное воспитание» в период с 1904 по 1945 гг. Японские авторы выделяют следующие пять этапов [4; 7; 8; 12 и др.].

1. 1904–1909 гг. Используемые учебники: «Моральное воспитание для начальной школы» и «Моральное воспитание для высшей начальной школы». Акцент на гражданских и про-

фессиональных ценностях. На первый план выдвигаются индивидуальная и общественная мораль, в то время как интересы государства уходят на второй.

2. 1910–1917 гг. Добавлен учебник «Моральное воспитание для высшей начальной школы (издание для девочек)». На данном этапе на передний план выходят ценности, связанные с интересами семьи и государства. В 1911 г. в парламенте проходит дискуссия о легитимности северной и южной ветвей императорской власти периода Намбокутё. В учебниках для начальной школы 1904–1909 гг. две династии были описаны как легитимные. Но после обсуждения законной была признана власть Северного двора, а Южный двор стал именоваться «двор Ёсино», что привело к необходимости вносить коррективы в учебники [8, с. 174].
3. 1918–1932 гг. Период, вошедший в историю под названием «Демократия Тайсё». В Японии получает развитие «Движение за обновление образования», зародившееся ещё в конце периода Мэйдзи. Япония все сильнее погружается в мировые процессы, что отражается и на принципах осуществления морального воспитания. На первый план выдвигается международное сотрудничество, национальные интересы, в то время как значение интересов семьи и конфуцианских ценностей преуменьшается [4, с. 51].

С начала периода Тайсё продолжают появляться школы нового типа. Так, в Токио педагогами Нисияма Тэцудзи и Накамура Харудзи были основаны Императорская начальная школа и школа Сэйкэй [7, с. 109].

Происходит открытая общественная дискуссия о принципах преподавания дисциплины «Моральное воспитание». В работе «Реформа преподавания морального воспитания» 1923 г. основателя университета Тамагава Обара Куниёси впервые были раскритикованы патриотизм, шовинизм, национализм [6]. Порицалось моральное воспитание, сконцентрированное исключительно на трансляции морального долга; предлагалось трансформировать добродетели под современность [4, с. 51].

4. 1933–1940 гг. Период отмечен такими событиями, как Великая депрессия 1929 г., Мукденский инцидент 1931 г., созда-

ние Маньчжоу-го 1932 г., начало Японо-китайской войны в 1937 г., что повлекло за собой резкие изменения в образовательной политике.

В 1933 г. учебники по моральному воспитанию были пересмотрены. В новом, четвёртом, издании подчёркивалось, что современная жизнь школьника тесно связана с жизнью японского общества, декларировалось, что нужно жить сообща, «сплести миллионы душ в одну» [12, с. 89–90]. В следующем году в учебном плане для начальной школы впервые была установлена методика отбора и компиляции учебного материала [там же].

5. 1941–1945 гг. Используемые учебники: «Хорошие дети» (1–2 классы), «Начальный курс морального воспитания» (3–4 и 5–6 классы), «Продвинутый курс морального воспитания» (отдельные издания для мальчиков и для девочек).

Императорский указ № 148 «О национальных школах» от 1 марта 1941 г. полностью пересматривал предыдущий и учреждал национальные школы для начального и среднего образования. Указ состоял из 58 статей и ставил своей целью «осуществлять всеобщее начальное образование в соответствии с путём развития империи и предоставить базовое образование для всей нации» [19].

В программу школьного образования входило четыре предмета: «Основы государственности», «Естествознание и математика», «Физическая культура», «Искусство». «Моральное воспитание» преподавалось в качестве одного из четырёх разделов дисциплины «Основы государственности» наряду с японским языком, историей Японии и географией.

В 1947 г. принят Основной закон об образовании, который впоследствии был пересмотрен лишь в 2006 г. В статье 1 определены основные направления новой образовательной политики: «... формирование гармонично развитой личности, приверженной правдолюбию и справедливости, уважающей индивидуальность и трудолюбие, обладающей чувством ответственности и независимости, которые необходимы строителям миролюбивого государства и общества» [3, с. 155]. В том же 1947 г. был принят Закон о школьном образовании, в котором была заложена система

6–3–3–4 (шесть лет младшей школы, три года средней, три года старшей и четыре года университета) [15].

В 50-е годы происходит широкая общественная дискуссия и переосмысление образовательной политики. К примеру, философ Кацубэ Митакэ, критикуя сложившуюся систему образования, пишет: «Сегодня в виде поражения в войне мы пожинаем плоды той национальной образовательной политики, которую проводило правительство Мэйдзи. Ошибки, заложенные в основу образования эпохи Мэйдзи, теперь, семьдесят лет спустя, отчётливо видны в эпоху Сёва» [9, с. 40]. Учёный подчёркивает, что «роль современного государства заключается в том, чтобы позаботиться о развитии внешнего, формального, содержательного, а не внутреннего и духовного граждан» [там же, с. 81].

Несмотря на то, что дисциплина «Моральное воспитание» не осуществлялась в рамках школьной программы, велось обсуждение её значения. Так, Кояма Исао говорит о необходимости направлять учеников так, чтобы «мораль укоренилась в их повседневной жизни как в школе, так и вне её. А для этого необходимо, чтобы школа, семья и общество понимали друг друга и действовали сообща» [10, с. 617].

Дисциплина возвращается в школьную программу 28 августа 1958 г. после пересмотра Министерством образования правил о внедрении Закона о школьном образовании [16]. «Моральное воспитание» (道徳教育) в количестве 34–35 часов добавляется к установленным в 1947 г. основным дисциплинам: японский язык, обществознание, математика, естествознание, музыка, рисование, домоводство и физкультура.

В курсе декларировались 36 предписаний, которые были распределены по четырём основным категориям:

- 1) «Основы поведения в повседневной жизни»;
- 2) «Моральные чувства, моральные суждения»;
- 3) «Развитие индивидуальности, созидательная модель поведения»;
- 4) «Моральное поведение как члена государства и общества и готовность претворить его в жизнь» [1, с. 45].

Учебным планом 1968 г. количество предписаний сократилось до 32 [20], а позже, в 1977 г., — до 28 [21]: некоторые были

объединены, а те, которые касались различных аспектов бытовой жизни («бережливо относиться к вещам и деньгам», «ценить время», «одеваться в соответствии с местом и временем»), полностью исключены из курса.

В 1989 г. Министерство образования опубликовало Учебный план начальной школы, сократив содержание предписаний до 22 пунктов. В этом виде дисциплина реализуется и сегодня.

Обновлённый Основной закон об образовании 2006 г. ставит целью образования «формирование развитой личности; воспитание гражданина, здорового духом и телом, обладающего качествами, необходимыми строителю миролюбивого государства и общества» [22]. Как и Основной закон об образовании 1947 г., он запрещает проведение политического образования или другой политической деятельности в поддержку или в противовес какой-либо политической партии (ст. 14. п. 2), а также религиозного образования или иной религиозной деятельности в интересах какой-либо конкретной религии (ст. 15).

Вслед за пересмотром законодательной базы внесены изменения в учебную программу дисциплины «Моральное воспитание»: сначала в 2008 г., затем в 2015 г. и в 2017 г. Они были незначительными и касались в основном формулировок отдельно взятых пунктов.

На сегодняшний день основой курса является серия учебников 私たちの道徳 («Наша мораль»), которая включает в себя учебник для 1–2 классов младшей школы, учебник для 3–4 классов младшей школы, учебник для 5–6 классов младшей школы и учебник для средней школы. Есть дополнительные материалы, как, к примеру, 心のノート («Тетрадь души»), но они факультативные [27].

Регулируют осуществление дисциплины на сегодняшний день следующие структуры:

1. Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий MEXT.
2. Японское общество морального воспитания.
3. Органы местного самоуправления.
4. Школы.

Однако сами учителя также активно вовлечены в процесс обсуждения педагогического дизайна уроков по моральному воспитанию и способов совершенствования методов преподавания. На базе педагогических университетов, а также при участии Японского общества морального воспитания проводятся конгрессы [24], семинары и мастер-классы для учителей [26], где в ходе обсуждения в группах осуществляется попытка осмыслить суть дисциплины и свою роль в процессе её преподавания.

Литература

1. Козачина, А.В., Колмогорова, А.В. Стратегии и средства легитимации институционализированных ценностей в японском педагогическом дискурсе / А.В. Козачина, А.В. Колмогорова. — Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. — 200 с.
2. Кудряшова, А.В. Наставник и ученик — японские образовательные традиции на примере театра Но и «Пути Чая» / А.В. Кудряшова // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. — М.: Издательство «Ключ-С», 2020. — Выпуск 21. — С. 119–126.
3. Молодякова, Э.В. Школьное образование в Японии / Э.В. Молодякова // Ежегодник «Япония». — 2010. — № 39. — С. 155–171.
4. 井藤元. ワークで学ぶ道徳教育. -京都：ナカニシヤ出版, 2020. — 294 p.
5. 太田直道. 戦前日本の道徳教育：「修身」、その歴史と根本問題. - みやぎ教育研究文化センター 道徳教育研究会資料, 2014. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://shorturl.at/PqKhM>
6. 小原国芳. 道徳教授革新論. - 東京：玉川大学出版部, 1980. — 454 p.
7. 教師養成研究会. 近代教育史. - 東京：学芸図書, 1962. — 176 p.
8. 古川哲史. 日本道徳教育史. - 東京：有信堂, 1973. — 273 p.
9. 勝部真長. 道徳教育. - 東京：金子書房, 1951. — 226 p.

10. 青木孝頼. 新道德教育辞典. - 東京：第一法規出版, 1980. — 322 p.
11. 相良惟一. 学校行政辞典. - 東京：誠文堂新光社, 1958. — 768 p.
12. 村田昇. 道德教育. - 東京：有信堂高文社, 1983. — 244 p.
13. 太田卓, 宮地誠也, 稲本茂. 学校・社会・道德. - 東京：学文社, 1978. — 214 p.
14. 中村清. 道德教育論. - 東京：東洋館出版社, 2007. — 231 p.
15. 学校教育法. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://laws.e-gov.go.jp/law/322AC00000000026>
16. 学校教育法施行規則. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://laws.e-gov.go.jp/law/322M400000080011>
17. 教育基本法. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.mext.go.jp/b_menu/kihon/about/mext_00003.html
18. 教科書疑獄. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://shorturl.at/oYZyF>
19. 国民学校令. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.archives.go.jp/ayumi/kobetsu/s16_1941_01.html
20. 小学校学習指導要領昭和43年7月. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://erid.nier.go.jp/files/COFS/s43e/index.htm>
21. 小学校学習指導要領昭和52年7月. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://erid.nier.go.jp/files/COFS/s52e/index.htm>
22. 新教育基本法 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.mext.go.jp/b_menu/kihon/houan.htm
23. 太政官布告第二百十四號. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://shorturl.at/КТАq2>
24. 道德学会大会情報. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://doutoku-gakkai.sakura.ne.jp/past.html>
25. 幼学綱要史料編纂稿本. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://shorturl.at/BRD59>
26. 令和6年度「大学連携セミナー」第5回道徳. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://u.to/JThEIQ>
27. MEXT: Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.mext.go.jp>.

Т. И. Корчагина

Методика преподавания японского языка в ретроспективе

Аннотация. Статья посвящена истории развития методики преподавания японского языка в СССР и России, опирающейся на лингвистические исследования японоведов. Автор обсуждает изменения содержания конференций преподавателей японского языка в 2000-х годах и адаптацию методов обучения к социальным изменениям.

Ключевые слова: японский язык, методика обучения, конференции преподавателей, адаптация к социальным изменениям.

T. I. Korchagina

Methods of teaching Japanese in retrospect

Abstract. The article is devoted to the history of the development of the Japanese language teaching methods in the USSR and Russia, based on the linguistic research of Japanese scholars. The author discusses the changes in the content of conferences of Japanese language teachers in the 2000s and the adaptation of teaching methods to social changes.

Key words: the Japanese language, teaching methods, conferences for teachers, adaptation to social changes.

DOI 10.54449/9785907938519_59

В 2013 году, более 10 лет тому назад, Л. Т. Нечаева в докладе «Современное состояние методики обучения японскому языку в вузе» подвела итоги методической деятельности преподавателей японского языка за период с 2006 года, когда началось проведение конференций исключительно по методике преподавания япон-

ского языка [10]. Спустя ещё 10 лет, в 2023 году, на очередной методической конференции Л. Т. Нечаева подтвердила высокую оценку проводимых конференций и большую значимость издаваемых по материалам конференций сборников [9]. Автор в своих докладах назвала целый ряд учебников, учебных пособий и словарей, вышедших за этот период, 12 кандидатских диссертаций по обучению японскому языку, рассказала об активном участии в регулярно проводимых конференциях преподавателей различных вузов России и СНГ.

Сборники докладов, прозвучавших на конференциях в течение почти 20 лет, являются настоящим ценным источником методических знаний по самым разным аспектам преподавания, особенно для начинающих преподавателей. На сегодняшний день вышло 27 сборников докладов и готовится 28-ой по материалам осенней конференции 2024 года.

Действительно, если мы посмотрим, какие вопросы методики обучения затрагивались в докладах на конференциях в эти годы, то нас удивит разнообразие тематики выступлений преподавателей японского языка. Это грамматика, лексика, иероглифика, перевод, культурология, информационные технологии, программы для вузов разной направленности, результаты стажировок в Японии, дистанционное обучение, учебные материалы, методики обучения, принятые в Японии и т.п. Таким образом, можно считать, что в настоящее время мы наблюдаем большой интерес к вопросам преподавания японского языка, своего рода расцвет методических исследований.

Молодому поколению преподавателей, наверное, трудно представить, что ситуация с методическими исследованиями по преподаванию японского языка несколько десятилетий тому назад была совершенно иной. Хотелось бы заглянуть в ту эпоху, которую молодые преподаватели не застали, но она прошла перед глазами старшего поколения нынешних преподавателей. Я назвала бы её «дометодической», когда японисты (в том числе и те, кто преподавал язык) интересовались и занимались не методикой преподавания, а теорией японского языка, разного рода лингвистическими исследованиями, защищали диссертации не по методике преподавания, а по языкознанию и литературове-

дению. О методиках преподавания японоведы мало говорили или дискутировали, но по сути дела, преподавая японский язык, опирались на теоретические исследования японского языка как современных им японистов, так и их предшественников.

Японистика в России начала развиваться достаточно поздно, и научное изучение японского языка отставало от его практического изучения. Об этих особенностях развития японистики и этапах её становления в нашей стране пишет В. М. Алпатов в работе «Изучение японского языка в России и в СССР» [2].

В послевоенном японоведении наблюдался большой интерес к теоретическим исследованиям по японскому языку, которые стали базисом для обучения японскому языку в СССР и России. Начиная с 50-х годов, стали выходить сборники исследований по японскому языку, где печатались как новейшие работы японоведов, так и не опубликованные ранее исследования предшественников. Серия сборников о японском языке была издана Отделом языков Института востоковедения и Институтом народов Азии АН СССР. Вышло несколько таких сборников: 1959 [15], 1963 [16], 1967 [6], 1971 [4], 1976 [5], 1979 [17].

Эти сборники не представляли собой материалы каких-либо конференций, в них печатались исследования выдающихся учёных старшего поколения — Н. И. Конрада, Е. Д. Поливанова, Н. И. Фельдман, А. А. Пашковского, А. Н. Соколова, Н. А. Сыромятникова, А. Е. Глускиной, И. В. Головнина, И. Ф. Вардуля, С. В. Неверова, А. А. Холодовича, Б. В. Бейко, К. А. Попова и других. В статьях известных учёных-японоведов освещались актуальные проблемы фонетики, грамматики, морфологии, синтаксиса, вопросы слова, совершенствования русской транскрипции японских слов и т.д. Назовём ещё 2 сборника исследований по японскому языку, изданных в ИСАА МГУ: «Япония. Язык и культура. Альманах. 2002» [12] и «Япония. Язык и культура» [13]. На эти исследования можно было опираться, преподавая японский язык.

Взросший интерес к изучению теоретических проблем японского языка и вообще к Японии привёл к тому, что появился новый формат общения японоведов — конференции по японской филологии. Первая конференция по японской филологии была

проведена в 1966 году в ИВЯ МГУ кафедрой языков и литератур Дальнего Востока. Кафедра японской филологии появилась вскоре после этого. По материалам первой конференции в 1968 году вышел сборник докладов «Японская филология» [14], в котором были напечатаны 5 докладов по языкознанию, 1 по литературоведению, 3 доклада касались вопросов преподавания (А. Н. Соколов, Л. А. Лобачев, В. С. Гривнин) и 1 доклад об истории японоведения (А. А. Бабинцев).

Далее конференции по японской филологии начали проводиться в ИСАА МГУ более или менее регулярно: 1968 г., 1971 г., 1973 г., 1975 г., 1979 г., 1981 г., 1987 г. Спустя 2-3 года после каждой конференции в издательстве МГУ выходили сборники «Вопросы японской филологии» (1-5 выпуски) с докладами участников. Сборники иногда меняли название на «Новое в японской филологии» [1984] или выходили не как материалы одной конференции, а как сборники статей японоведов-преподавателей, например, «Язык и культура. Новое в японской филологии» [1987].

Филологические конференции тех лет вызывали огромный интерес у японоведов, и аудитория №15 в ИСАА, где они проходили, едва могла вместить всех желающих послушать интересные доклады. На конференциях выступали не только преподаватели-исследователи японского языка и японской литературы из вузов Москвы и Петербурга, но и маститые учёные-филологи из института Востоковедения Академии Наук СССР. Особенностью конференций по японской филологии в тот период было почти совершенное отсутствие докладов по методике преподавания японского языка. Они были полностью посвящены именно филологическим проблемам — языкознанию и литературоведению, причём доклады по языкознанию преобладали. Исключение составляет выступление на 7-ой научной конференции в 1981 году И. В. Головнина с докладом «Предмет лингводидактики».

В сборниках, содержащих доклады конференций, соотношение лингвистических и литературоведческих докладов было следующим: 7:2 (1968), 8:4 (1971), 10:7 (1975), 12:5 (1977), 14:4 (1981), 13:5 (1984), 10:5 (1987). Альманах «Япония. Язык и куль-

тура. 2002», выпущенный в ИСАА МГУ и не связанный с конференциями, также содержал, в основном, статьи по языкознанию и статьи о связи языка и культуры. Единственное исключение — статья Л. Т. Нечаевой о методических основах учебника для начинающих [12, с. 129].

Таким образом, достаточно длительный период до начала 2000-х годов прошёл без обсуждения в среде японоведов проблем методики преподавания японского языка. Однако это не означает, что выступления японистов о лингвистических исследованиях и сборники статей по этим выступлениям никак не затрагивали практику преподавания. Преподаватели углубляли свои знания о языке и применяли их как материал в учебном процессе. Исследования по теории японского языка стали основой для формирования собственной школы востоковедения, в том числе и методики преподавания японского языка при обучении российских студентов.

В начале 2000-х годов резко возрастает интерес преподавателей-японоведов к проблемам обучения японскому языку. Для этого было немало причин. Японский язык стал изучаться не только в Москве, Санкт-Петербурге и Владивостоке, но и во многих других городах России и бывших республик СССР. Возросло число студентов, изучающих японский язык, и преподавателей японского языка. Появилось много вузов и факультетов неязыкового профиля, заинтересованных в обучении японскому языку.

Развитие интереса к преподаванию японского языка было вызвано также деятельностью Японского фонда, организовавшего систему стажировок для преподавателей в Международном центре японского языка г. Сайтама для знакомства с базовыми методиками преподавания и совершенствования навыков владения языком. Многие преподаватели имели возможность участвовать в этих стажировках, сравнить методы обучения японскому языку в России и в Японии и выступили с докладами на методических конференциях. Японский фонд также оказывал помощь в проведении методических конференций и в издании сборников по материалам этих конференций.

Так, мы должны отметить, что в начале 2000-х годов произошёл переход от филологического, «дометодического» этапа в исследованиях японоведов к «методическому» этапу, когда главные

интересы преподавателей сосредотачиваются именно на методике преподавания японского языка.

Здесь необходимо подчеркнуть большую организаторскую работу Ассоциации преподавателей японского языка России и стран СНГ во главе с Л. Т. Нечаевой. Благодаря работе Ассоциации после значительного перерыва в конференциях с 2006 года начали регулярно проводиться методические конференции сначала в ИСАА МГУ, а впоследствии на двух площадках — ИСАА МГУ и МГПУ. Эти конференции собирают большое число участников, они стали значительным событием в жизни преподавателей японского языка, где каждый может поделиться своими достижениями в преподавании и узнать о работе коллег. В небольшой статье сделать подробный обзор опубликованных в сборниках докладов невозможно, но хотелось бы ещё раз сказать, что на методических конференциях рассматриваются самые разнообразные проблемы, которые помогут любому преподавателю, особенно молодому, найти ответы на трудные вопросы.

В последние годы число участников методических конференций настолько увеличилось, что они, как правило, проводятся не в один день, а в течение 2-3 дней. Помимо пленарного заседания, где доклады делают опытные преподаватели, работа на конференциях происходит также по секциям в соответствии с заявленными темами. Если преподаватели-участники не могут приехать на конференцию, то допускается их участие в формате онлайн.

С сожалением необходимо отметить, что за последние 20 с лишним лет с перемещением интереса преподавателей японского языка с филологических проблем на методические молодые преподаватели практически перестали заниматься исследованиями в области языкознания и литературоведения. Мы не видим ни статей, ни докладов, ни диссертаций (за очень редким исключением) на филологическую тематику. Об этом пишет и В. М. Алпатов: «У нас в последние десятилетия заметно расширилось преподавание японского языка, но со сменой поколений начали заметно теряться традиции его научного изучения. А это — необходимая база для решения практических проблем» [1, с.27].

Методика преподавания японского языка не может быть чем-то неизменным, не терпящим никаких изменений. Она не может

стоять на месте и должна развиваться, приспосабливаясь к новым условиям, новой реальности и новым студентам. В течение нескольких последних десятилетий мы столкнулись с различными изменениями в обществе, которые повлияли на подход к проблемам обучения студентов. К этим изменениям относятся переход обучения в вузах на двухступенчатую систему «бакалавриат-магистратура», введение в школах ЕГЭ и изменение, в связи с этим, уровня подготовки поступающих в вузы, два года пандемии и переход на удалённое обучение в течение почти двух лет, стремительное развитие информационных технологий и возможность применения их в учебном процессе. Все эти изменения привели к пересмотру многих методов преподавания, к расширению круга вопросов, интересующих преподавателей. Это отражено и в докладах конференций о составлении новых программ, о преподавании новых аспектов («японский язык для делового общения»), об использовании информационных технологий, в том числе при удалённом обучении и т.д. Кроме того, нельзя забывать, что современные студенты — это люди нового поколения, имеющие свои особенности, и их нельзя учить так же, как это делали 50 и более лет назад [7].

Современный преподаватель языка должен быть в курсе тех изменений, которые неизбежно происходят в языке и описываются японскими и российскими языковедами в своих исследованиях, хотя новых российских работ, как сказано выше, не очень много. В этом случае часто приводят пример статьи А. Н. Соколова 1968 года «О преподавании японской письменности», где он писал, что изучение *хэнтайганы* и дореформенного (до 1949 г.) написания иероглифов совершенно необходимо [11, с. 91], но реальность такова, что всё это не преподаётся даже в Японии (за исключением филологических специальностей) и, естественно, уже не преподаётся в наших вузах.

Многие грамматические отклонения от норм японского языка, которые официально не признаны, но широко употребляются и вот-вот станут нормой, должны объясняться студентам, по крайней мере, на старших курсах. Это — *ら抜き言葉* (食べれる), *-さつき言葉* (休まさせていただきます)、вытеснение вежливой конструкции *お読みになる* формой страдательного

залога 読まれる, глагола やる глаголом 上げる и т.п. [12, с. 107]. Известно, что существуют грамматические формы, бывшие не так давно отклонениями от нормы, но которые по прошествии некоторого времени стали нормой. Например, форма страдательной конструкции с неодушевлённым подлежащим, не употреблявшаяся не так давно в японском языке.

Думается, что преподавателям японского языка следует обсудить вопрос о том, нужно ли заставлять студентов запоминать номера иероглифических ключей. Не могу не согласиться с мнением Е. Ю. Бессоновой, что в связи с появлением нового поколения словарей мотивация запоминать номера ключей утрачена, хотя сами ключи в иероглифе студенты должны уметь выделять [3]. Это подтверждается и практикой преподавания. Современные студенты пользуются электронными словарями и запоминать номера ключей не хотят.

Далее, хотелось бы узнать мнение коллег о том, можно ли и нужно ли разрешать студентам пользоваться услугами электронных переводчиков. Это тоже новая реальность, в которой мы оказались. Я считаю, что запретом эту проблему решить нельзя, хотя на младших курсах, наверное, можно запретить, но на старших курсах надо научить студентов пользоваться электронным переводчиком сознательно, то есть понимая, что «переводчик» делает, и применяя собственные знания.

Преподаватели японского языка, идя в ногу со временем, должны быть в курсе новых возможностей, которые предоставляют им информационные технологии. Было бы интересно послушать доклады на эти темы на методических конференциях. Например, доклад о возможностях, которые даёт использование электронных досок во время занятий в аудитории. Известно, что они есть во многих вузах, но не используются в полной мере.

В заключение коснёмся вопроса повышения квалификации преподавателей японского языка. Подход к этому вопросу часто бывает формальным и темы повышения квалификации, предлагаемые преподавателям в некоторых вузах, не всегда соответствуют их интересам и реально чем-то помогают в работе. Предложенная преподавателям на последней методической конференции в октябре 2024 года секция конференции, объявленная повышением

квалификации, была очень содержательной и полезной. Хочется предложить расширить это начинание и на каждой методической конференции один из трех дней посвящать повышению квалификации по актуальным темам преподавания (выбранным заранее) и заслушивать доклады и опытных преподавателей, и, напротив, молодых, но прекрасно владеющих информационными технологиями. Такой обмен опытом будет интересен и полезен для всех.

Литература

1. Алпатов В.М. Об изучении японского языка в России и СССР. // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. — М., Издательство «Ключ – С», 2021. Вып. 22.
2. Алпатов В.М. Изучение японского языка в России и СССР. М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1988.
3. Бессонова Е.Ю. Изучение иероглифических ключей при обучении японской письменности. // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. — М., Издательство «Ключ -С», 2017.- Вып. 16.
4. Вопросы японского языка. (Памяти Н.И. Конрада) // Академия наук СССР, Институт востоковедения. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, М., 1971.
5. Восточное языкознание. // Академия наук СССР, Институт востоковедения. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, М., 1976.
6. Исследования по японскому языку. // Академия наук СССР, Институт народов Азии. Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы. М., 1967.
7. Корчагина Т.И. Адаптация методов преподавания японского языка к современным условиям. // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. — М., Издательство «Ключ-С», 2020. — Вып. 21.
8. Корчагина Т.И. О новых явлениях в японской грамматике. // Япония. Язык и культура. Альманах 2002. — М., МГУ-ИСАА, Изд-во «Муравей», 2002.

9. Нечаева Л.Т. Опыт проведения конференций преподавателей японского языка. // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. — М., Издательство «Ключ – С», 2023. - Вып. 26.
10. Нечаева Л.Т. Современное состояние методики обучения японскому языку в вузе. // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. — М., ИД «Ключ -С», 2013. — Вып. 9.
11. Соколов А.Н. О преподавании японской письменности. // Японская филология. М., Изд-во МГУ, 1968.
12. Япония. Язык и культура. Альманах 2002. — М., МГУ-И-САА, Изд-во «Муравей», 2002.
13. Япония. Язык и культура. (Посвящается учителям)/ МГУ, ИСАА // РПК «2x2 PRINT» М., 2015.
14. Японская филология. М., Изд-во МГУ, 1968.
15. Японский лингвистический сборник. // Академия наук СССР, Институт востоковедения. Изд-во восточной литературы, М., 1959.
16. Японский язык. Сборник статей. // Академия наук СССР, Институт народов Азии. Изд-во восточной литературы, М., 1963.
17. Японское языкознание. // Академия наук СССР, Институт востоковедения. Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, М., 1979.

Кострова М. А., Лобков А. Е.

**О курсе художественного перевода
с японского языка в языковом вузе**

Аннотация. В статье обоснована целесообразность введения курса художественного перевода в учебные планы основных и дополнительных программ языковых вузов. Приведены возможные составляющие такого курса и представлен план пособия, которое может стать основой преподавания данной дисциплины.

Ключевые слова: японский язык, художественный перевод, преподавание перевода.

Kostrova M. A., Lobkov A. E.

**On Introducing the Course of Literary Translation in a
Linguistics University**

Abstract. The article argues the necessity of introducing the course of literary translation into the curricula of professional and vocational programs of language universities. It contains possible components of such a course as well as the plan of the manual which can be used when teaching this course.

Keywords: Japanese language, literary translation, teaching translation.

DOI 10.54449/9785907938519_69

Художественный перевод — вероятно, именно тот вид перевода, который в массовом сознании олицетворяет «перевод как таковой»: выход книжных и кинематографических новинок часто сопровождается общественной дискуссией о качестве перевода. Тем не менее в современных учебных планах на переводческих направлениях подготовки присутствуют такие курсы, как

«Специализированный перевод», «Общественно-политический перевод», «Юридический перевод», «Экономический перевод», «Устный перевод», «Синхронный перевод»; в ответ на требования времени на основных и дополнительных образовательных программах появляется и «Аудиовизуальный перевод». При этом курс «Художественного перевода», как правило, отсутствует (как и курс истории художественной литературы). Возможно, это объясняется избыточностью такого курса с точки зрения составителей учебных планов и образовательных программ, однако с этим утверждением можно поспорить.

Представляется, что навыки, которые обучающиеся получали бы в рамках курса художественного перевода, помогают переводить не только собственно художественные тексты, но и другие тексты, функция которых не сводится к информативной или коммуникативной, но включает в себя и эмоционально-эстетическое воздействие на получателя. К ним можно отнести широкий спектр текстов — от рекламных до публицистических.

То, что субъективно воспринимается как «потеря души», «потеря лица» оригинального текста в студенческих переводах, особенно на начальном этапе обучения, как раз и является приметой отсутствия именно этих навыков. Кроме того, одной из составляющих курса художественного перевода может стать знакомство обучающихся с прецедентными текстами японской культуры, которые важно знать специалисту не только письменного, но и устного перевода. Наконец, предметом аудиовизуального перевода, который с недавнего времени стал появляться в структуре учебных планов, как правило, тоже являются художественные произведения — фильмы и сериалы.

Курс художественного перевода начинается с определения терминов «художественный текст» и «художественный перевод», в чем их сходство с другими видами текста и перевода и отличие от них.

Художественный текст выполняет разные функции, такие как: эстетическая, познавательная, или гносеологическая, символическая, мнемоническая; поскольку у художественного текста также есть адресат, можно утверждать наличие у него коммуникативной функции, а также саморефлексирующей функции (со-

держанием художественного текста могут быть размышления о природе и др.). Эти многочисленные функции к тому же неодинаковы в разные эпохи и в разных культурах. Кроме этого, восприятие функции художественного текста может зависеть от личности получателя: так, для неверующего человека религиозный текст будет в первую очередь художественным произведением, в то время как для верующего на первый план будет выступать существование этого текста в рамках религиозного ритуала.

В данной статье и в учебном курсе художественный перевод понимается как «творческое преобразование литературного подлинника не только в соответствии с литературными нормами, но и с использованием всех необходимых выразительных возможностей переводящего языка, сопровождаемое культурологически оправданной трансформацией литературных особенностей оригинала и той эмоционально-эстетической информации, которая присуща подлиннику как вторичной знаковой системе» [1, 10].

В ожидании времени, когда курс художественного перевода займёт подобающее ему место в учебных планах (например, в качестве отдельной дисциплины в программе магистратуры по направлению «Лингвистика» с профилем «Перевод и переводоведение»), некоторые его элементы могут преподаваться в рамках дисциплины «Специализированный перевод». Возможна также реализация курса в качестве отдельной дополнительной образовательной программы по переводу или одного из модулей программы дополнительного образования или профессиональной переподготовки. Методической основой курса станет запланированное к изданию пособие «Перевод японской художественной прозы и поэзии на русский язык. Учебное пособие. Часть 1. Формирование и развитие принципов художественного перевода в 20–30-е годы XX века в отечественном японоведении». Пособие будет носить комплексный характер и сочетать в себе очерк-справочник, хрестоматию и практикум. В очерк-справочник войдут ключевые понятия художественного перевода и обзор истории становления переводческой деятельности в 20–30-е годы XX века в отечественном японоведении (Н. И. Конрад, Ол. В. Плетнер, А. А. Холодович). В хрестоматию будут включены работы по художественному переводу отечественных японоведов, образцы

японской художественной поэзии и прозы и их переводы на русский язык. Практикум представляет подборку художественных текстов прецедентного для японской культуры характера с заданиями для анализа и самостоятельного перевода.

Отбор текстов для такого пособия — сложная задача, поэтому в первую часть пособия войдут те тексты, которым в последнее время были посвящены научные статьи соавторов, а именно «Повесть из Исэ» в переводе Н. И. Конрада и «Повесть о старике Такэтори» в переводе нескольких переводчиков [2, 3].

Перечисленные произведения содержат и прозаический, и поэтический текст, что ставит перед переводчиками разные задачи. Отметим, что оба произведения позволяют познакомиться с эстетикой танка, специфическим поэтическим жанром, при переводе которого особое внимание требуется уделить метрике, ритмике, мелодике и композиции. Изучение этих текстов и их переводов станет отправной точкой в работе со студентами, построенной по образцу переводческих семинаров (например, семинара Н. И. Конрада по «Исэ-моногатари», результатом которого и стал перевод этого произведения на русский язык). В последние годы традиция таких семинаров возрождается в различных вузах, их задачей является совместный со студентами перевод какого-либо художественного произведения. В данном же случае целью является не столько быстрый переход студентов к самостоятельному переводческому творчеству, сколько их обучение азам мастерства на примерах выдающихся произведений переводчиков раннего советского периода.

Планируется показать, как переводчики в разное время справлялись с передачей различных функций художественного текста, применяя такие приёмы, как игра с переводами А. А. Холодовича, комментирующий и разъяснительный перевод Н. И. Конрада, коммуникативно-функциональный перевод Ол. В. Плетнера, и как по-разному они интерпретировали тот художественный текст, над которым работали. Благодаря этому можно увидеть, как теория художественного перевода с японского языка рождалась из практического опыта самих переводчиков.

Кроме этого, обращение в рамках курса художественного перевода к старинным текстам может стать поводом задуматься о

том, что такое текст вообще и художественный текст в частности, и дать возможность студентам познакомиться с основами текстологии, а также с особенностями японского языка различных эпох. Помимо собственно текстов и переводов в пособие также планируется включить рецензии современников на эти переводы (Н. И. Конрад, Ол. В. Плетнер, Е. Д. Поливанов, Н. П. Мацокин), чтобы дать студентам возможность ознакомиться с тем широким контекстом, в котором всегда существует как оригинальный текст, так и художественный перевод.

Литература

1. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 224 с.
2. Кострова М. А., Лобков А. Е. Опыт первого художественно полноценного перевода «Такэтори-моногатари»: «Одевание из шкуры огненной мыши» в переводе Ол. В. Плетнера // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания: Материалы научно-методической конференции, Москва, 27–28 октября 2023 года. М.: Ключ-С, 2024. С. 138–150.
3. Кострова М. А., Лобков А. Е. Переводческая деятельность Н. И. Конрада в 20–30-е гг. XX века // Язык. Культура. Коммуникация. 2023. № 24. С. 167–182.

Наталия Крнета

Источники и материалы исследований японского языка в японском Интернете

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
МГУ имени М.В.Ломоносова «Теория и практика преподава-
ния иностранных языков», номер ЦИТИС 122041400073-2*

Аннотация. В статье даётся краткий список и описание сайтов японского Интернета, которые предоставляют открытый бесплатный доступ к научным статьям и материалам, связанным с исследованиями японского языка. Среди большого числа подобных сайтов нами были выбраны сайты крупных баз данных и сайты государственных, частных, университетских и культурных организаций, занимающихся сбором материала, исследованиями и публикацией работ, посвящённых, в том числе, и японскому языку. Мы рассматриваем сайты, материалы и исследования которых посвящены не только лингвистике японского языка, но и преподаванию языка, его истории и письменности. Целью статьи является ознакомление молодых учёных с проверенными источниками научной информации на японском языке.

Ключевые слова: японский язык, японские сайты, материалы опросов, научные исследования

Natalia Krneta

The Study Source and Science Literature on the Japanese Language in Japanese Internet

*The study was conducted under the state assignment of Lomonosov
Moscow State University № 122041400073-2*

Abstract. The article provides a short list and description of Japanese Internet sites, which provide open free access to scientific articles and materials related to Japanese language research. Among a

large number of such sites, we selected sites of large databases, sites of state, private, and cultural organizations and universities engaged in collecting material, research and publishing scientific works devoted, among other things, to the Japanese language. We consider sites whose materials and research are devoted not only to the linguistics of the Japanese language, but also to teaching, history of language and writing system. The purpose of the article is to familiarize young scientists with proven sources of scientific information in Japanese.

Key words: the Japanese language, Japanese websites, survey materials, scientific papers

DOI 10.54449/9785907938519_74

В условиях наличия большого количества информации, которую можно найти в Интернете, студенты и молодые учёные сталкиваются с проблемой определения достоверности и проверки представленных в этой системе источников и научной литературы. Тема использования интернет-ресурсов как источника материала и учебного средства в процессе преподавания японского языка обсуждалась неоднократно в работах отечественных японистов (И. С. Ибрагим [1], В. В. Мызникова [2], Н. Г. Румак [3], А. В. Савинская [4] и др.). В данной статье основное внимание уделяется сайтам — источникам исследовательского материала и научных статей, которые можно обнаружить в японоязычном интернете, и которые можно использовать в научной работе в качестве источников и литературы при написании курсовых, дипломов, научных статей и т.д., связанных с изучением японского языка.

Критерием при отборе сайтов были: области знаний, освещаемые на описываемых ресурсах, репутация организации — создателя сайта и организаций, размещающих материалы на сайте (когда речь идёт о хранилище, базе данных или агрегаторе), объём предоставляемых данных. Условием для отбора были бесплатный доступ и возможность скачивания и/или копирования материала с сайта и/или чтение на сайте.

Некоторые из рассматриваемых сайтов посвящены только одной области исследований японского языка (обычно речь идёт о японской письменности), но большинство сайтов предоставляет материалы по широкому кругу вопросов (не только лингвистики, но и преподаванию японского языка как иностранного, его истории, языковой политике и т.д.). На многих сайтах большинство материалов касается не только языкового материала. В качестве источников исследовательского материала в статье приведены не только сайты, содержащие данные опросов, касающиеся разных сфер языка, но и размещающие электронные копии древних манускриптов и старых книг, иллюстрации, старые карты и картины, так как все это может стать материалом при изучении японского языка в его диахроническом аспекте.

Все рассматриваемые в статье сайты были созданы и их контент пополняется японскими государственными организациями, некоммерческими частными организациями, связанными с университетами, музеями, крупными исследовательскими центрами, что позволяет предположить, что размещённые статьи и данные проверяются и верифицируются специалистами в соответствующих областях.

Хотя большинство рассматриваемых сайтов предоставляет большой объём данных, в статье перечислено и несколько сайтов, содержание которых хотя и ограниченное по объёму, но является полезным, интересным и любопытным. В статье не представлены онлайн-словари — толковые, двуязычные, специализированные (например, пословиц, идиом, звукоподражаний, молодежной речи и т.д.) и корпуса лексики японского языка.

1. [https:// www.nii.ac.jp](https://www.nii.ac.jp)

Сайт был создан Национальным институтом информатики (国立情報学研究所 NII) — научным институтом, учреждённым в 2000 г. Одной из его целей является продвижение и распространение научных знаний. Основные материалы изначально были посвящены информатике, но в настоящее время на сайте большое число статей и научных исследований посвящено разным аспектам японского языка. У Института существует целая экосистема, например, каталог книг университетских библиотек японских университетов, список диссертаций и т.д. На сайте возможны два

способа поиска — через базу данных (<https://irdb.nii.ac.jp>) или через каталог. IRDB (Institutional Repositories DataBase) — это база данных, на которой собраны и с которой предоставляются статьи и исследования, зарегистрированные в открытых хранилищах данных японских учебных заведений и научных организаций. Существует поиск и по ключевым словам, но с сайта можно перейти на сайты баз данных конкретных учебных и научных заведений и искать уже там.

2. <https://www.jstage.jst.go.jp>

Japan Science Technology Information Aggregator — интернет-платформа для японских научных и академических журналов. Платформа была основана государственным Агентством по науке и технологии (科学技術振興機構 JST) с целью распространения исследований в областях науки, технологии и гуманитарных наук. Доступ к большинству материалов бесплатный, но для некоторых из них требуется подписка или регистрация для доступа к полному тексту электронных журналов (более 4000), докладов, исследований в разных областях. Есть отдельный раздел исследований самого Агентства, например, журнал «Исследования культур народов Азии», но по лингвистике журналов Агентства нет. Поиск можно делать по ключевым словам, но есть и список по областям знаний (<https://jstage.jst.go.jp/journal/fields/>).

3. <https://www.jpfr.go.jp>

Сайт Японского фонда (国際交流基金) — японской государственной организации под управлением Министерства иностранных дел Японии. Основными целями организации являются продвижение культурного обмена между Японией и другими странами, продвижение обучения японскому языку в мире и продвижение японоведения. Материалы в этой базе данных посвящены исключительно вопросам преподавания и обучения японскому языку. Доступ к материалам проще осуществить через сайт nii.ac.jp (<https://jpfr.repo.nii.ac.jp/>), так как на самом сайте Японского фонда не понятно, как найти материалы.

4. <https://www.bunka.go.jp>

Сайт японского Министерства культуры. На сайте в разделе «Статистика, Белая Книга, Публикации» (統計・白書・出版物) есть подраздел «Статистика, опросы и др.» (統計・調査研究等),

где размещены результаты ежегодных опросов, темой которых является японский язык и языковое существование (国語に関する世論調査), за почти 30 лет от 1995 г. до 2023 г. Результаты опросов представлены в виде pdf файлов, доступных для скачивания. Результаты каждого года оформлены по отдельности, все данные статистически обработаны, представлены в виде таблиц, диаграмм и графов, с описанием, анализом и комментариями. Данные опросы проводятся с соблюдением всех правил большой выборки опрашиваемых, способов сбора языковых данных и их последующей обработки, из-за чего они являются ценным источником материала для лингвистических исследований японского языка.

5. <https://www.ninjal.ac.jp>

Изначально — сайт Государственного института исследования японского языка (国立国語研究所NINJAL), организации, основанной в 1948 г., основной целью которой являлось исследование японского языка и его функционирования в обществе, проведение опросов, выработки рекомендаций по правильному употреблению японского языка. Результаты исследований использовались, в том числе и при планировании и проведении языковой политики и нормировании языка. С 2009 г. эта организация существует в виде исследовательского «Государственного института японского языка и лингвистики».

В разделе «База данных, корпус, материалы» (データベース・コーパス・資料), помимо большого числа статей и материалов по японскому языку, есть и результаты большого числа опросов общественного мнения, темой которых являлись разные аспекты японского языка. Эти исследования особо ценны, так как в опросах принимали участие большое число респондентов, многие опросы являются лонгитюдинальными (схожие опросы проводились несколько раз в одной и той же местности с разрывом в несколько лет), что предоставляет ценный материал при исследовании изменений японского языка. Например, таким исследованием является опрос, касающийся использования и восприятия вежливой речи (敬語と敬語意識), проведённый трижды (1953 г., 1972 г. и 2008 г.) в г. Окадзаки префектуры Айти. В опросе каждый раз принимали участие несколько сот человек. Результаты всех трех опросов можно скачать. В открытом доступе находится не только подробно

описанный опросник и статистический обработанные результаты, но и упорядоченные таблицы в формате Excel, в которые занесены данные всех опрошенных и все их ответы, что позволяет самому выделить и обработать нужные сведения, в зависимости от темы собственного научного исследования.

6. <https://www.ndl.go.jp>

На сайте Парламентской библиотеки Японии собраны данные нескольких миллионов публикаций, включая исторические документы, законы и указы разных периодов японской истории, книги, журналы, газеты и т.д. Если онлайн-доступ к оцифрованным историческим документам открыт, то большинство статей, газет и журналов закрыты. Тем не менее, из-за их огромного числа можно найти научную литературу в открытом доступе, и в некоторых случаях она доступна и для скачивания. Можно вести поиск в строке поиска на сайте, после чего просматривать выпадающие списки найденных материалов. Если их можно читать онлайн или скачивать, то рядом стоит красноватый значок глобуса и надпись ログインなしで閲覧可能 («возможен просмотр без регистрации»).

7. <https://www.nichibun.ac.jp/ja/>

Международный исследовательский центр японской культуры (国際日本文化研究センター), это межуниверситетский исследовательский центр, расположенный в г. Киото. Его сокращённое название Нитибункэн. В центре большая библиотека, часть из которой оцифрована. На сайте в разделе «База данных» (データベース) размещены сканы старых книг, фотографий, иллюстраций и т.д., которые могут использоваться в качестве источника материала для диахронических исследований японского языка. В разделе «Публикации» (出版) в открытом доступе находятся номера журнала, издаваемого центром, а также некоторое число других журналов и монографий. Темой являются в основном история и культура Японии, но можно найти и материалы по литературе Японии, языковой политике и т.д. В некоторых случаях для просмотра требуется регистрация.

В заключение приведём три сайта, посвящённых преимущественно иероглифике. Объём размещённых на них данных не очень большой, но это пример того, что даже на небольших сайтах можно найти материал для научного исследования.

8. <https://www.kanken.or.jp>

Общественная некоммерческая организация «Японская ассоциация проверки владения иероглификой» (日本漢字検定協会) поддерживает и финансирует исследования, в первую очередь связанные с изучением иероглифической письменности в разных аспектах (обучение иероглифике в школах, особенности того или иного иероглифа, особенности восприятия графического знака носителями разных языков и т.д.), а также исследования, посвященные японскому языку, иероглифической лексике, обучению японскому языку и т.д. Исследователями являются преимущественно школьные учителя и преподаватели вузов. На сайте публикуются в открытом доступе результаты исследований.

9. <https://sousaku-kanji.com>

В Японии уже 15 лет проводится конкурс иероглифов-неологизмов. Любой японец может придумать новый иероглиф и отправить его на конкурс с объяснением его значения и указанным чтением. Комиссия выбирает самые удачные и интересные иероглифы и объявляет победителей. Иероглифы, которые вошли в заключительный этап отбора, публикуются на сайте. Эти иероглифы позволяют лучше понять саму природу иероглифического знака и механизмы его создания.

10. <https://kanjibunka.com>

Это сайт издательства Тайсю:кансётэн. Представленные на сайте в разделе Q&A материалы не являются научными исследованиями, это проверенные научно-популярные краткие статьи, тема которых иероглифическая письменность. В разделе «Материалы для чтения» (読み物) можно скачать два небольших файла, интересных для тех, кто изучает камбун: 十八史略 (じゅうはっしりゃく) и 三字経 (さんじきょう). Это классические китайские тексты, которые на сайте опубликованы с проставленными дакутенами и «переводом» на современный японский язык.

Количество сайтов, представленных в японоязычном интернете и объем материалов, размещённых на них, затрудняют эффективный поиск верифицированных и вариабельных данных. Данная статья предлагает начинающим исследователям основные ориентиры, опираясь на которые можно будет в дальнейшей работе можно будет расширить сферу поиска.

Литература

1. Ибрахим И.С. Внедрение современных ПО в процесс преподавания японского языка. // Японский язык в вузе: Актуальные проблемы преподавания. Выпуск 13. М.: Ключ-С, 2015.
2. Румак Н.Г. Использование информационных технологий в преподавании практики перевода (краткий обзор ресурсов). // Японский язык в вузе: Актуальные проблемы преподавания. Выпуск 2. М.: Ключ-С, 2009.
3. Мызникова В.В. Использование on-line ресурсов на уроках японского языка. // Национальные приоритеты современного российского образования: проблемы и перспективы. Сборник статей и докладов XI Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Дальневосточный федеральный университет, 2017
4. Савинская А.В. Использование интернет-ресурсов в процессе создания дидактических материалов по японскому языку. // Японский язык в вузе: Актуальные проблемы преподавания. Выпуск 19. М. Ключ-С, 2019.

Интернет-ресурсы:

5. <https://www.bunka.go.jp>
6. <https://www.jpjf.go.jp>
7. <https://www.jstage.jst.go.jp>
8. <https://kanjibunka.com>
9. <https://www.kanken.or.jp>
10. <https://www.ndl.go.jp>
11. <https://www.nichibun.ac.jp/ja/>
12. <https://www.nii.ac.jp>
13. <https://www.ninjal.ac.jp>
14. <https://sousaku-kanji.com>

Н. В. Кутафьева

**Семантика наречия *たいてい тайтэй*
и его синонимов. Использование в речи**

Аннотация. В данной работе проводится анализ значений наречия *тайтэй*, отражённых в различных словарях. На примерах рассматривается использование данного наречия, а также его синонимы. В предложении наречие *тайтэй* может занимать следующие синтаксические позиции: определение к члену предложения, выраженному существительным (при этом имеет место транспозиция), определение к сказуемому и сказуемое. Результаты представленной работы будут полезны студенческой аудитории, поскольку при переводе данного наречия часто наблюдаются ошибки.

Ключевые слова: японский язык, наречие, семантика, синонимы

Kutafeva N. V.

**Semantics and the use of the adverb *taitei*
and its synonyms**

Abstract. The paper analyzes the meaning of the adverb TAITEI specified in various dictionaries. The examples discuss the use of this adverb, as well as its synonyms. In the sentence, the adverb TAITEI may occupy the following syntactic position namely, attributive to a member of the sentence expressed by a noun (in this case, transposition takes place), attributive to the predicate and predicate. The results of the work will be useful to the student audience, since mistakes are often observed when translating this adverb.

Keywords: Japanese language, adverb, semantics, mistakes

DOI 10.54449/9785907938519_82

Для выявления семантики анализируемого наречия *たいてい тайтэй* мы использовали следующие словари: японско-русский словарь под редакцией Н. И. Конрада, японско-русский словарь издательства Кэнкю:ся, японско-японский «Словарь современных наречий» и «Словарь образцов предложений японского языка».

Рассмотрим далее, какие значения приведены в указанных словарях.

В японско-русском словаре под редакцией Н.И. Конрада приведены два значения: 1) большей частью, почти все, во всей вероятности (*たいていの人 тайтэй-но хито* «большинство людей»); 2) лёгкий (*たいていじゃない тайтэй дзя най* «нелегко, нелёгкое дело») [1, 233].

В японско-русском словаре издательства Кэнкю:ся также приведены два значения: 1) необычный, необыкновенный (*たいていでない努力をする тайтэй дэ най до:рёку-о суру* «необыкновенно стараться, прилагать необыкновенные усилия»); 2) нелёгкий, сложный, трудный (*五時に起きるのは並たいていでない。 Го дзи-ни окиру но ва намитайтэй дэ най* «Очень трудно встать в 5 часов») [7, 644].

В японском «Словаре современных наречий» приведены следующие значения анализируемого наречия: 1) выражает некоторую тенденцию, которая обычно имеет место; 2) выражает степень [6, 256-257].

В японско-японском «Словаре образцов предложений японского языка» указано, что данное наречие выражает высокую частоту или вероятность в речи о привычных событиях [2, 184].

Рассмотрим далее использование данного наречия в предложениях.

Наречие *たいてい тайтэй* может использоваться в следующих синтаксических позициях: в позиции определения к члену предложения, выраженному существительным, и в позиции определения к сказуемому.

(1) *たいていの人 は ビートルズの 曲 を 知 っ て い る。 Тайтэй-но хито ва би:торудзу-но кёку-о ситтэ иру.* «Обычные люди знают мелодии «Битлз»» [6, 256].

В данном примере наречие используется в функции определения с показателем родительного падежа *の-но* к существитель-

ному 人 *хито* «человек», при этом наблюдается транспозиция, наречие используется в функции существительного. В приведённом предложении речь идёт не об абсолютном количестве, просто говорящий предполагает, что обычные люди знают мелодии «Битлз», т.е. проявляется некоторая тенденция.

Тем не менее, в «Словаре образцов японских предложений» указано, что наречие *тайтэй* может использоваться в словосочетаниях *たいていの場合 тайтэй-но баай*, *たいていの人 тайтэй-но хито*, *たいていの町 тайтэй-но мати* в конструкции *たいていのN тайтэй-но N*, т.е. в функции определения к определяемому, выраженному существительным, и в этом случае оно выражает высокий процент и может быть заменено наречиями *大部分 дайбубун* «большая часть» и *たいがい тайгай* «большая часть» [2, 184].

Таким образом, получается, что приведённые выше словосочетания могут иметь значение «в большинстве случаев», «большинство людей», «большинство городов».

Далее рассмотрим позицию определения к сказуемому.

(2) あわててやるとたいてい後で、ミスを発見する。
Аватэтэ яру то тайтэй ато дэ, мису-о хаккэн-суру. «Если вы делаете второпях, то потом часто находите ошибки» [6, 256].

И в этой синтаксической позиции наречие *たいてい тайтэй* также выражает некоторую тенденцию, наблюдаемую в ряде повторяющихся событий или обстоятельств.

Наречие *たいてい тайтэй* по значению близко к ряду других наречий, таких как *たいがい тайгай*, *だいたい дайтай*, *ほとんど хотондо*, *ほぼ хобо*. Так, в рабочей тетради «Японский для иностранцев. Наречия» данные наречия семантически объединены в одну группу со значением «состояние почти идеальное или близкое к идеальному» [4, 40].

И в рабочей тетради «Японский для иностранцев», и в «Словаре использования современных наречий» приведены следующие синонимы *たいがい тайгай*, *だいたい дайтай*, *ほとんど хотондо*.

Наречие *たいがい тайгай* подразумевает большую часть некоторой области, диапазона. По сравнению с другими указанными наречиями часто используется в неофициальной речи.

(3) 月曜日はたいがい家にいます。 *Гэцуё:би ва тайгай из-ни имасу*. «Я обычно дома по понедельникам» [4, 40].

Попутно следует заметить, что в учебниках японского языка, изданных в Японии, начиная с начального уровня и заканчивая высшим, которые мы используем при обучении, нам ни разу не встретилось наречие *たいがい тайгай*.

Наречие *だいたい дайтай* подразумевает какую-то основную часть, исключая второстепенную.

(4) 論文はだいたい書けているが、完成するまでにあと二週間はかかる。 *Ромбун ва дайтай какэтэ иру га, кансэйсуру мадэ ни ато ни сю:кан ва какару*. «Работа почти закончена, но на её завершение уйдёт ещё две недели» [4, 40].

Наречие *ほとんど хотондо* подразумевает тенденцию в пределах некоторой ограниченной области, диапазона; не совсем, но почти.

(5) 運動会の日はほとんど一日いい天気だった。 *Ун-до:кай-но хи ва хотондо итинити ий тэнки датта*. «В день спорта почти целый день была хорошая погода» [6, 257].

В «Словаре синонимов японского языка» для наречия *たいてい тайтэй* приводится лишь один синоним — наречие *たいがい тайгай*. При этом указывается, что наречие *たいがい тайгай* в речи о количестве, области, сфере и др. выражает большую часть этого, почти все, а наречие *たいてи тайтэй* выражает степень и частоту происходящего. В приведённых ниже предложениях *たいがい тайгай* и *たいてи тайтэй* являются абсолютными синонимами.

(6) (たいがい / たいてい) のことなら我慢する。 (*Тайгай / тайтэй*)-*но кото нара гаман-суру*. «В большинстве случаев терплю».

(7) 夜は (たいがい / たいてい) はやく帰る。 *Ёру ва (тайгай / тайтэй) хаяку каэру*. «Ночью обычно рано возвращаюсь» [3, 866].

В «Словаре использования современных наречий» указано, что наречие *たいてи тайтэй* имеет значение выражение степени, при этом оно передаёт отрицательный нюанс и часто используется в предложениях со значением отмены или приказа [6, 257].

В этом значении наречие *たいてい тайтэй* может использоваться в позиции определения к члену предложения, выраженному существительным, и в позиции сказуемого.

(8) この損害はたいていなことではすまない。 *Коно сонгай ва тайтэй-на кото дэ ва суманай*. «Этот ущерб не закончится чем-то обычным» [6, 257].

В данном примере наблюдается транспозиция, наречие *たいてい тайтэй*, используя с показателем *な-на*, переходит в ряд полупредикативных прилагательных.

От этого значения происходит выражение *並みたいていでない намитайтэй дэ най* «необычный, особенный».

(9) 辞書を一から作る苦労は並たいていではない。 *Дзисё-о ити-кара цукуру куро: ва нами тайтэй дэ ва най*. «Труд по созданию словаря с нуля не является чем-то обычным» [6, 257].

В данном примере наречие *たいてい тайтэй* используется в отрицательном составном именном сказуемом.

В примерах (8) и (9) подчёркивается не обычная, а чрезвычайная степень.

В «Словаре предложений японского языка» говорится, что если наречие *たいてい тайтэй* присоединяется к словам, выражающим что-то привычное, то оно обозначает высокую степень вероятности происходящего.

(10) 私は朝食はたいていパンですね。 *Ватаси ва тё:сёку ва тайтэй пан дэсу нэ*. «На завтрак у меня (почти) всегда хлеб» [2, 184].

В данном примере значение наречия *たいてい тайтэй* близко к значению *いつも ицумо* «всегда».

Наречие *たいてい тайтэй* также может выражать вероятность, однако, подобное значение выходит из употребления.

(11) 社長はあの手紙を読んでたいてい怒っていますよ。 - *Сятё: ва ано тэгами-о ёндэ тайтэй окоттэ имасу ё*. «Начальник фирмы, прочитав то письмо, вероятно, рассердился» [5, 156].

Итак, наречие *たいてい тайтэй* является полисемантическим и выражает следующие значения: почти всегда (почти все), всегда, обычно, в большинстве случаев, чрезвычайно, вероятно.

Синтаксически существуют три позиции, в которых используется наречие *たいてい тайтэй* — определение к члену пред-

ложения, выраженному существительным (при этом наблюдается транспозиция наречия в существительное или полупредикативное прилагательное), определение к сказуемому и составное именное сказуемое.

Мы попытались выяснить значение наречия *たいてい тайтэй* в зависимости от его синтаксической позиции в предложении. Непосредственной связи не было выявлено, можно говорить лишь о некоторой тенденции: в функции определения к члену предложения, выраженному существительным, наречие *たいてい тайтэй* передаёт следующие значения: обычно (тенденция), большая часть, степень чего-то; в позиции определения к сказуемому — часто (тенденция), степень чего-то; в позиции сказуемого — степень чего-то.

Литература

1. Большой японско-русский словарь. Т. 2 // Большой японско-русский словарь: отв. ред. Н. И. Конрад. Москва: Советская энциклопедия. 1970. 720 с.
2. 日本文型辞典. 東京: くろしお出版. 1998. 693 p.
3. 類語例解辞典. 東京: 小学館. 1994. 1142 p.
4. 茅野直子, 秋元美晴, 真田一司. Japanese for foreigners. 副詞. 東京: 荒竹出版. 1987. 199 p.
5. 芳賀綏, 佐々木瑞枝, 門倉正美. あいまい語辞典. 東京: 東京堂出版. 1996. 300 p.
6. 飛田良文, 浅田秀子. 現代副詞用法辞典. 東京: 東京: 東京堂出版. 2018. 640 p.
7. Японско-русский словарь. // Японско-русский словарь: отв. ред. Т. Фудзинума. Токио: Кэнкю:ся. 2000. 1183 с.
8. Японско-русский словарь. // Японско-русский словарь: отв. ред. Т. Фудзинума. Токио: Кэнкю:ся. 2000. 1183 с.
9. Японско-русский словарь. // Японско-русский словарь: отв. ред. Т. Фудзинума. Токио: Кэнкю:ся. 2000. 1183 с.

Д. В. Линяев

**К вопросу об особенностях морфологии
и синтаксиса второстепенных членов предложения
в японских пословично-поговорочных
выражениях — на материале определений
и дополнений**

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ им. М.В.Ломоносова «Языковые системы народов Азии и Африки: особенности и проблематика», ЦИ-ТИС122041300079-5

Аннотация. В статье рассматриваются особенности морфологии словоформ определений и дополнений, отмечающиеся в японских пословично-поговорочных выражениях.

Ключевые слова: японский язык, синтаксис, морфология, котовадза, пословично-поговорочные выражения, определение, дополнение

D. V. Linyaev

**Features of Morphology and Syntax of Subordinate
Sentence Parts, Namely Definitions and Objectives,
in Japanese Proverbs – Issue Revisited**

The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University № 122041300079-5

Abstract. The article discusses features of morphology of definitions and objectives in Japanese proverbial expressions.

Keywords: Japanese language, syntax, morphology, kotowaza, proverbs, definition, objective

DOI 10.54449/9785907938519_88

Данное исследование продолжает серию статей об особенностях морфологии и синтаксиса словоформ лексем, употребляющихся в японских пословично-поговорочных выражениях [4, 294].

В российском языковедении в качестве второстепенных членов предложения выделяются определения, дополнения и обстоятельства. В данной работе делается попытка определить морфологические особенности словоформ, наиболее часто употребляемых в синтаксисе японских КОТОВАДЗА, или пословично-поговорочных выражений — то есть установить, в каких вариантах японские лексемы чаще всего употребляются в определенных синтаксических позициях. Пословично-поговорочные выражения взяты в качестве примеров, поскольку их корпус представляет собой удачное сочетание примеров как устаревшего, так и вполне современного словоупотребления.

Приступая к изучению данного вопроса, следует принимать во внимание вариативность соотнесения определенных словоформ с различными синтаксическими функциями (членами предложения) учёными различных лингвистических школ. В японском языкознании в качестве эквивалента русского термина «определение» используется 修飾語. В целом, в научной терминологии достаточно часто встречаются случаи полного семантического соответствия терминов разных языков, когда $A=B$, а $B=A$, например, 帝王切開 = кесарево сечение, 無水酢酸 = уксусный ангидрид, Christmas tree = фонтанная арматура на устье скважины (в контексте нефтегазодобычи). В данном случае, однако, все совсем не так. Значение японского термина 修飾語 значительно шире значения русского термина «определение». Дело в том, что японские лингвисты, например, М. Кизэда и пр., в корпусе знаменательных слов выделяют неизменяемые слова-субстантиваторы (т.н. 体言) [1, 75] и изменяемые слова (т.н. 用言) [1, 127]. Определения, в свою очередь, они делят на т.н. «притайгэнные» (приименные, присубстантивные) — 連体修飾語 и «приёгэнные» (относящиеся к изменяемым словам: глаголам и прилагательным) — 連用修飾語. Последние отвечают на вопрос «как?», «каким образом?» и выполняют функции, ана-

логичные функциям обстоятельств образа действия в русском предложении. Автору данной работы функциональная классификация определений, принятых в японском языковедении, кажется значительно более целостной и обоснованной («какой предмет?», «какое явление?», «какой образ действия?»). Однако в целях обеспечения последовательности подхода к языковому материалу в русле российской японоведческой лингвистической традиции, в данной работе мы будем исходить из того, что приёзнные определения являются аналогами обстоятельств образа действия и оставим их за рамками данного исследования. Они будут рассмотрены в ходе следующего исследования данной серии.

Как известно, одним из основных способов японского словообразования является корне- и основосложение, что проявляется и в структуре слов, употребляющихся в японских КОТОВАДЗА, в частности, в структуре определений. В японских КОТОВАДЗА определения могут быть как компонентами корне- и основосложных слов, выполняющими определительные функции (1), так и самостоятельными словами, которые подпадали бы под определение орфографического слова (знакового комплекса от пробела до пробела), если бы таковое имелось в японском языке (2).

(1)

Чаще всего, компоненты, выполняющие функцию определения, включаются в корнесложные слова, заимствованные из китайской лексики, либо созданные в Японии из китайских корневых морфем по китайским моделям словообразования, например: 良薬は口に苦し、多言は身を害す、覆水盆に返らず、空き樽は音が高い, или в сложные слова, сочетающие в себе китайские и японские компоненты: 秋茄子は嫁に食わすな、青表紙を叩いた者にはかなわぬ.

В сложных словах в качестве определительного компонента употребляются китайские корни и японские основы, соотносящиеся с прилагательными (良薬 — хорошее лекарство), глаголами (覆水 — опрокинутая (пролитая) вода) и существительными (秋茄子 — осенние баклажаны).

(2)

Адъективные определения

В корпус КОТОВАДЗА входят как пословицы и поговорки, в которых предикативные прилагательные используются в словоформах присубстантивного определения на ~ки, считающихся ныне устаревшими: 親しき中にも礼儀あり、得難きは時、逢難きは友、遠きを知りて、近きを知らず, так и единицы, в которых употреблены словоформы, соответствующие нормам современной морфологии: 女房と旦那は新しい方がよい、女房と味噌は古いほどよい、憎い鷹には餌を飼え、憎い憎いは可愛い裏.

Примечательно, что нередко наблюдается эллипсис слова-субстантиватора, обязательного в современном синтаксисе: 得難き○○○は時、会い難き○○○は友、憎い憎い○○○は可愛い○○○の裏、遠き○○○を知りて、近き○○○を知らず и пр.

Определения, выраженные полупредикативными прилагательными

Японские языковеды называют полупредикативные прилагательные 形容動詞 — «адъективные глаголы». В англоязычных источниках находим термины *adjectival nouns*, *nominal adjectives* и *adjectival verbs*. Каждый термин данной группы: русский, японский и английский — имеет свои достоинства и недостатки. Рассмотрение правильности и точности данных определений мы оставим за рамками данного исследования. Напомним лишь, что в современном японском синтаксисе для данной группы слов в позиции присубстантивного (притайгэнного) определения характерен суффикс ~な, а в позиции приёгэнного определения (т.е., обстоятельства образа действия) — суффикс ~に.

Мы пытались найти примеры употребления полупредикативных прилагательных в позиции определения в Словаре японских пословично-поговорочных выражений [3] и на Интернет-ресурсе «Онлайн-словарь исторических аллюзий, пословиц, поговорок и идиом» [2], но не преуспели в этом. Поиск начался с четырёх полупредикативных прилагательных: 元気(な), にぎやか(な), 立派(な) и 静か(な). По первым трём прилагательным результат поиска был нулевым. На интернет-ресурсе были найдены два примера употребления прилагательного 静か в позиции приёгэнного опре-

деления (обстоятельства образа действия): 急ぎの文は静かに書け и 深い川は静かに流れる. Второй пример был также найден в упомянутом выше словаре. Кроме того, в обоих источниках был найден пример употребления данного прилагательного в позиции косвенного дополнения с глаголом なる: 樹静かならんと欲すれども風止まず — историческая идиома, восходящая к Хань Ши Вайчжуань (韓詩外伝) — памятнику китайской литературы эпохи Хань [2]. В этом примере наблюдаем эллипсис коннектора (падежного показателя) между прилагательным и глаголом, но по правилам японской грамматики в данном случае полупредикативное прилагательное также употребляется с суффиксом ～に, хотя и не в позиции приименного определения, а косвенного дополнения. Результаты поиска привели к заключению о том, что позиция приименного определения в КОТОВАДЗА не характерна для японских полупредикативных прилагательных.

Глагольные определения

Как известно, одной из характерных особенностей японского языка является наличие в нем глагольных определений — конструкций, в которых глаголы ставятся перед именами без какого-либо союза или вспомогательного форманта, определяя эти имена.

Корпус КОТОВАДЗА предлагает множество примеров глагольного определения. Глаголы в позиции определения употребляются в форме не прошедшего времени. Это, вероятно, можно объяснить вневременным, универсальным характером постулируемых в котовадза положений. Примеры утвердительного глагольного определения многочисленны: 慌てる乞食は貰いが少ない、転がる石に苔が生えぬ、立つ鳥、跡を濁さず и др. Для создания отрицательной формы глагольного определения используется окончание ～ぬ, характерное для старояпонского языка: 飲まぬ酒には酔わぬ、触らぬ神に祟りなし, но есть и примеры использования современных словоформ: 昇れない木は仰ぎ見るな. Примечательно, что для создания отрицательных словоформ конечного глагольного сказуемого очень часто используется окончание ～ず, характерное для старояпонского языка бунго (立つ鳥跡を濁さず、商人と屏風は曲がらねば世に立たず. Примеры употребления отрицательной приименной формы на ～ざる ис-

ключительно редки (過ぎたる○○○は猶及ばざるが如し). Морфологические формы отрицательных глагольных определений в приведённых выше примерах, характерные для старояпонского языка, ныне употребляются преимущественно в официальном, научном и других книжных стилях, а для устной речи современных японцев они не характерны.

Особняком стоят малочисленные примеры, в которых в определительной позиции именной компонент сопровождается формант ～たる: 老いたる馬は道を忘れず、過ぎたる○○○は猶及ばざるが如し. Японские лингвисты полагают, что 老い/過ぎ — это незаключительная (приёгэнная) форма глаголов (которую в русском практическом японоведении принято называть соединительно-именной основой), а ～たる — приименная форма вспомогательного глагола たり. Они включают эти малочисленные ныне примеры в одну группу с уже упоминавшимися «адъективными глаголами» (形容動詞), определяемыми как полупредикативные прилагательные в российском японоведении. Однако данные слова ни при каких условиях не могут быть сказуемыми. Их синтаксический функционал ограничивается позицией приименного определения. Весьма убедительной представляется трактовка российских японоведов, выделяющих эти сложные синтетические слова в особый подкласс — непредикативные прилагательные.

Именные определения

Отмечаются в корпусе японских КОТОВАДЗА во множестве. Ничем не примечательны. Могут быть компонентами основосложных слов (秋茄子は嫁に食わすな、青表紙を叩いた者にはかなわぬ), либо отдельными словами японского или китайского происхождения (対岸の火事、河童の川流れ、川向の喧嘩、蛙の子は蛙、遠くの親類より近くの他人、遠くの火事より背中の灸).

Дополнения

Прямые дополнения многочисленны и мало примечательны: 立つ鳥跡を濁さず、他人の飯を食わねば、親の恩は知れぬ、多言は身を害す и пр. Несколько больший интерес представляют уже упоминавшиеся случаи эллипсиса слова-субстантиватора (遠き○○○を知りて、近き○○○を知らず. В данных примерах

слово, обозначающее прямой объект действия, отсутствует, и его функцию выполняет определение к отсутствующему слову, подобно русским предложениям «У нас завтра контрольная [работа]», «Она говорила по мобильному [телефону]».

Распространены косвенные дополнения (鬼に金棒, 豚に真珠, 猫に小判, 泣き面に蜂, 豚もおだてりゃ木に登る). Преобладают косвенные дополнения, оформленные коннектором ～に, обозначающие адресата некоего действия (аллатив / адверсив). Встречаются также дополнения, оформленные коннектором падежа на ～で, обозначающие орудие действия (海老で鯛を釣る) и дополнения, обозначающие иллатив (внутренний предел) — предмет деятеля, на который направлено действие деятеля (毒を食らわば皿まで).

Дополнения и обстоятельства — проблема разграничения

Корпус японских КОТОВАДЗА представляет материал для размышлений о разграничении косвенных дополнений и обстоятельств места. Например, в поговорке 地獄に仏 коннектор に указывает на местонахождение предмета. Данная словоформа является примером локатива, отвечает на вопрос «где?» и является бесспорным обстоятельством места. С другой стороны, в поговорках 鬼に金棒, 豚に真珠, 猫に小判, 泣き面に蜂 и пр. коннектор に оформляет существительное, обозначающее объект, на который направлено действие, то есть тот предмет, на котором скажется результат действия («кому?»). Данные поговорки являются примерами аллатива / диверсива, а в предложении — косвенного дополнения. Трактовка становится менее определённой при рассмотрении поговорки 豚もおだてりゃ木に登る. Если это аллатив, то он указывает на объект, на котором скажется результат действия, и его следует признать косвенным дополнением (записать на скрижали, залезть на дерево). Но если уместен вопрос «куда?», то не обстоятельство (места) ли это? Данные примеры, бесспорно, требуют дальнейшего осмысления и анализа.

Морфология словоформ, употребляющихся на позициях определений и дополнений в синтаксисе японских пословично-поговорочных выражений, разнообразна и интересна. Она, безусловно, заслуживает дальнейшего изучения. Данная тема по-

мимо чисто научного имеет ещё и сугубо прикладное значение – результаты исследований можно активно использовать в преподавании японского языка студентам старших курсов.

Все примеры пословично-поговорочных выражений, рассмотренные в данном исследовании, взяты из «Словаря японских пословиц и поговорок» [3].

Литература

1. М.Киэда. Грамматика японского языка. М., Издательство иностранной литературы, 1958.
2. 故事・ことわざ・慣用句辞典オンライン. <https://kotowaza.jitenon.jp/>
3. ことわざ辞典. 東京、株式会社ナツメ社, 1995
4. Линяев Д.В. Некоторые особенности морфологии и синтаксиса определительных конструкций в японских пословично-поговорочных выражениях. В сборнике «Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика», М.: ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, тезисы, 2024.

Мизгулина М. Н.

Лингвострановедение Японии как компонент олимпиадных заданий (на примере Олимпиады «Учитель школы будущего»)

Аннотация. Олимпиада УШБ по японскому языку проводится в МГПУ с 2018 года. Несмотря на тот факт, что к настоящему моменту формат заданий был несколько раз пересмотрен, блок заданий по лингвострановедению, присутствует каждый год. В статье рассмотрены основные особенности обучения японскому языку школьников, которые были учтены составителями олимпиадных заданий. Также описываются типы олимпиадных заданий, при прохождении которых школьникам необходимо применять лингвострановедческие знания.

Ключевые слова: Японский язык, олимпиада по иностранному языку, олимпиада «Учитель школы будущего»

M. N. Mizgulina

Linguistic and Regional Studies of Japan as a component of Olympiad Tasks (Based on Olympiad “The Future School Teacher”)

Abstract. The Olympiad in Japanese language has been held at the Moscow City University since 2018. Despite the fact that by now the assignment format has been revised several times, a block of assignments testing cultural knowledge is presented annually. The article discusses the main features of teaching Japanese to schoolchildren, which were taken into account by a group of compilers of Olympiad tasks. It also describes the types of Olympiad tasks where students need to apply their knowledge of Japanese culture.

Keywords: Japanese language, Foreign Language Olympiad, The Future School Teacher Olympiad

DOI 10.54449/9785907938519_4

Олимпиада УШБ по иностранным языкам имеет пятнадцатилетнюю историю: с 2009 года МГПУ начал проводить оценку знаний школьников по европейским языкам, спустя несколько лет, после накопления определенного опыта, линейку дополнили восточные языки (китайский, японский, корейский). В задания по всем иностранным языкам включён лингвострановедческий компонент, предполагающий проверку знаний о стране изучаемого языка. При изучении иностранного языка освоение лингвострановедческого материала школьниками ведёт к формированию лингвострановедческой компетенции, представляющей целостную систему знаний о культуре, истории, реалиях, национальных традициях, умений пользоваться различными моделями речевого поведения страны изучаемого языка. Лингвострановедческий подход (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров) является одним из первых этапов становления межкультурного подхода [4], [5], «скрепляющего парадигму культуросообразных подходов» [1, с. 21].

При составлении олимпиадных заданий разработчикам необходимо учитывать некоторые особенности, связанные с преподаванием японского языка в школах и на курсах дополнительного образования. Во-первых, японский язык был и остаётся достаточно редким иностранным языком, который изучается в очень ограниченном числе средних школ. Во-вторых, отсутствует учебник по японскому языку, входящий в федеральный перечень учебников, допущенных к использованию при реализации образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования. Школьники все чаще пользуются услугами репетиторов или небольших языковых курсов, которые предлагают индивидуальный подход и собственную траекторию развития. Таким образом, в отличие от западных популярных языков, имеющих официальные программы и учебники, предполагающие хотя бы относительную универсальность изучаемого материала, японский язык имеет очень условный «начальный этап обучения», в котором трудно унифицировать материал для контроля сформированности языковой и речевой компетенций. В первые годы проведения олимпиады УШБ по японскому языку были проведены исследования и опубликованы работы об отборе

языкового и речевого материала [2] [3], об определении уровней для системы оценивания, в том числе о продуктивных видах речевой деятельности [6].

Олимпиадные задания делятся на несколько блоков по аспектам: иероглифика, лексика, грамматика, культура, а также по проверке различных видов РД: чтение, аудирование, письмо и говорение (на очном этапе). В предыдущих публикациях, посвящённых анализу олимпиадных заданий, вопрос лингвострановедения не был полностью раскрыт. Лингвострановедческие задания в основном сосредоточены в блоке культура, но также могут быть включены в другие блоки, чаще всего в «чтение», «аудирование» или задания по грамматике.

Культура Японии (особенно современная массовая — манга, аниме) считается основным компонентом мотивации для изучения японского языка среди школьников, однако разнообразие продукции, представленной на российском рынке и в интернете, даёт огромный разброс в содержании. Отдельно школьники могут быть очень хорошо осведомлены о некоторых аспектах культуры, при этом не обладая самой базовой информацией о Японии. Школьная программа (например, по мировой истории) практически не подразумевает глубоких знаний об истории Японии, в школьных учебниках по истории на Японию выделяется в лучшем случае несколько абзацев. Поэтому задания блока «культура», затрагивающие исторический аспект, составляются с учётом этих условий. Например, если требуется расставить события в хронологическом порядке, выбираются события с разбросом в несколько веков, информацию о которых можно почерпнуть из аниме и манга без специального изучения истории.

Такая же позиция проявляется группой специалистов при составлении заданий «правда-неправда». Например, в задании, где нужно выбрать один правильный ответ, могут даваться следующие утверждения: в Японии не принято пить чай, в Японии не выращивают чай, в Японии не принято оставлять чаевые. Вряд ли школьники специально изучают культуру сферы обслуживания и потребления, но методом исключения почти всем удаётся найти правильный ответ.

Более-менее понятная ситуация наблюдается при составле-

нии заданий, посвящённых праздникам или традициям Японии, так как страноведческая информация подобного типа размещается практически во всех учебниках, с которыми может столкнуться российский школьник, как российскими, так и японскими. Задания, где требуется соединить дату и название праздника, правильно выполняют более 70 процентов участников.

№4 Подберите к каждому слову из левой колонки подходящую пару из правой.

1. 15 января	a. День детей
2. 5 мая	b. День конституции
3. 23 ноября	c. День труда
4. 3 мая	d. День совершеннолетия

Каждый год в блоке «культура» предлагаются «фирменные» задания, касающиеся непосредственно аниме или манга, например, даются картинки четырёх персонажей (с ярко выраженными азиатскими деталями), среди которых нужно найти одного японского. В качестве дистракторов предлагается множество картинок: Мулан, Сунь Укун, Маринетт Дюпен-Чен и др. Этот тип заданий также является доступным практически для всех участников (примерно 75 процентов).

Вопросы по традиционной культуре, например, про хокку (нужно назвать жанр японской лирической поэзии, состоящий из трех строк), являются более сложными: по данным результатов олимпиады 2023-2024 учебного года, правильно ответило чуть более половины участников заключительного этапа.

Также лингвострановедческая информация может быть опорой при выполнении заданий других блоков: фоновые знания помогают школьникам вычленять в потоке речи различные типы имён собственных — топонимов, фамилий, названий товаров известных марок, названий праздников и т.п. в блоке аудирования. Языковая догадка, связанная со знаниями культурных реалий, может также работать при выполнении заданий по чтению.

На заключительном туре олимпиады проводится очное собеседование, при этом темы для беседы могут также включать в себя лингвострановедческий компонент.

Литература

1. Диалектика современного межкультурного иноязычного образования: векторы и смыслы: Методологический опыт научной школы «Межкультурное языковое образование в 21 веке» / В. А. Гончарова, И. Н. Столярова, Е. В. Васильева [и др.]. — Москва: Издательский дом «Библио-глобус», 2018. — 254 с.
2. Мизгулина, М.Н. Задания для школьной олимпиады по японскому языку на примере олимпиады «Учитель школы будущего» / М. Н. Мизгулина, В. А. Федянина // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания: материалы 2-ой международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 марта 2020 года. Выпуск 21. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Ключ-С", 2020. — С. 152-159. — EDN DHHKFU.
3. Тарева, Е.Г. Критерии отбора языкового и речевого материала при составлении олимпиадных заданий по японскому языку / Е.Г. Тарева, В.А. Федянина, М. Н. Мизгулина // Иностранные языки в школе. — 2020. — № 10. — С. 85-91. — EDN MQLPTH.
4. Тарева, Е.Г. Эволюция лингводидактики: от классического к постнеклассическому измерению / Е. Г. Тарева // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : Материалы Второй научно-практической конференции, Москва, 24–25 апреля 2015 года / Редакционная коллегия: Е. Б. Ястребова, Е. А. Лукьянченко, Ответственный редактор Д. А. Крячков. Том 2. — Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2015. — С. 239-244. — EDN VGMOYH.
5. Тарева, Е.Г. Языковое образование: векторы трансформации / Е. Г. Тарева // Иностранные языки в школе. — 2022. — № 10. — С. 5-10. — EDN QHQJJP.
6. Савинская, А.В. Критерии оценивания продуктивных видов речевой деятельности (на примере олимпиады по японскому языку, проводимой в рамках олимпиады "Учитель школы будущего") / А. В. Савинская // Иностранные языки в школе. — 2021. — № 4. — С. 74-82. — EDN UBERTV.

М. В. Мишукова

Концепт «море» в картине мира японцев

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию концепта «море» в японском языке. В процессе исследования были также изучены атрибуты для описания концепта «морья», представленные существительными и прилагательными. Дополнительно были проанализированы относящиеся к концепту пословицы и поговорки. Полученные данные помогают сформировать первичное описание восприятия концепта «море» представителями японской культуры.

Ключевые слова: японский язык, корпус, концепт, природа, море.

M. V. Mishukova

Concept of “sea” in linguistic worldview of Japanese people

Abstract. The paper focuses on the research of perception of sea in Japanese culture. In this research, attributes (expressed via nouns and adjective) for the description of concept of “sea” are examined. Additionally, this study also researches idioms that are related to the concept. The research findings help to form the outline of impressions associated with the word “sea” in linguistic worldview of Japanese people.

Keywords: Japanese language, corpus, concept, nature, sea.

DOI 10.54449/9785907938519_101

Изучение восприятия концептов носителями различных языков позволяет как глубже понять корни ассоциируемой с этим языком культуры, так и изучить ее историческое преобразование. Сформировать первичное представление о состоящей из концеп-

тов картине мира можно, проанализировав естественный язык представителей выбранной культуры, поскольку он является своеобразным «отпечатком» культуры, хотя и может слегка «искривляться» под влиянием регистрации «искаженной» картины мира у определенных личностей, например, писателей [2, 7].

Для анализа восприятия японцами концепта «море» нами были изучены атрибутивные структуры (в японском языке выраженные существительными и прилагательными).

Для изучения атрибутивных структур наиболее продуктивно применять корпусное исследование — один из распространенных на данный момент видов исследований [8], поскольку таким образом можно обратиться к большому массиву накопленных данных о естественном языке. Корпуса представляют собой «обширные коллекции аутентичного письменного или устного языка» [1, 176], следовательно, обращение к лингвистическому корпусу позволяет определить закономерности в языке [3, 210].

Лексической единицей, которая стала основой данного исследования, является существительное 海 *уми* «море». Электронная версия активно используемого носителями словаря японского языка, デジタル大辞泉 *дэдзитару дайдзизэн*, определяет *уми* как:

1. Широкая часть планеты Земля, покрытая соленой водой. Занимает 3/4 Земли, общий объем составляет 1,39 млрд км³.
2. На земле — широкий впалый участок, который занимает вода. Другой способ обозначить озера и болота.
3. Место, содержащее какой-либо объект в больших количествах. Также обозначение его распространения на большой плоскости [9].

Дополнительно, словарь синонимов в современном японском языке Weblio 実用類語辞典 *вэблио дзицугё: руйго: дзитэн* определяет *уми* как «источник жизни» [7].

Изучение атрибутов лексемы также возможно посредством анализа сочетаний других иероглифов с иероглифом 海. Эти сочетания были взяты из словаря 漢字ペディア *кандзипэдиа* — словаря иероглифов, в котором помимо базовой статьи иероглифа представлены наиболее часто встречающиеся сочетания с выбранным иероглифом.

雲海	<i>ункай</i>	«море облаков»
沿海	<i>энкай</i>	«прибрежные воды»
外海	<i>кайгай</i>	«земля, расположенная за пределами окружающих Японию морей»
学海	<i>гаккай</i>	а) «достичь успеха в исследовании, заниматься чем-то без отдыха»; б) «сравнение наук с бескрайним морем»
苦海	<i>кукай</i>	«сравнение жизненных трудностей с бескрайним морем»
公海	<i>ко:кай</i>	«международные воды»
航海	<i>ко:кай</i>	«мореплавание, навигация»
四海	<i>сикай</i>	а) «окружающие Японию моря»; б) «весь мир»
樹海	<i>дзюкай</i>	«бескрайний как море лес»
深海	<i>синкай</i>	«морские глубины»
絶海	<i>дзэкай</i>	«далёкие моря»
大海	<i>тайкай</i>	«океан»
内海	<i>найкай</i>	«внутреннее море, залив»
領海	<i>рё:кай</i>	«территориальные воды»
臨海	<i>ринкай</i>	«морской, прибрежный»

Таблица 1. Слова, содержащие иероглиф 海 [5]

Проанализировав представленные в словаре лексемы, мы можем отметить две закономерности:

1. Не выявлено словосочетаний, в которых иероглиф 海 имеет обозначенное выше второе значение.
2. Море в значении чего-то необъятного, распространенного на большую территорию, используется не только с физическими объектами, как в слове 樹海 *дзюнкай* «бескрайний как море лес», но и с абстрактными представлениями — например, 学海 *гаккай* в значении «сравнение наук с бескрайним морем»

и 苦海 *кукай* «сравнение жизненных трудностей с бескрайним морем».

Примечательно также использование слова *гаккай* в его первом значении. Данное определение пришло из философского произведения «Трактат Фа-янь», написанного в 9 году нашей эры, которое было переведено на японский язык в 1972 году. Более широкое применение *гаккай* нашло в качестве компонента одного из выражений в четыре иероглифа, происхождение которого также относят к переводу данной работы — 百川学海 *хякусэн гаккай* «любой человек сможет достичь успеха в исследовании, если будет упорно продолжать учиться» [4].

Далее перейдем к анализу атрибутивных конструкций данного концепта.

Результаты анализа сочетаемости лексемы *уми* с другими существительными в определительной позиции показывают, что чаще всего с помощью описательных существительных обозначают следующие характеристики:

1. Время, когда наблюдается данное море:
夜の海 *ёру-но уми* «ночное море»;
夏の海 *нацу-но уми* «летнее море».
2. Цвет наблюдаемого моря:
紺碧の海 *компэки-но уми* «лазурное море».
3. Место расположения моря:
南の海 *минами-но уми* «южное море»;
世界の海 *сэкай-но уми* «моря всего мира»;
辺りの海 *атари-но уми* «море рядом (с чем-то)».

Также встречается использование *уми* в третьем значении — как способа обозначить большое количество объекта, стоящего в определительной позиции:

- 血の海 *ти-но уми* «море крови»;
砂の海 *суна-но уми* «море песка».

Дополнительное изучение средств для описания времени наблюдения моря показывает частичное или полное отсутствие лексем 秋 *аки* «осень» и 春 *хару* «весна» при наличии лексем 夏 *нацу* «лето» и 冬 *фую* «зима». Изучение описаний в виде существительных показало незначительное, но использование обозначения осеннего сезона, в то время как обозначение весны во все отсутствует. Предположительно, это показывает то, что для

весеннего периода не слишком актуально посещение моря, в то время как наблюдение за осенним морским пейзажем может восприниматься как прощание с летом.

Далее рассмотрим результаты анализа сочетаемости с прилагательными в позиции определения. Среди сочетаний с *и*-прилагательными в позиции определения встречаются описания морей по таким характеристикам, как:

1. Температура моря:

暖かい海 *атакай уми* «теплое море»;

冷たい海 *цумэтай уми* «холодное море».

2. Цвет моря:

青い海 *аой уми* «синее море»;

暗い海 *курай уми* «темное море»;

黒い海 *курой уми* «черное море».

3. А также другие характеристики (ширина, глубина):

広い海 *хирой уми* «широкое море»;

深い海 *фукай уми* «глубокое море».

4. Личная оценка говорящего (субъективная оценка):

美しい海 *уцукусий уми* «красивое море»;

近い海 *тикай уми* «близкое море».

Изучение лексем для описания цвета моря привело к удивительному открытию: вторым по частотности в данной категории стала лексема, описывающая оттенок цвета моря 暗い海 *курай уми* «темное море». Судя по примерам употребления данного словосочетания, это описание представляет море как нечто пугающее, нагоняющее страх.

Хотелось бы также привести не попавшие в выборку несколько показательных описаний, которые позволяют понять, какие еще прилагательные используются в японской культуре в качестве личной оценки: 素晴らしい *субарасий* «прекрасный» как синоним представленному выше «красивый», а также 激しい *хагэсый* «тяжелый, свирепый», 恐ろしい *осоросый* «страшный» и 楽しい *таносый* «веселый».

Контрастируя с результатами анализа сочетаний с *и*-прилагательными, примеры с *на*-прилагательными демонстрируют множество прилагательных личной оценки, среди которых преобладают положительные описания.

きれいな海 *кирэй-на уми* «красивое море»;

豊かな海 *ютака-на уми* «богатое море».

Хотелось бы также отметить, что в *на-прилагательных* впервые появляется описание моря в редком его значении, которое упоминалось в словаре Веблио — «источник жизни». Прилагательное 豊か *ютака* «богатый» в данном случае показывает, что море богато ресурсами, которые помогают человечеству жить и процветать.

При изучении данного концепта мы также обратились к пословицам и поговоркам, содержащим лексему *уми*, поскольку данные предложения также могут использоваться для характеристики моря в японском языке. Для проведения исследования мы обратились к словарю пословиц и поговорок японского языка — *ことわざ辞典Online* *котавадза дзитэн онлайн*.

В результате анализа часто употребляемых пословиц и поговорок можно отметить, что море фигурирует в выражениях о:

а) бедах и проблемах:

貝殻で海を測る *кайгара-дэ уми-о хакару* «обсуждать серьёзную проблему, основываясь на своих поверхностных знаниях» (дословно: «измерять море ракушками»);

櫓櫓の立たぬ海もなし *рокай-но татану уми-мо наси* «можно решить даже самую сложную проблему, если постараться» (дословно: «нет моря, в которое не войдут весла»);

б) больших изменениях:

雀海中に入って蛤となる *судзумэ кайтю:-ни иттэ хама-кури-то нару* «резкие, большие изменения» (дословно: «воробей, зайдя в море, стал моллюском»);

в) людях и их жизни:

海の事は漁師に問え *уми-но кото-ва рё:си-ни тоэ* «по определённым темам лучше всего обращаться к профессионалам» (дословно: «с вопросом о море обращай к рыбаку»);

大海は塵を扱はず *тайкай-ва акута-о эрабадзу* «великодушный человек готов принять любого человека таким, какой он есть» (дословно: «большое море не отбирает пылинки»);

車は海へ舟は山へ *курума-ва уми-э фунэ-ва яма-э* «в жизни бывает всякое» (дословно: «повозка — в море, корабль — в горы»).

Использование концепта «морья» со смысловой точки зрения в пословицах и поговорках можно характеризовать следующим образом:

1. В пословицах и поговорках море предстает объектом с различными характеристиками:
 - а) большой, широкий, необъятный объект:
井の中の蛙大海を知らず *и-но нака-но кавадзу тайкай-о сирадзу* «быть ограниченным в познаниях, не знать много чего о мире» где «море» выступает «большим миром»;
 - б) объект с большой глубиной:
父母の恩は山よりも高く海よりも深し *фубо-но он-ва яма-ёри-мо такаку уми-ёри-мо фукаси* «долг родителям выше гор и глубже морей».
2. Иногда море используется в значении источника пропитания для людей:
飢饉は海から *кикин-ва уми-кара* «голодовка начинается с (отсутствии улова из) моря»).
3. В отдельных выражениях «море» предстает разрушителем человеческой жизни:
海中より盃中に溺死する者多し *кайтю:-ёри хайтю:-ни дэки-си-суру моно о:си* «тонущих в алкоголе больше, чем в море».
4. В выражениях с использованием противопоставления противоположностью моря являются горы (например, в представленных выше выражениях «в жизни бывает всякое» и «долг родителям выше гор и глубже морей»). Однако встречается одно выражение, содержащее и другое сравнение — 滄海變じて桑田となる *со:кай хэндзитэ со:дэн-то нару* «изменения в мире непредсказуемы и беспощадны» (дословно: «синее море меняется и становится тутовым полем»). В данном выражении объектом, противоположным морю, выступают поля.

Подводя итоги, мы можем сказать, что анализ атрибутов показал следующие результаты:

1. Общие характеристики, присущие морю в японском языке — большой, даже необъятный размер, большая глубина. В пословицах и поговорках лексема «море» также выражает объем, размер описываемого явления, но отдельные выражения подтверждают и значение «источника жизни, пропитания».

Это позволяет использовать море как описательное средство или объект, с которым проводят сравнение.

2. Стандартом для моря также является синий цвет. Другие цвета (например, более темные оттенки) воспринимаются как отклонение от нормы.
3. Частые описания в характеристиках — уточнение места или времени наблюдения за морем. При этом в сезонах преобладают зима и лето, в меньшей степени наблюдается осень и совершенно отсутствует весна.
4. Описание характера зависит от ситуации — часть примеров показывает море спокойным, успокаивающим, умиротворяющим, другая часть говорит о его буйном характере и способности приносить внезапные изменения.
5. Личная, субъективная оценка моря варьируется. Часто фигурируют лексические средства для описания красоты моря с положительной коннотацией, в то время как его характер (опасность, спокойствие и т.д.) связан с личным восприятием говорящего.
6. Противопоставлением морю являются горы — как объект, который, в противоположность морю, находится выше уровня земли.

В дальнейшем мы видим возможным продолжить работу над изучением концепта *уми* посредством изучения глагольных и ономатопоэтических единиц в японском языке, что может привести к необходимости внести небольшие коррективы в результаты данного исследования.

Литература

1. Нургалиев, И. Р. Возможности использования лингвистического корпуса в обучении иностранному языку на начальном этапе / И. Р. Нургалиев, М. Г. Евдокимова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. — 2022. — № 1(58). — С. 176-183. — DOI 10.26456/vtspyped/2022.1.176. — EDN EKJFBG.
2. Основы концептного анализа художественного произведения : Учебное пособие для студентов магистратуры, об-

- учающихся по направлению подготовки "Лингвистика" / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Диона», 2019. — 130 с. — ISBN 978-5-6043411-7-9. — EDN UIBOTX.
3. Петрова, И. М. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях : Учебное пособие для обучающихся по направлению «Лингвистика» / И. М. Петрова, А. М. Иванова, В. В. Никитина ; Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира», 2022. — 259 с. — ISBN 978-5-6048046-8-1. — EDN LDOROG.
 4. Словарь выражений из четырёх иероглифов 四字熟語辞典 オンライン ёдзидзюкуго дзитэн онлайн: сайт. — URL: <https://yoji.jitenon.jp/> (Дата обращения: 23.09.2024).
 5. Словарь иероглифов 漢字ペディア кандзипэдия, статья *уми* «море». [Электронный ресурс] URL: <https://www.kanjipedia.jp/kanji/0000784700> (Дата обращения: 11.10.2024).
 6. Словарь пословиц и поговорок ことわざ辞典 Online *котовадза дзитэн онлайн*: сайт. — URL: <https://kotowaza.jitenon.jp/> (Дата обращения: 23.09.2024).
 7. Словарь синонимов современного японского языка Weblio 実用類語辞典 *вэблио дзицуюэ: руйго: дзитэн*, статья *уми* «море». [Электронный ресурс] URL: <https://thesaurus.weblio.jp/content/%E6%B5%B7> (Дата обращения: 11.10.2024).
 8. Сулейманова, О. А. Методика лингвистического исследования как актуальный раздел современной научной публикации / О. А. Сулейманова, А. Б. Гулиянц // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2022. — № 4 (48). — С. 88–101. — DOI 10.25688/2076-913X.2022.48.4.07. — EDN HNKBD5.
 9. Электронная библиотека словарей Котобанку «Банк слов», статья *уми* «море». [Электронный ресурс] URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%B5%B7-441456#w-441456> (Дата обращения: 11.10.2024).
 10. NINJAL-LWP for BCCWJ: сайт. — URL: <https://nlb.ninjal.ac.jp/search/> (Дата обращения: 11.10.2024).

Л. Т. Нечаева

**Японские пословицы, включающие
два числительных «1» и «2»**

Аннотация. В данной статье разбираются пословицы японского языка, в которых встречаются два числительных — $1 + 1$, $1 + 2$ и $2 + 1$.

Ключевые слова: пословица, числительное, значение

L. T. Nechaeva

Japanese proverbs that include two numerals “1” and “2”

Abstract. This article examines the proverbs of the Japanese language, in which two numerals occur – $1+1$, $1+2$ and $2+1$

Key words: proverb, the numeral, meaning

DOI 10.54449/9785907938519_110

В Российском японоведении есть несколько статей, посвящённых употреблению числительных в пословицах (1, 2). Наша задача — выяснить какие именно **пары** числительных встречаются в пословицах и какое значение они передают.

Больше всего пословиц с парой числительных $1 + x$.

Разберём подробнее значения пословиц с парой числительных $1 + 1$, $1 + 2$ и $2 + 1$.

Пословицы и их перевод приводятся по книге Л.Ю. Хронопуло «Японские пословицы и поговорки и их русские аналоги». (3)

1+1

1. В одной ситуации возникает одна проблема

一物あれば一壘を添う *итибуцу арэба итируй-о соу* Одна вещь — одна проблема

一期一会 *итиго итиэ* Одна жизнь — одна встреча. В жизни бывает одна встреча

一国一城の主 *иккоку итидзё:-но сю* Единственный хозяин
犬に一代に狸一匹 *ину-ни итидай-ни тануки иппики* Редкий шанс (собака поймала барсука)

一日の苦勞は一日に足れる *итидзицу-но куро: ва цуита-ти-ни тарэру* Новый день, новые заботы

一日一善 *итинити итидзэн* В день по одному хорошему поступку

一世一代 *иссэй итидай* Раз в жизни

2. Время происходящего события

聞くは一時の恥, 聞かぬは一生の恥 *кику ва итидзи-но хад-зи, кикану ва иссё:-но хадзи* Спросить — стыд на 1 час, не спросить — стыд на всю жизнь

一朝一夕 *иттё: иссэки* 1-2 дня, быстро

3. Противопоставление двух явлений

一利一害は世の常だ *итири итигай ва ё-но цунэ да* Есть хорошее, есть и плохое

一利あれば一害あり *итири арэба итигай ари* Где добро, там и зло (Палка о двух концах)

一徳一失 *иттоку иссицу* Есть и прибыль, есть и убытки

一張一弛 *иттё: исси* Напряжение и расслабление

一長一短 *иттё: иттан* Достоинства и недостатки

一進一退 *иссин иттай* То хорошо, то плохо. Шаг вперёд, шаг назад.

花一時、人一盛り *Хана итидзи, хито хито сакари* Цветы на краткий час, человек — на недолгий расцвет

人の一寸、我が一尺 *хито-но иссун вага иссяку* В чужих глазах точку заметишь, в

4. Последовательность действий

一挙一動 *иккё итидо:* Постепенное движение

一挙手一投足 *иккёсю итто:соку* Постепенные действия

5. Соотношение действия и времени, на него затраченного

一日の苦勞は一日に足れり *итинити-но куро: ва итинити-ни тарэри* Достаточно трудов на один день

上り一日、下り一時 *агари итинити, сагари итидзи* Подниматься — день, спускаться — час

6. Причинно-следственная связь
一樹の陰一河の流れも他生の縁 *Итики-но кагэ итига-но нагарэ мо тасё:-но эн* Всё происходящее в настоящее время имеет корни в прошлом
7. Промежуток времени
一朝一夕 *иттё: иссэки* 1-2 дня, быстро, в мгновение ока
花一時、人一盛 *хана итидзи хито ити сакари* У цветов 1 час цветения, у человека очень короткий срок
8. Вершина деятельности
一斉一代 *итидзэй итидай* то, что можно сделать раз в жизни

1 + 2

1. Последовательность
 - а) действий
一工面、二働き *ити кумэн, ни хатараки* Сначала идея, потом работа
一と言うたら二と悟れ *ити то иу тара ни то катарэ* Сказал 1, говори 2
一よければまた二つ *ити ёкэрэба мата футацу* Если один раз хорошо, то и ещё раз
一看病、二に薬 *ити камбё:, ни кусури* Сначала уход за больным, потом лекарства
一工面、二働き *ити кумэн, ни хатараки* Сначала план, потом действие
 - б) событий
一姫二太郎 *ити химэ ни таро:* Сначала девочка, потом Таро (мальчик)
一度あることは事は二度ある *итидо ару кото ва нидо ару* Беда не приходит одна
一度はままよ二度はよし *итидо ва мама ё нидо ва ёси*
Один раз хорошо, и второй раз успешно
2. Двойной результат
一石二鳥 *иссэки нитё:* Одним действием получить двойную выгоду, убить двух зайцев одним ударом
一挙両得 *иккё рё:току* одним действием получить двойную выгоду

朝の一時は晩の二時に当たる *аса-но итидзи ва бан-но нидзи-ни атару* Утром 1 час соотносится с 2-мя часами вечером

3. Повторение

一度あることは事は二度ある *итидо ару кото ва нидо ару*
То, что бывает 1 раз, бывает и во 2- раз.

一度はままよ二度はよし *итидо ва мама ё нидо ва ёси* Один раз хорошо, и второй раз хорошо.

一よければまた二つ *ити ёкэрэба мата футацу* Если один раз было хорошо, то и второй раз будет хорошо.

一応も二応も *ити о: мо ни о: мо* Повторять действие до результата

4. Важность

一にも二にも *ити-ни мо ни-ни мо* Это самое важное

一にも二にもなく *ити-ни мо ни-ни мо наку* Соглашаться без разговоров

一人の古い友二人の新しい友に勝る *хитори-но фуруй томо футари-но атарасий томо-ни масару* Старый друг лучше новых двух

5. Неповторимость

唯一無二 *юи ицу му ни* Единственный, неповторимый.

一度焼けた山は二度は焼けぬ *итидо якэта яма ва нидо ва якэну* Один раз сгоревшая гора, второй раз не горит.

一度死ねば二度死なぬ *итидо синэба нидо синану* Если один раз умер, то 2-й раз не умрёшь.

一も取らず二も取らず *ити мо торадзу ни мо торадзу*
Одновременно 2 вещи не возьмёшь.

6. Противопоставление

一人口は食えぬが二人口は食える *хитори гутти ва куэну га футари гутти ва куэру* Одному невозможно накормиться, а вдвоём можно.

一人の古い友二人の新しい友に勝る *хитори-но фуруй томо футари-но атарасий томо-ни масару* Старый друг лучше новых двух.

一を知りて二を知らず *ицу-о сиритэ ни-о сирадзу* Одно знаешь, а что за ним — не знаешь

7. Невозможность

一升徳利に二升は入らぬ *иссё: доккури-ни нисё: ва ирану*
В посуду ёмкостью 1.8 л не войдёт 3.6 л. Выше головы не прыгнешь

2 + 1

Выбор

1. 者択一 *нися такуицу* Выбор одного из двух
2. 二射選一 *нися сэнъицу* Выбор одного из двух
3. 二兎を追う者は一兎をも得ず *нито-о оу моно ва итто-о мо эдзу* За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь

Время, определяющее начало действия

1. 一日の計は朝にあり *итинити-но кэй ва аса-ни ари* Утро — ключ ко всему дню
2. 一年の計は元旦にあり *итинэн-но кэй ва гантан-ни ари* 1 января — ключ ко всему году

Литература

1. Кутафьева Н.В. Числительные в устойчивых выражениях японского языка. Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2013. Вып.1. (18-27)
2. Гуревич Т.М. Человек в лингвокультурологическом пространстве. МГИМО (У) МИД, 2005
3. Хронопуло Л.Ю. Японские пословицы и поговорки и их русские аналоги. КАРО. 2024

Н. В. Раздорская

Концепт дистанцирования в японском социуме

Аннотация. В статье рассматривается влияние физического и эмоционально-психологического дистанцирования, обусловленного размерами личного пространства, на процесс формирования коммуникативной интенции японцев. С изменением экономической ситуации в Японии возникают новые условия для трудовой деятельности иностранцев, предусматривающей их более тесные контакты с японцами во многих социально-экономических сферах. Учет представителями иной культуры особенностей коммуникации в японском социуме способствует созданию положительной атмосферы и установлению результативных отношений с японцами.

Ключевые слова: внутреннее пространство японца, национальная психология, межкультурная коммуникация, эмоционально-психологическое дистанцирование.

N. V. Razdorskaya

The concept of distancing in Japanese society

Abstract. The article examines the influence of physical and emotional-psychological distancing, caused by the size of personal space, on the process of forming the communicative intention of the Japanese. With the change in the economic situation, new conditions for foreigners to work in Japan arise, involving closer contacts, providing for their closer contacts with the Japanese in many socio-economic spheres. Taking into consideration the peculiarities of communication in Japanese society by representatives of other cultures would help to create a positive atmosphere and establish effective relations with the Japanese.

Key words: inner space of the Japanese, national psychology, intercultural communication, emotional and psychological distancing.

DOI 10.54449/9785907938519_115

В условиях прогрессирующего старения населения нехватка рабочей силы в Японии делает необходимым использование квалифицированных специалистов из зарубежных стран, в целях привлечения которых в апреле 2019 г. в Японии был учрежден новый статус резидента «Specified Skilled Worker (SSW)». Новый статус позволяет иностранцам осуществлять трудовую деятельность в течение длительного срока, что предусматривает более тесную коммуникацию с японцами. Для их успешной адаптации к новым жизненным условиям и в Японии, и за рубежом создаются многочисленные курсы по обучению японскому языку, знакомящие с культурными традициями и обычаями страны. «Важным моментом является цель получения информации о японском обществе» [4, с.200] и учёта «особенностей психологии коммуникативного этикета японцев для создания гармоничных отношений в смешанных коллективах и предотвращения антипатии к иностранцам» [3, с.173]. Именно поэтому для представителей иных культур, оказавшихся не «снаружи», а «внутри» японского социума становится актуальным знакомство с системой его морально-этических ценностей. Одним из важных концептов этой системы является «ощущение дистанции» [3, с.173], регулирующее отношения на основе приоритета внутреннего личного пространства, существующего в виде «невидимой пространственной сферы» [1]. Идея влияния на коммуникацию личного пространства принадлежит американскому антропологу Эдварду Т. Холлу, которого называют «великим дедушкой нейролингвистического программирования» [1]. Анализируя проблемы невербальной коммуникации представителей различных культур, Холл впервые ввел в употребление термин «культурная коммуникация» при обучении американских дипломатов и технических специалистов в созданном госдепартаментом США Институте дипломатической службы FSI (Foreign Service Institute) адаптации к работе в иной культурной среде.

Привлечение к процессу обучения не только лингвистов, но и антропологов и психологов была обусловлена необходимостью повышения уровня компетенций сотрудников, работающих за рубежом после 2 Мировой войны. Так, по мнению специалистов, «американские дипломаты редко изучали язык и культуру стран,

в которых были аккредитованы: только 115 из 3076 дипломатических работников владели японским или китайским языками» [13, с.8], в то время как 90% российских (советских) представителей, включая официальных лиц, водителей и секретарей, владели языком страны пребывания [Там же]. Межкультурная коммуникация стала новым полем для исследований, результаты которых повысили эффективность деловых контактов.

Концепция Холла о 4 пространственных сферах личного пространства (パーソナルスペース), отражающих безопасный диапазон эмоционального комфорта (心の安全範囲), меняющегося от человека к человеку, нашла последователей среди японских ученых, став предметом изучения в таких крупных университетах Японии как Васэда, Дзё:ти, Кэйё [6][8]. Ряд идей получил своё практическое применение в сферах экономики и бизнеса и в настоящее время предлагается рядом сайтов широкому кругу пользователей в виде рекомендаций по установлению эффективной кросс-культурной коммуникации в работающих коллективах с участием иностранцев и на личном уровне общения.

Эти рекомендации основаны на положении о том, что внутренний мир каждого японца 心の中の範囲 защищен многослойным личным пространством, каждой сфере которого соответствует контактная дистанция, отражающая степень близости коммуникантов и их обоюдного доверия. Формируется такое пространство прежде всего под влиянием национально-культурных особенностей и национальной психологии. У каждого человека также существует разный диапазон психической безопасности и личного пространства, зависящий от гендерных и возрастных различий, уровня образования человека, сформировавшегося в своей культурно-бытовой среде [11]. Определение физического расстояния для вступления в коммуникацию расценивается японцами как первый шаг на пути к дальнейшему развитию отношений, впоследствии балансируемых на эмоционально-психологическом уровне. «Японцы... испокон веков хранили тесные, доверительные отношения, и в то же время почти не имели возможности общаться с носителями других культур, чуть ли не генетически выработали привычку понимать человека путем длительного наблюдения за ним. Причем привыкли делать это не

столько опираясь на слова и действия в данное время, при данных обстоятельствах, сколько доверяясь качествам человека, проявляющемуся в его повседневном поведении [5, с.196]. Возникшая под влиянием культурной изоляции «интровертность» нынешних японцев» [5, с.66; с.77] проявляется в наличии широкого внутреннего пространства.

Так, в общественном месте при скоплении незнакомых людей и во время выступления перед большим числом собравшихся общепринятой считается зона контактного взаимодействия 公衆距離 расстоянием свыше 3,5 м. Со старшими по возрасту и малознакомыми людьми устанавливается так называемая «социальная зона» 社会距離 расстоянием от 1,2 м до 3,5 м. Именно такое расстояние устанавливается во время переговоров делегаций и деловыми встречами. Эта дистанция, при которой затруднён переход к личной тематике, не предусматривает неофициальный контакт, но в то же время позволяет уловить выражение лица и реакцию оппонента, достаточных для того, чтобы «прочувствовать» время для деликатного сближения. Развивая такую чувствительность, японцы могут улавливать мельчайшие намеки и изменения в поведении собеседника, поэтому социальная дистанция в деловом мире считается оптимальной. С друзьями и близкими людьми японцы придерживаются индивидуального расстояния 個人距離 от 0,45м до 1,2м, причем с родственниками и возлюбленными эта особая сфера может составлять и менее 0,45м. Считается, что соблюдение физического расстояния, соответствующего ситуации и уровню отношений между участниками, свидетельствует о серьезности намерений и является проявлением интенции к созданию доверительных отношений [9]. В случае контакта с приятелями, знакомство с которыми непродолжительно, или общения с друзьями в официальной обстановке наиболее подходящим считается выбор расстояния в 75-120 см. В этом диапазоне, читая чувства и реакции другой стороны и сохраняя соответствующие манеры, можно выстроить отношения, избегая как излишней отстраненности, так и чрезмерного сближения [10].

По тому, на каком расстоянии ведется беседа, можно визуально определить уровень отношений коммуникантов. Если межличностное расстояние слишком велико, отношения, как

правило, официальные, а на близком расстоянии общаются только хорошо знакомые люди. При излишнем сближении с малознакомыми людьми японцы чувствуют себя некомфортно и стесненно, и это может вызвать с их стороны непонимание и скрытый негатив. Выбор надлежащей дистанции демонстрирует умение соблюдать баланс общения и найти основу для его дальнейшего развития. Поддерживая оптимальное дистанцирование, японцы визуально определяют размер личного пространства другого человека и возможный способ сближения с ним. Относя Японию к категории высококонтекстуализированных стран, где «системы коммуникаций управляются невысказанными, скрытыми правилами, необходимыми для успешного межличностного общения» [1], Э. Холл отмечал, что для их представителей, «характеризуемых тесными коллективными связями, для общения не требуется подробной информации, им присуща скрытая манера речи, её оформление, наличие интонационных пауз, невербальных символов, большое внимание уделяется зрительному контакту, уклонение от конфликтов, отсутствие прямой демонстрации недовольства» [1]. Наблюдая за выражением лица человека, его движениями, по тону произносимых фраз японцы определяют подходящее время и оптимальное расстояние для вступления в контакт. На результативность коммуникации оказывает непосредственное влияние объём внутреннего личного пространства. Чем оно шире (パーソナルスペースが広い), тем сильнее нежелание вступать в контакт с окружающими и ощущение дистанцирования (他人との距離感が遠い). И наоборот, люди с небольшим личным пространством (パーソナルスペースが狭い) легче идут на контакт и дальнейшее сближение (他人との距離感が近い). В зависимости от того, как складываются отношения, расстояние личного пространства тоже может меняться: по мере роста доверия к собеседнику оно будет сужаться, активизируя коммуникабельность [11]. Между общающимися устанавливается невидимая внутренняя дистанция, ставшая объектом дополнительного изучения со стороны консультантов по межличностным отношениям, которые проводят специальные опросы сотрудников японских фирм и анализируют их [7]. Для формирования сбалансированного эмоци-

онально-психологического чувства дистанцирования 距離感 с окружающими рекомендуется:

- не проводить много времени с одним и тем же человеком, уважая его личное пространство;
- воздерживаться от немотивированного сообщения подробной информации личного характера;
- избегать разговоров, требующих выражения сочувствия;
- распределять свою социальную активность на большее количество сфер и контактировать с разными людьми [3, с.173-174].

Таким образом, коммуникация в японском обществе представляет собой процесс, успешность которого обусловлена объемом личного внутреннего пространства, проявляющемся в установлении физической дистанции, влияющим на формирование эмоционально-психологического чувства дистанцирования с партнером. Для успешных контактов представителям иных культур помимо владения японским языком следует учитывать важные для японцев принципы межличностного дистанцирования:

- уважать личное пространство другого человека, при общении придерживаться установленных правил дистанцирования;
- не стремиться к немедленному сближению при первых же контактах: отношения, основанные на поэтапном построении доверия, естественным образом сократят эмоционально-психологическую дистанцию с японцем;
- уважительно относиться к интимному пространству: избегать (особенно с малознакомыми людьми) физических прикосновений — распространённых в Европе объятий, похлопываний по плечу, поцелуев в щёку, иногда и рукопожатий, ограничиваясь поклоном;
- не досаждать постоянным присутствием и не навязывать немотивированных суждений;
- научиться «считывать» по физическому расстоянию и поведению степень доверия со стороны собеседника;
- избегать просьб даже к друзьям о личном сочувствии или финансовой поддержке.

Ощущение дистанцирования как на физическом, так и эмоционально-психологическом уровнях поэтапно формирует сба-

лансированность межличностных отношений японцев. «Чтобы найти с собеседником общий язык, нужно уметь верно реагировать. Когда мы подстраиваемся друг под друга, между нами возникает связь, и именно тогда начинается содержательный разговор» [2, с.15]. Понимание представителями иной культуры эмоционально-психологической специфики общения, существующей в японском обществе, во многом способствует созданию позитивной атмосферы при совместной деятельности и результативности кросскультурных контактов.

Литература

1. Ван Дер Хорст Брайан. Эдвард Холл — великий дедушка НЛП (нейролингвистического программирования) [Электронный ресурс] — URL: <https://trenings.ru/materialy/stati/756-statya-edvard-kholl-velikij-dedushka-nlp.html> (дата обращения 24.12.2024)
2. Дахигг, Чарлз. Виртуозы общения: секрет успешного взаимодействия с людьми / Ч.Дахигг. Москва: Издательство «АСТ», 2024. 320 с.
3. Раздорская Н.В. Эмоционально-психологический аспект кросс-культурной коммуникации с японцами//Филологические науки в МГИМО. Т.10, №2 / Н.В.Раздорская. М. 2024, С.166-181.
4. Румак Н.Г. Как знакомить учащихся с японской культурой// Японский язык в вузе: Актуальные проблемы преподавания. (Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе». Выпуск 17/ Н.Г.Румак. М.: издательство «Клюс-С», 2018, С.199-201.
5. Сакаия, Таити. Что такое Япония?/ Т.Сакаия. М: Партнер Ко.ЛТД, 1992, 334с.
6. 小澤, 典子 「感情表出における生得性と文化的要因」 Одава, Норико Национальные особенности и культурные факторы в выражении эмоций.[Электронный ресурс]—URL:https://waseda.repo.nii.ac.jp/record/22136/files/NingenKagakuKenkyu_23_1_Ozawa.pdf (Дата обращения 24.12.2024)

7. 沖本るり子 「相手が気持ちよく動いてくれる共感を得やすい話し方」Окимото, Рурико. Манера разговора, позволяющая собеседнику чувствовать комфортно и легко создающая чувство взаимопонимания.[Электронный ресурс]- URL: https://www.lifehacker.jp/article/empathy_communication/(Дата обращения 11.03.2024).
8. 鎗木晶夫著「パーソナル・スペースの基礎的研究」 Судзукки, Масао. Базовые исследования внутреннего пространства [Электронный ресурс] — URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/144453314.pdf> (Дата обращения 24.12.2024)
9. Сайт журнала [Электронный ресурс] — URL: <https://kinarino.jp/cat6-ライフスタイル/40163-人との距離感ってどのくらい？> (Дата обращения 11.03.2024)
10. Сайт информационного бизнес-журнала [Электронный ресурс] — URL: <https://hrmos.co/trend/talent-management/10933/> (Дата обращения 06.11.2024)
11. Сайт информационного журнала по цифровому маркетингу и СМИ [Электронный ресурс] — URL: <https://lifrell.co.jp/marriage/personal-space/> (Дата обращения 29.10.2024)
12. E-T-Hall _ _ The_Silent_Language_1959_pdf URL: <https://www.pdfdrive.to/dl/the-silent-language-0> (Дата обращения 24.12.2024)
13. Rogers, Everett M. Hart, William B., Miike, Yoshitaka (三池 賢孝). Edward T. Hall and the history of intercultural communication: the United States and Japan// Keio communication review. No.24/ Tokyo: Institute for Communications Research, Keio University, 2002. P.3-26. URL: http://koara.lib.keio.ac.jp/xoonips/modules/xoonips/detail.php?koara_id=AA00266091-20020300-0003 (Дата обращения 24.12.2024).

Н. Г. Румак

О навыке владения русским языком и умении грамотно излагать свои мысли

*Исследование выполнено в рамках государственного задания
МГУ имени М.В.Ломоносова «Теория и практика преподава-
ния иностранных языков», номер ЦИТИС 122041400073-2*

Аннотация. Как в переводческой деятельности, так и при написании научных работ необходимо большое внимание уделять владению русским языком. В статье систематизируются и описываются некоторые виды наиболее часто встречающихся в студенческих научных работах ошибок и предлагаются возможные способы их предотвращения и исправления.

Ключевые слова: русский язык, грамотность, ошибки

N. G. Rumak

On Russian language usage skills and grammatically correct Russian language writing

*The study was conducted under the state assignment of Lomonosov
Moscow State University № 122041400073-2*

Abstract. Both in translating and in creating scientific works it is necessary to pay great attention to Russian language writing competence. The article classifies and describes some of the most frequent mistakes in students' scientific works and suggests ways of avoiding or correcting them.

Key words: Russian language, literacy, mistakes

DOI 10.54449/9785907938519_123

В процессе руководства курсовыми и дипломными (выпускными квалификационными) работами часто приходится сталкиваться не столько с проблемами содержательного характера, сколько с ошибками в русском языке, связанными с невнимательностью и низкой грамотностью студентов. Мы рассматриваем выработку навыков грамотной письменной речи студентов как одну из методических задач — в том числе в японоведении.

Ошибки учащихся можно разбить на следующие категории: орфографические, пунктуационные, лексические, грамматические и стилистические.

1. К орфографическим ошибкам мы относим опечатки, ошибки в написании словарных слов, в слитном и раздельном написании союзов, частиц и т.п., в выборе строчной или прописной буквы, а также в транскрипции.

Опечатки, очевидно, вызваны спешкой, неаккуратностью и невнимательностью. Рекомендуются требовать от учащихся самопроверки для того, чтобы избежать таких элементарных ошибок, как, например, пропуск или перестановка букв: «*обслужвание*», «*челвоек*», «*язык*».

Написание словарных слов (например, *теори/етический*, *й/иена*), слитное и раздельное написание (особенно в сложных случаях, когда возможны оба варианта, например, *в слух* и *вслух*, *в виду* и *ввиду*), использование строчной или прописной буквы (*Я/японский язык*, *К/кэйго*, *С/страна восходящего солнца*) проверяются в словарях. Например, можно воспользоваться порталом gramota.ru, где есть орфографические справочники и словари [1], а также существует возможность задать вопрос службе русского языка — научным сотрудникам Института русского языка РАН и других организаций [2].

Ошибки в транскрипции — как в латинизированной, так и в кириллической — к сожалению, тоже часто встречаются в работах японистов. Возможно, сказывается недостаток тренировки данного навыка, мало внимания, которое уделяется правилам транскрибирования из-за логичности *ромадзи* и *киридзи* и кажущейся простоты употребления.

Так, в записи латиницей часто встречается смешивание транскрипций хэпбёрновской, преимущественно фонетической,

и *нихон-сики*, преимущественно фонематической. Отсюда — неверное употребление в одном тексте (а иногда и в одном слове) вариантов *chiho:/tiho:*, *jari/zyari*, *mitsubishi/mitubisi*, *chijimu/tidimu*, что не только влияет на качество академического письма, но может привести и в ошибках при наборе японского текста (так, в последней паре фонетическая запись приводит к бессмысленному варианту 知ジム, делая невозможным правильный подбор иероглифического варианта 縮む).

Ошибки при использовании практической транскрипции Е. Д. Поливанова, как правило, связаны не столько с игнорированием (или незнанием) правил транскрибирования, сколько с попытками транскрибировать японские слова через их латинизированную запись. В таком случае возникают суши вместо *суси* (от *sushi*), *гоця-гоця* и *учи* вместо *готяготя* и *ути* (от *gochagocha*, *uchi*), *за:за:* вместо *дза:дза:* (от *za:za:*) и даже *потсупотсу* вместо *поцупоцу* (от *potsupotsu*). Кроме того, встречается неправильное употребление *н/м* в случаях ассимиляции назального Н в губной М перед губными согласными, а также ошибки в написании дефиса при падежных показателях и частицах (*тихо:-но*, *но тихо: ва*).

2. Среди пунктуационных ошибок наиболее частотны лишние запятые при вводных словах (*однако*, *при этом*, *сперва*), отсутствие запятых при причастных и деепричастных оборотах (особенно запятых, закрывающих оборот: *названия, не подходящие ...*, *слов, обозначающих ...*, *говоря об этом ...*), ошибки в оформлении оборота «*такой, как...*» и «*..., такой как*» при определённых условиях. Также сложность представляют кавычки (например, «*страна восходящего солнца*» и *Страна восходящего солнца*).

Ещё чаще встречаются ошибки при оформлении списков. Учащиеся имеют тенденцию забывать (или не понимают), что список представляет собой определённым образом свёрнутое предложение, поэтому расстановка знаков препинания в нём большей частью подчиняется правилам расстановки знаков препинания в распространённом предложении с однородными членами, хотя существуют и некоторые особенности.

Так, при переходе внутри списка от одного уровня к другому часто употребляется двоеточие, после которого, при употребле-

нии арабских цифр с точками, ставятся прописные буквы, а при употреблении арабских цифр со скобками (без точек) — строчные. В конце каждого пункта списка могут ставиться запятые, точки с запятой или точки, в зависимости от вида списка. Более подробную информацию можно найти в справочных материалах, например, на специализированном портале Infogra [10].

3. Среди лексических ошибок чаще всего встречаются либо ошибки в значениях слов, особенно паронимов (например, *по-смотрим/просмотрим, окрас/окраска*), либо ошибки в сочетаемости лексем (например, *оценка к самому себе, выявим определение* и т.п.).

В первом случае рекомендуется прибегать к помощи толковых словарей, уточняя значения лексем, которые вызывают сомнения. В частности, «Большой толковый словарь русского языка» на портале gramota.ru указывает на «специальное» употребление лексемы «окрас», замечая, что оно относится к цвету, окраске шерсти животного, оперения птиц и т.п. [3]. В то же время значение слова «окраска» более широкое, оно включает в себя и специальное значение слова «окрас» [4].

Сочетаемость лексем можно проверить как по специальным словарям и справочникам (например, [7]), так и в Национальном корпусе русского языка [5].

Например, «Практический справочник по русскому языку» Д. Э. Розенталя для лексемы «оценка» даёт управление *кого-чего/кому-чему*, т.е. правильным является сочетание «оценка самого себя» [7, с. 168], а лексико-грамматический поиск в НКРЯ по слову «определение» со стоящим впереди переходным глаголом 1-го лица множественного числа предлагает варианты *«приведём, вспомним, получаем, дадим, рассмотрим, найдём, предлагаем»*, но не *«выявим»* [6].

4. Среди грамматических ошибок первенство занимают несогласованные деепричастные обороты, например, *«опираясь на сведения из этимологических словарей, эти два слова являются однокоренными»*, *«беря во внимание русский и японский языки, названия сформированы»*, *«применяя этот принцип, некоторые названия используются»*, *«переходя к русскому языку, можно заметить»*. Случаев, когда деятели при деепричастном обороте и

основном глаголе различаются, сравнительно немного, однако обращают на себя внимание более сложные случаи, когда деепричастный оборот используется с безличным предложением или со страдательным залогом.

При употреблении деепричастного оборота нужно чётко помнить правило: «Деепричастие должно указывать на действие того предмета (лица), который назван подлежащим, причем этот предмет (лицо) должен быть субъектом двух действий — названного в сказуемом и в деепричастии» [8]. Приведённые выше примеры можно переформулировать с использованием придаточных предложений или путём опущения деепричастных оборотов: *«этимологические словари показывают, что эти два слова являются однокоренными»*, *«в русском и японском языках названия сформированы»*, *«при этом некоторые названия используются»*, *«в русском языке можно заметить»* и др. О неуместном использовании вводных оборотов будет сказано ниже.

В причастных оборотах часто встречаются ошибки согласования, связанные, вероятно, с рассеивающимся вниманием учащихся при составлении сложных предложений и длинных периодов, например, *«предложил модель ..., основанная на...»*, *«исследование... способах»*, а также неправильное употребление страдательных и действительных причастий, например, *«каждый уважаемый себя человек»*.

Кроме того, в длинных периодах легко возникают двусмысленности при неясной связи местоимений и существительных, например, *«японцы тонко чувствуют оттенки, потому что они (японцы? оттенки?) придают большое значение взгляду»*. По общему правилу, местоимение относится к последнему существительному предыдущего фрагмента, поэтому лучше перефразировать предложение так, чтобы избежать двусмысленности, например: *«японцы тонко чувствуют оттенки, придавая большое значение взгляду»* или *«поскольку японцы придают большое значение взгляду, они тонко чувствуют оттенки»* и т.п.

Встречаются также примеры неверной подчинительной связи, например: *«исследованием занимался [такой-то], где он рассматривал»* — здесь наименование процесса «исследование» не сочетается с пространственным союзом «где». В данном случае

лучше избегать подчинительной связи: *«в своём исследовании [такой-то] рассматривал...»*. В сходном примере: *«труды лингвистов, таких как..., где они поднимают вопрос...»* союз «где» слишком далеко отстоит от слова «труды», к которому относится, поэтому также рекомендуется перефразировать предложение: *«лингвисты, такие как..., поднимают в своих трудах вопрос...»*

5. Стилистические ошибки, вероятно, связаны с недостаточным владением научным функциональным стилем русского языка. В исследованиях, посвящённых речевым портретам молодёжи, указывается, что, владея в целом нормами литературного языка, молодые люди «не в состоянии их соблюдать в полной мере, что приводит к большому количеству ошибок и речевых погрешностей: ...грамматических, речевых, стилистических, ... орфоэпических» [2, с. 115]. Это отчётливо видно на примерах, которые встречаются в студенческих работах.

Например, авторы выпускных квалификационных работ склонны к излишнему использованию вводных, в том числе, оценочных фраз (о пунктуационных ошибках в этих случаях мы уже писали выше): *«сперва, необходимо дать определение...»*, *«далее, нужно акцентировать внимание...»*, *«важно отметить, что во всех словах»*, *«говоря о личных местоимениях, необходимо вникнуть в их историческое прошлое»*, *«также, учитывая вышеперечисленную информацию, можно легко предположить, как были важны...»*

Вероятно, мы видим здесь влияние обучения английскому языку, где от учащихся при написании эссе требуется как раз использование различных клишированных вводных оборотов. Однако в научной речи от подобных украшений приходится избавляться, упрощая фразы и оставляя лишь действительно необходимые логические связи: *«дадим определение...»*, *«рассмотрим»*, *«во всех словах»*, *«рассмотрим развитие системы личных местоимений с течением времени»* и т.д.

Сюда же можно отнести цветистые фразы, призванные, видимо, дополнить работу необходимым объёмом: *«Понятие ... зародилось у людей ещё с незапамятных времён, доказательством тому является огромное множество научных работ известных мыслителей и философов, психологов и лингвистов, и других научных деятелей. Данная тема изучена достаточно хорошо, од-*

нако до сих пор нет единого мнения касательно данной темы», что можно сократить до «Данная тема разрабатывается с античных времён, однако до сих пор существуют различные точки зрения на проблему»; «изучая страницы их исследований, можно получить ценные сведения о...» до «в работах этих исследователей», или «...учёные затрудняются дать единый ответ касательно ключевой составляющей данного вопроса...» до «единое определение термина не выработано».

Также рекомендуется ограничивать использование модальных выражений («важно отметить», «необходимо вникнуть», «для преподавателей само собой разумеется», «стоит опираться»), а также оценок или лексем с оценочными коннотациями («деятели», «выдающиеся лингвисты») вместо «исследователи» и др.).

Кроме того, к стилистическим ошибкам можно отнести несоблюдение единого стиля, употребление разговорных и сниженных выражений: «тон... относительно официальный», «получается, что...», «тут, как и в предыдущей группе...», «не обошли стороной...», «чувство безысходности и безнадёги». Кроме расширения «начитанности» при работе с научными текстами для выработки чувства стиля, в этих случаях можно порекомендовать также обращаться к словарям и корпусам русского языка для уточнения регистра и сочетаемости той или иной лексемы или словосочетания.

Таким образом, в комплексном методическом подходе при создании и закреплении у учащихся навыков и умений, относящихся к написанию научных работ (статей, курсовых работ, выпускных квалификационных работ и др.) необходимо уделять достаточное внимание предотвращению появления указанных ошибок, а также закреплению навыка самоконтроля и самопроверки с целью устранения этих ошибок.

Литература

1. Библиотека. Словари URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari>, дата обращения 12.01.2025.
2. Глянцева, Т. Н. Типы речевой культуры в среде современной студенческой молодежи (на примере студентов Таганрогско-

- го медицинского колледжа) // РЕЧЬ. РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ТЕКСТ. Материалы Всероссийской межвузовской конференции, посвященной памяти профессора Г. Г. Инфантовой, 2012. Стр. 114-120.
3. Метасловарь. Окрас. URL: <https://gramota.ru/meta/okras>, дата обращения 12.01.2025.
 4. Метасловарь. Окраска. URL: <https://gramota.ru/meta/okraska>, дата обращения 12.01.2025.
 5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>, дата обращения 12.01.2025.
 6. Национальный корпус русского языка. Результаты поиска для леммы «определение». URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CoEDEtoCCtcCCChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJ3Ch8KA2xleBIYChbQvtC/0YDQtdC00LXQu9C10L3QuNC1CgoKBGZvc0SAgoACgsKBWdyYW1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfHNlbXgKDAoGc3ludGF4EgIKAAoLCgVmbGFncxICCGASrQEKCQoDbGV4EgIKAAoKCgRmb3JtEgIKAAo3CgVncmFtbRIuCiwoVikgJiAocHJhZXMpICYgKHRYYW4pICYgKHBsKSAmICgxcCkgJiAoYWN0KQoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfHNlbXgKDAoGc3ludGF4EgIKAAoLCgVmbGFncxICCGAKHgoEZGlzdCIWCP////////wEQ////////ASobCggIABAKGDIgChAFIABABWoEMC45NXgAoAEBMgIIAToBAQ==>, дата обращения 12.01.2025.
 7. Розенталь Д. Э. Практический справочник по русскому языку: Управления в русском языке. Практическая стилистика — М.: Мир и Образование, 2023.
 8. Русский язык: краткий теоретический курс для школьников. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/russkij-yazyk-kratkij-teoreticheskij-kurs-dlya-shkolnikov/deepnichastie>, дата обращения 12.01.2025.
 9. Справочная служба. URL: <https://gramota.ru/spravka>, дата обращения 12.01.2025.
 10. Infogra. 11 правил оформления списков и перечней. URL: <https://infogra.ru/typography/11-pravil-oformleniya-spiskov-i-perechnej>, дата обращения 12.01.2025.

**Трудности перевода категории вежливости
японского языка на русский и английский
на примере произведения Осаму Дадзая
“Закатное солнце”**

Аннотация. В данной статье рассматривается вежливый стиль японского языка *кэйго* и трудности, с которыми могут столкнуться переводчики с японского при переводе выражений, содержащих в себе элементы *кэйго*. В качестве материала исследования используется произведение одного из наиболее известных представителей декадентской школы японских писателей *бурайха* Осаму Дадзая “Закатное солнце”. Внимание уделяется и тому, насколько сам Осаму Дадзай был знаком с особенностями употребления *кэйго*, и могут ли возможные ошибки в употреблении *кэйго* внутри рассказа быть намеренными.

Ключевые слова: перевод, Осаму Дадзай, вежливый стиль, *кэйго*, Закатное Солнце, лакуны, японский язык.

**Problems of translation of polite expressions from
Japanese into Russian and English on an example
of Osamu Dazai’s “The Setting Sun”**

Abstract. This paper addresses the issue of *keigo* – the polite style of the Japanese language, as well as the problems, which translators from Japanese may run into while translating the expressions, which contain *keigo*. The analysis is based on “The Setting Sun”, a work of one of the most prominent Japanese writers, a member of the *buraiha* decadent school — Osamu Dazai. The article also gives a description of how well Dazai himself was familiar with the rules of *keigo* and whether the possible mistakes in *keigo* usage inside the text could be intentional.

Key words: translation, Osamu Dazai, polite language style, *keigo*, The Setting Sun, lacuna, Japanese.

В большинстве языков мира так или иначе представлена категория вежливости, которая позволяет с помощью языковых средств указать на социальное положение лиц, участвующих в разговоре, а также их отношение друг к другу. В случае русскоговорящего человека, ему необходимо запомнить определенное количество несложных правил, которые сделают его речь более вежливой, таких как, например, обращение к лицам более высокого социального статуса на “Вы” и более частое использование в связке с глаголами частиц “не” и “ли”. В случае же носителей азиатских языков, таких как китайский, корейский и японский, выражение категории вежливости принимает форму крайне непростой системы со своим набором правил, как языковых, так и социальных. Перевод с японского языка выражений, выражающих вежливость, на другие языки видится затруднительным ввиду отсутствия в других языках настолько подробного внимания к социальным ролям коммуникантов, что создаёт определенные трудности при переводе литературных произведений на другие языки.

«Вежливость» можно определить как универсальную коммуникативную категорию, представляющую собой систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнёра [2, с. 22-23]. Языковые средства выражения вежливости можно разделить на лексические и грамматические.

К лексическим способам относится система местоимений японского языка, причём как личных, так и указательных, вопросительных и др., термины, называющие членов собственной и чужой семей, а также формы глаголов, собственное значение которых не выражает вежливости, однако используется в кэйго (например использование отрицательной формы глагола в вопросительных предложениях) [1]. В последнем случае можно провести параллель с русским языком, в котором также использование отрицательной формы глагола в вопросительных предложениях смягчает высказывание и делает его более вежливым:

[1] 「おなかが、おすきになりませんか？」

Онака-га, осуки-ни *наримасэн?*

‘Вы не проголодались?’¹

‘Aren’t you at all hungry?’

В данном конкретном примере английское предложение также содержит отрицание, однако для английского языка использование отрицания в вежливых конструкциях в целом менее характерно, чем для русского.

Далее рассмотрим переводы уважительных наименований членов семьи главной героини.

В японском тексте для названия и обращения к своей матери, главная героиня Кадзуко использует вежливую лексику お母さま *окаасама*. На русский язык это слово получило два возможных перевода — “матушка” при назывании, что звучит несколько более уважительно, и “маменька” при обращении, что несёт в себе более фамильярный характер. В английском тексте переводчик не делает разделения на обращение и называние, и везде использует слово “Mother”, пишущееся с заглавной буквы, что также показывает уважительное отношение дочери к матери.

Для лексики 和田叔父さま *вада одзисама* в русском переводе также используются два слова — “дядя” и “дядюшка” с опциональным добавлением имени собственного “Вада”, однако невозможно объяснить, почему в одном случае переводчик использовала один вариант, а другом — второй. В английском же тексте используется только одна лексема “uncle”, но она также встречается в написании целиком строчными буквами, или же с заглавной, что также не поддаётся объяснению.

Интерес вызывает и то, что мать главной героини иногда называет свою дочь по имени в 3-ем лице в тех случаях, когда логичнее смотрелось бы употребление эквивалентов местоимения 2-го единственного числа. Кроме того, она также иногда добавляет к имени собственной дочери суффикс *さん* при обращении к ней, что вероятно объяснимо её желанием подчеркнуть свою аристократичность и повышенный стиль общения внутри семьи. На другие языки передача подобных оттенков смысла видится крайне затруднительной:

¹ Здесь и далее в примерах используется русский перевод Т. Л. Соколовой-Делюсиной и английский перевод Д. Кина.

[2] 「それじゃ、**かず子**さんは早死にのほうかな」と私をからかう。

Сорэ дзя, кадзукосан-ва хаядзини-но хо: ка на то ватаси-о каракау.

‘ — Ну тогда безвременная кончина грозит в первую очередь тебе, — сказала она, поддразнивая. ‘

“Then I suppose that **you**’ll die an early death.” She was teasing me.’

К грамматическим средствам выражения вежливости можно отнести адрессивные и гоноративные формы глаголов, то есть по большей части всю систему *сонкэйго-тэйнэйго-кэндзё:го*.

1. **Сонкэйго** (почтительная речь). Для данного стиля характерно использование лексических и грамматических средств, подчёркивающих вышестоящий статус собеседника, уважение к нему со стороны говорящего. В основном такую речь можно услышать при разговоре начальника и подчинённого, клиента и продавца, то есть нижестоящего в социальном плане человека и вышестоящего. Характерными чертами данного стиля является использование глаголов с имманентным значением повышенной вежливости, таких как *いらっしゃる ирассяру* ‘быть, идти, приходить’, *くださる кудасару* ‘давать’, *なさる насару* ‘делать’, *おっしゃる оссяру* ‘говорить’ и т.д., а также гонорифических аффиксов *御 o/go* *様* сама, *氏 si* и т.д.
2. **Тэйнэйго** (вежливая речь) используется японцами в большинстве случаев повседневной коммуникации с равными по статусу и возрасту собеседниками. Её основными языковыми маркерами являются нейтрально-вежливый глагольный суффикс *ます масу*, а также нейтрально-вежливая связка *です дэсу*.
3. **Кэндзё:го** (скромная речь) подчёркивает нижестоящее отношение говорящего по отношению к собеседнику. Лексическими аналогами нейтральных лексем в данном стиле речи предстают более скромные их версии — *致す итасу* вместо *する суру* ‘делать’, *いただく итадаку* вместо *もらう морару* ‘принимать’, *拝見する хайкэн суру* вместо *見る миру* ‘смотреть’.

Рассмотрим несколько примеров из “Закатного солнца”:

[3] お母さまは机の上に片肘を立て、額に軽くお手を当て、小さい溜息をおつきになり、「和田の叔父さまが、いい所だとおっしゃるのなもの。私は、このまま、眼をつぶってそのお家へ移って行っても、いいような気がする」とおっしゃって顔を挙げて、かすかにお笑いになった。

*Окаасама ва цукуэ-но уэ-ни катахидзи-о татэ, хитай-ни ка-руку **отэ-о атэ**, тиисай тамэики-о **оцуки-ни нари**, Вада-но од-зисама-га, ий токоро да то **оссяру** но да моно. Ватаси ва коно мама, мэ-о цубуттэ соно **оиэ-э** уцуттэ иттэ мо, ий ё: на ки-га сурү то **оссяттэ окао-о** агэтэ, касука-ни **оварай-ни натта**.*

‘Опершись локтем о стол, матушка приложила ладонь ко лбу и коротко **вздыхнула**. — Но ведь дядя Вада **сказал**, что там очень хорошо. Ах, если бы можно было вот сейчас закрыть глаза, а открыть их уже в том доме... — **С этими словами** она подняла голову и слабо мне **улыбнулась**.’

‘Mother raised one elbow to the desk, touched her **hand** to her forehead, and **let out** a little sigh. “Uncle Wada **says** that it’s a nice place. I feel as if I would just as soon move **there** as I am, without even opening my eyes.” She lifted her **head** and **smiled** faintly.’

Так как повествование в произведении ведётся от лица главной героини — молодой аристократки, которая часто вступает в диалог со своей матерью, в их речи крайне часто используются вежливые выражения, соответствующие социальному статусу тех, кто их произносит. В самих глаголах уже заложена вежливость, требуемая в ситуации, в которой находится говорящий, однако, если мы попробуем передать целиком вложенное в изначальное предложение значение вежливости, в случае русского языка нам придётся прибегнуть к использованию слов по типу “изволить” или более архаичных и стилистически более высоких слов по типу “потчевать” или “молвить”, а для английского языка придётся прибегнуть к увеличению количества иносказательных предложений, прилагательных с негативной семантикой, смысл которых меняется на положительный в вежливых фразах (awfully, dreadfully, terribly и т.д.), или же переделывать утвердительные предложения в вопросительные [3]. И если русский текст, полный архаизмов, может так или иначе передавать колорит эпохи (что в случае данного произведения скорее по-

шло бы ему на пользу), то английский текст, видоизменённый с помощью вышеуказанных способов, скорее смотрелся бы нелепо.

[4] 「致します」とまじめに低くお答えになったので、私は、はっとした。

Итасимасу то мадзимэ-ни хikuку okотаэ-ни натта но дэ, ватаси-ва, хатто сита.

‘... она совершенно серьёзно ответила: — Буду. Я остолбенела.’
“‘Yes, I will.’ Her voice was earnest. I was quite taken aback.”

Матери главной героини также свойственно нерациональное употребление скромной речи *кэндзё:го* (в данном случае скромного глагола 致す *итасу* ‘делать’) при разговоре со своей дочерью, в то время как обычно в таком случае употреблялся бы скорее нейтрально-вежливый стиль, так как нет необходимости использовать принижающие себя лексемы по отношению к членам собственной семьи, тем более младшим. Передача подобных семантических оттенков на другие языки, не имеющие столь развитой системы вежливости, не видится возможной.

[5] 神さまが私をいちどお殺しになって、それから昨日までの私と違う私にして、よみがえらせて下さったのかわ

Камисама-га ватаси-о итидо okороси-ни наттэ, сорэ-кара кино:-мадэ но ватаси-то тигау ватаси-ни ситэ, ёмигаэрасэтэ кудасатта но да ва.

‘Просто Бог убил меня, превратил в совершенно другого человека, не имеющего ничего общего со мной прежней, а потом снова возвратил к жизни.’

‘God killed me, and only after He had made me into someone entirely different from the person I had been, did he call me back to life.’

Правила вежливого стиля японского языка диктуют необходимость употребления даже таких глаголов, как 殺す *коросу* ‘убивать’, наравне с глаголом *よみがえる ёмигаэру* ‘возрождаться, возвращаться к жизни’ в вежливом стиле, так как эти действия совершает высшее существо — Бог. Немного проще с уважительным суффиксом *様 сама*, его передача при употреблении с наименованием Бога закрепились в русском и английском языках посредством заглавной буквы.

Интерес представляет также перевод имён девушек, не имеющих кровного родства с семьёй главной героини, но упоминающихся в тексте (お君 *окими*, お咲 *осаки*, お関 *осэки* и др.). В то время к женским именам обычно добавляли префикс お *о*, что переводчики так или иначе отразили в переводе. Если при прочтении английского текста читатель может подумать, что префикс является неотъемлемой частью имени человека, то в русском тексте он отделен от имени дефисом, что может вызвать вопросы о его функции.

[6] 私は女中のお君と二人で、衣類の整理をしたり、がらくたを庭先で燃やしたりしていそがしい思いをしていたが...

Ватаси-ва дзётю:-но окими то футари-дэ, ируй-но сэйри-о ситари, гаракута-о нивасаки-дэ мояситари ситэ исогасий омой-о ситэ ита га...

‘Мы с моей горничной **О-Кими** хлопотали, разбирая и укладывая одежду, сжигая всякий хлам в углу сада...’

‘**Okimi**, the maid, and I were busy with such tasks as putting the clothes in order and burning rubbish in the garden...’

Следует также обратить пристальное внимание на тот факт, что при более глубоком анализе можно заметить, что сам Осаму Дадзай допускал некоторые неточности в употреблении отдельных элементов *кэйго*. Так, литературный критик Сато Сэйбун (варианты написания — Satow Seibun, также Satow Saven) в своем блоге² отмечает несостоятельность употребления Дадзаем вежливого стиля японского языка. Он обращает внимание на своевременную критику Дадзая со стороны другого видного писателя 20-го века — Юкио Мисимы, который писал следующее:

“Я просмотрел его работу, но застрял на первой главе. Очевидно, что аристократия в произведении наделена символизмом, и не страшно, если она не похожа на настоящую, но ведь это литературное произведение, и ему должна быть присуща определенная степень “достоверности”. Это относится и к словоупотреблению, и к отображаемому жизненному укладу, которые в моем понимании сильно расходятся с моим личным представлением о довоенной аристократии. Взять хотя бы то, что знатная девушка называ-

² URL: <https://note.com/savensatow/n/n2ed3d3125cb6> (дата обращения 15.12.2024)

ет кухню “お勝手” *окаттэ*³. Или же фразе お母さまのお食事のいただき方 *окаасама-но осёкүдзи-но итадакиката* ‘как матушка ест’, которая вообще то должна звучать как お母さまの食事の召上り方 *окаасама-но сёкүдзи-но мэсиагариката*.⁴ Да и сама матушка везде, где только можно, использует кэйго, например 「かず子や、お母さまがいま何をなさっているか、あててごらん」 *Кадзуко я, окаасама-га има нани-о насаттэ иру ка, атэтэ горан*. ‘Кадзуко, угадай, что я сейчас делаю?’⁵. После этого читатель и вовсе узнает, что она, стоя в саду, справляет малую нужду.

Похожие замечания можно найти и у Сакагути Анго в его эссе 不良少年とキリスト *фурё:сё:нэн-то кирисуто* ‘Беспутные мальчишки и Христос’:

“В “Закатном солнце” слишком много странных употреблений кэйго. Там пишется ...お弁当をお座敷に広げて御持参のウイスキーをお飲みになり... *обэнто:-о одзасики-ни хирогэтэ годзисан-но уисуки:-о ономи-ни нари* ‘На стол накрыли в гостиной, и дядя стал есть, запивая еду привезённым из Токио виски...’. А потом идёт 和田叔父が汽車にのりと上キゲンに謡をうなる *Вада одзи-га кися-ни нору то дзё:кигэн-ни утаи-о унару* ‘Всю дорогу дядюшка был в редкостно хорошем расположении духа, напевал что-то вполголоса’⁶ [4].

Несмотря на то, что вежливый стиль японского языка в целом не является уникальным явлением, отдельные его элементы, как языковые, так и смысловые, видятся крайне затруднительными для передачи на другие языки, в особенности — европейские, которым просто не хватает средств для передачи той полноты смысла, которая выражается средствами японского языка при использовании

³ Слово お勝手 *окаттэ* вошло в японский язык примерно в период Муромати (1336-1573 гг.), когда в домах аристократии увеличилось количество женщин-служанок, и они стали так называть кухню. Сами же члены аристократии продолжали называть кухню словом 台所 *дайдокуро*.

⁴ Глагол *いただく* *итадаку* ‘принимать’, согласно правилам кэйго, может использоваться только самим говорящим и обозначать его действия, и будет считаться ошибкой использование его по отношению к действиям других людей.

⁵ Вежливый глагол *なさる* *насару* ‘делать’ обычно используется по отношению к другим людям, а не к действиям говорящего.

⁶ Вместо *上機嫌* *дзё:кигэн* по правилам кэйго следовало бы использовать лексику *ご機嫌* *гокигэн*, где *го* является гонорифическим префиксом.

стиля *кэйго*. Особые трудности при переводе могут возникнуть в том случае, когда автором оригинала задумывается использование *кэйго* в качестве стилистического приёма. В связи с этим интерес вызывают мысли пользователя под именем sekkourou, выложенные на сайте его личного блога⁷ под заголовком 太宰の日本語は何かおかしい *дадзай-но нихонго-ва нани ка окасий* ‘Японский язык Дадзая какой-то странный’. Там он приводит аргументы в пользу того, что картина, изображённая Дадзаям в его произведении, показывает читателю упадок семьи из высшего сословия, который ярко подчёркивается нигилистическим настроением самого автора. Такой исторический фон произведения, в котором люди теряют самих себя в огромном мире на пороге крупных перемен, даёт возможность Дадзая показать, что его герои готовы принять сам факт того, что упадок в их жизни неизбежен, и поэтому определённая путаница в их речи является следствием их жизненного положения. И молодая девушка Кадзуко, которую Дадзай сделал своим голосом внутри произведения, и её невежественная, простодушная мать — обе они, вероятно, лишь инструменты для Дадзая, который через них делает попытку донести до читателя собственные идеи. Рассматривая речь персонажей с такой точки зрения, можно предположить, что ошибки в словоупотреблении являются намеренными и служат инструментом подчёркивания и ярких и запоминающихся образов персонажей романа.

В случае японского языка, не просто по отдельности выделять средства выражения вежливости, так как *кэйго* является целостным языковым стилем, который включает в себя использование определенных языковых единиц, а также учёт коммуникативной ситуации, в которой находится говорящий, в том числе социального статуса говорящего и собеседника, их личностные взаимоотношения, культурные фоновые знания, степень родства коммуникантов и др. В этом смысле полезным видится дальнейшее исследование *кэйго* в контексте теории лакун и лингвокультурологических исследований в целом, а также, вероятно, вынесение категории вежливости в отдельный разряд культурологических лакун.

⁷ URL: <https://plaza.rakuten.co.jp/sekkourou/diary/200601270000/> (дата обращения 16.12.2024)

Литература

1. Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. М.: КомКнига, 2006. 152 с.
2. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
3. Нагиев И. З. Языковые средства выражения вежливости в английском языке // Форум молодых учёных. 2020. №9 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-vyrazheniya-vezhlivosti-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 19.12.2024).
4. Сакагути Анго Фурё:сё:нэн то кирисуто (Беспутные мальчишки и Христос). Аодзора бунко, URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001095/files/42840_24908.html (дата обращения: 16.12.2024)

И. В. Шалина

Концепты «человек» и «природа» сквозь призму японской лингвокультуры

Аннотация. Целью исследования являлось рассмотрение концептов «человек» и «природа» как сложных, многокомпонентных объектов в системе знаний, взглядов и представлений о мире, которые тесным образом связаны не только с менталитетом конкретного народа, но и с его культурой. Концепты «человек» и «природа» выступают в качестве главных понятий в лексическом устройстве языка в целом и лингвокультуре японского языка в частности.

Ключевые слова: концепты «человек» и «природа», языковая картина мира, японский язык и культура.

I. V. Shalina

The concepts of “man” and “nature” through the prism of Japanese linguistic culture

Abstract. The purpose of the article was to consider the concepts of “man” and “nature” as complex, multicomponent objects in the system of knowledge, views and ideas about the world, which are closely related not only to the mentality of a particular people, but also to their culture. The concepts “man” and “nature” act as the main concepts in the lexical structure of the language in general and the linguistic culture of the Japanese language in particular.

Key words: concepts of “man” and “nature”, linguistic picture of the world, Japanese language and culture.

DOI 10.54449/9785907938519_141

Япония — это особенная страна, которую отличают не только географическое положение, но и климатические особенности, ведущие к различным природным катаклизмам. Безусловно, испытания, данные самой природой, не могли не отразиться на отношении японцев к природе как к живому существу.

Концепт «природа» — это сложный, многокомпонентный, комплексный концепт, который играет одну из важных ролей в самых разных языковых картинах мира, а также в системе знаний, взглядов и представлений о мире человека, который тесным образом связан не только с менталитетом конкретного народа, но и с его культурой.

С точки зрения английской картины мира концепт «природа» *nature* представлен всеми элементами окружающего нас материального мира. В это понятие входят: растения и животные, моря и океаны, земля и небо и так далее. Все эти компоненты противопоставлены человеку и результатам его труда. Английский язык богат фразеологизмами и идиоматическими выражениями, которые являются результатом восхищения и вдохновения природой. Таким образом, в английском языке основными составляющими данного концепта являются органический и неорганический мир, явления природы, ландшафт, превосходство над человеком, естественность, масштабность.

В китайском языке концепт «природа» 自然 *ziran* несет значение материального мира, окружающей среды, вселенной, первоначальности, абстрактности, и изначальной простоты.

Для корейцев восприятие концепта «природа» 자연 *jayeon* характеризуется как уникальная черта их менталитета. Природа является определяющим фактором жизни, поскольку она оказывает на корейцев эстетическое впечатление, а также служит предметом вдохновения. Природа для корейцев — это источник духовности, существование которого нельзя нарушать и подвергать опасности. Корейцы уделяют особое внимание постоянному контакту с природой.

Перейдем к концепту «человек».

Говоря о концепте «человек» в языковой картине мира представителей русского языка, можно сказать, что «человек» неоднозначен и воспринимается достаточно расплывчато и абстрактно.

По словам Юрия Сергеевича Степанова, «человек» постоянно что-то разрушает, создаёт, размышляет и анализирует [3, 179]. Концепт охарактеризован реалистическими и одновременно мифопоэтическими идеями и представлениями, дополняющими друг друга. «Человек» для носителей русского языка — это и множество лиц, частей и органов; это физическое и духовное пространство; хозяин и судья для всего мира и своей души в отдельности [2, 68].

Данный концепт может рассматриваться с позиции моральных качеств, интеллекта и разума, сознания и рассудка, может раскрываться через взаимосвязь внутреннего состояния людей, внешних условий и факторов их жизнедеятельности. Кроме того, концепт предстаёт в качестве совокупности таких показателей как поведение, внешность, умственные способности, взаимоотношения с другими людьми.

В китайском языковом сознании можно оценить позицию «человека» 人 *ren* как достаточно устойчивую. Жизнь для китайца — это путь. Путь человека, который учится, совершая поступки, которые определяют его дальнейшую судьбу. Человек несет в мир спокойствие, стремясь к гармонии с окружающей средой.

В языковом сознании корейцев концепт «человек» 인간 *ingan* представляет собой широкую систему знаний о разных сферах жизни и отношении к ним. Здесь мы можем говорить об эгоцентрическом аспекте, который ярко характеризует эмоциональную сферу, сферу желаний и человеческой воли.

Вернемся к японскому языкознанию. Многие работы японских авторов имеют отношение к лингвокультурологии и рассмотрению вышеназванных концептов. Можно упомянуть работы таких исследователей как Мотоки Токиэда, Судзуки Тэйтаро, Хага Ясуси, Хироси Цукисима и других.

Обращаясь к русским исследователям, нельзя не упомянуть Татьяну Михайловну Гуревич, которая отмечает, что на культуру Японии в своё время оказали влияние и синтоизм, и буддизм, и конфуцианство. Отсюда идет телеологическое истолкование природы. В мире всё устроено по правилам, гармонично и целесообразно. Не стоит пытаться подчинить природу человеческому интеллекту [1, 97].

Можно отметить, что исследование концепта «человек» находится в центре внимания многих ученых, но методы их описания разнятся.

Японский иероглиф 人 *хито* «человек» считается самым распространённым, мы можем увидеть его в огромном количестве сочетаний. В зависимости от контекста значения данного иероглифа могут быть следующими: «я», «люди», «другой человек», «личность» и так далее. Знаменитый японский лингвист, профессор университета г. Осака, Хамагути Эсюн отмечает, что семантика слова «человек» предполагает отношения с другими, человек не может быть одинок, он живет среди людей. «Мы» — гораздо важнее, чем «я». Западным языкам подобная философия чужда.

Обратимся к примерам устойчивых выражений, содержащих компонент 人 *нин/хито*.

十人十色 *дзю:нин-то иро* — Десять человек — десять цветов. Поговорка обозначает, что к каждому нужен особый подход. Здесь в роли цветов выступают черты характера человека.

Далее рассмотрим слово 人間 *нингэн*, которое также имеет значение «человек». Следуя за Е. С. Штейнером, профессор университета г. Токио Кумон Сюмпэй использовал данное понятие для укрепления философии контекстуализма, которая, в свою очередь, проливает свет на основы японского мировоззрения и антропологизма [5, 138]. Само слово «нингэн» состоит из двух иероглифов — вышеупомянутого 人 *нин* «человек» и 間 *гэн*, имеющего ряд значений: «интервал», «среди», «между». В семантическом поле «人間 *нингэн*» представляется возможным выделить как минимум три значения:

- 1) «человеческое существо», которое находится в некоем пространстве, а именно среди людей и в окружающем мире в целом;
- 2) определённая группа людей, находящаяся в одном контексте;
- 3) социальное поле «человечество» в качестве возможности взаимодействия между людьми» [5, с. 140].

В японском языке множество слов передают также значение «личности»: 人格 *дзинкаку*, 個人 *кодзин*, 身分 *мибун*, 自分 *дзibun* и другие.

Подробнее остановимся на слове 自分 *дзibun*, поскольку, по нашему мнению, его можно считать одним из самых показательных. Лексема дословно переводится как «своя часть» и по использованию приравнивается к западному «я». Японские исследователи определяют слово «дзibun» как нечто гораздо большее, чем просто «индивид» или «личность».

Обратимся к мнению вышеупомянутого профессора Хамагути: «Если западную модель личности можно назвать индивидуалистической, то восточную модель личности следует называть «контекстуалистской», т.е. моделью личности, погруженной в контекст людей. Для западной личности эгоидентичность как форма самосознания личности равносильна «тождеству самой себе», или «субъективно воспринимаемому социальному континууму»; в этом заключается её величайшая слабость, поскольку она игнорирует такую важную для реализации личности основу, как социальный фон. В отличие от этого в самосознании восточного человека (и японца как такового) человек реализуется во взаимосвязи субъекта и человеческого объекта. В западной индивидуалистической модели индивид сознает себя как «эго». Восточный человек, контекстуалистская модель личности, определяет себя в среде отношений с другими людьми и обладает самосознанием, не отделяющим его от других. Такого рода сознание у нас, японцев, называют «дзibun»» [4, 55-58].

Можно предположить, что японское «дзibun» противоположно западноевропейскому «я», так как в японском языке достаточно сложно подобрать универсальное слово «я». Чтобы выразить понятие «я», японцы, скорее всего, будут использовать разного рода местоимения. Это будет зависеть от контекста, стилистических и лексико-грамматических особенностей.

Можно сделать вывод, что разница в понимании «личности» с точки зрения носителя западного и восточного языка, очевидна. Для «восточного человека» важна гармония в отношениях.

Для японского языка оценка природных условий, в которых живет человек, особенно значима, поскольку носители японского языка уже около двух тысячелетий занимают территорию, где природа практически не менялась.

Японцам издавна присуще стремление жить в согласии и гармонии с природой, они славятся своим бережным отношением к ней и чувствуют глубокую тесную связь с ней. Так, например, в японском языке мы сталкиваемся с большим количеством устойчивых выражений и поговорок, связанных с водой 水 *мидзу*, поскольку именно вода несет жизнь, а течение человеческой жизни уподобляется течению воды.

人の行方と水の流れ *хито-но юкуэ-то мидзу-но нагарэ* —
Ход жизни и течение воды. Ни то, ни другое нельзя предугадать.

歳月と流水は人を待たず *сайгэцу-то рю:суи ва хито-о ма-тадзу* —
Время и текущая вода не ждут человека. Жизнь бы-стротечна, протекает незаметно, убегает в даль, словно течение реки.

Показательным является наличие в японском языке «сезонных приветствий» и «сезонных выражений», являющихся оборотами вежливости, которые используют в деловой переписке или в японской поэзии, что указывает на то, как много внимания японцы уделяют природе и как внимательно относятся к смене времён года.

Например, 春の日うらかな今日このごろ... *хару-но хи ураракана кё: коногоро* — В эти прекрасные дни весны...

Само понятие «природа» в японском языке передаётся несколькими вариантами, среди которых наиболее распространены: 自然 *сидзэн*, 環境 *канкё:*, 天然 *тэннэн*, 生き物 *икимоно* и другие.

Мы полагаем, что самым показательным из вышеперечисленных слов является 自然 *сидзэн*, которое имеет обширный спектр вариантов перевода: природа, естественность, дикость, самопроизвольность, врождённость, существование, натуральность.

Слово 環境 *канкё:* обладает более узким значением, которое можно интерпретировать как «окружение», «окружающая среда», «природная атмосфера».

Характерной чертой культуры Японии является её «природо-подражательность». Т.е. природа дает японцам базу для построения культуры. Природа обожествлена японцами, для них важны самые мелочи: живые ритмы природы, естественная красота.

Безусловно, культура любого народа — это результат узкого сплетения процессов саморазвития и всевозможных внешних

влияний. Изучение этих процессов отдельно друг от друга непременно приведет к искажению общей картины.

Мы обнаружили, что лингвисты уделяют особое внимание выражению концептов «человек» и «природа» в различных языках и стремятся раскрыть не только взаимосвязь фактов языка и культуры, но и связь мировосприятия и мышления носителей, обосновывая это тем, что исследование и описание определённых концептов дает важные сведения о восприятии носителями языка и культуры различных явлений, а также о роли данных явлений в сознании.

Таким образом, изучение методов словесного описания концептов «человек» и «природа» создает основу для представления языковой картины мира в её деятельностном аспекте.

Человек рождается в специфической культуре и отдельном языке, которые формируют его восприятие мира, реакции на среду и природу в целом, внутренние и внешние качества, его поведение и характер. Концепты «человек» и «природа» выступают в качестве главных понятий в лексическом устройстве любого языка и лингвокультуре японского языка в частности. Они образуют вокруг себя объёмные смысловые пространства, взаимодействующие друг с другом.

Литература

1. Гуревич Т. М. Лингвокультурологический анализ концептосфер «человек» в японской языковой картине мира: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (МГУ). — Москва, 2006. — 330 с.
2. Коротун О. В. Образ-концепт "внешний человек" в русской языковой картине мира: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01.- Омск, 2002. — 193 с.
3. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Юрий Степанов. — Москва: Языки славянских культур, 2007. — 246 с.

4. Хамагути Эсюн. «Нихонрасиса»-но сайхаккэн. — Токио: Нихон кэйдзай симбунся, 1977. — 265 с.
5. Штейнер Е. С. Без Фудзиямы: японские образы и воображения; Without Mt. Fuji: japanese images and imaginations / Евгений Штейнер. — Москва: Наталис: РИПОЛ КЛАССИК, 2006 (Киров: Дом печати — Вятка). — 399 с.

А.С. Шиманская

Особенности преподавания японского языка на среднем этапе обучения в вузе

Аннотация. На среднем этапе преподавания японского языка в вузе перед преподавателем, как и перед обучающимися, стоит целый ряд задач, целей и трудностей. В первую очередь, важно закрепить и ввести в постоянную практику уже полученные ранее знания. Во вторую, приобрести новые навыки и освоить большое количество более сложной информации. Помимо этого, в процессе обучения возникают определенные вопросы и сложности, требующие внимания и дополнительной работы. О том, какие проблемы накладываются на поставленные задачи, а также какие методы и способы могут помочь для их разрешения и пойдёт речь в статье.

Ключевые слова: японский язык, средний этап, обучение в вузе, способы и методы, преподавание, задачи и трудности.

A. S. Shimanskaya

Features of teaching Japanese at the intermediate stage of university study

Abstract. At the intermediate stage of learning and teaching Japanese in higher education, the teacher as well as the learners face a number of tasks, goals and difficulties. First of all, it is important to consolidate and put into constant practice the knowledge and competences already acquired. In the second place, it is important to acquire new skills and master a large amount of more complex information. In addition, certain issues and difficulties arise during the learning process that require attention and additional work. This article will cover what problems are superimposed on the set tasks, as well as what methods and ways can help to solve them.

Key words: Japanese language, intermediate stage, university education, ways and methods, teaching, tasks and difficulties.

На среднем этапе обучения в вузе (примерно 2-3 курс) целью преподавания определяется закрепление и активизация приобретённых студентами на начальном этапе обучения знаний и навыков, а также быстрое и эффективное усвоение новых грамматических конструкций, лексических выражений и развитие коммуникативных компетенций. Среди проблем, возникающих одновременно с целями, можно отметить следующие: дальнейшее уменьшение количества часов, большой объём новой информации, мотивация студентов в современных геополитических условиях, актуальность и правильность подобранных учебных пособий и материалов.

Несмотря на то, что в последнее время все больше внимания уделяется развитию коммуникативных компетенций, важно не отрицать тот факт, что в основе любой коммуникации лежит комплексное функционирование всех языковых навыков, в том числе и, возможно, в большей степени грамматических, от полноты и качества которых могут зависеть результаты будущей профессиональной деятельности.

Многие проблемы в освоении грамматического аспекта японского языка возникают у обучающихся из-за большого количества синонимичных конструкций, межязыковой интерференции, недостатка лингвистических и культурологических знаний, а также своеобразия языковой картины мира носителей японского языка [5, с. 234 - 235]. Более того, грамматические конструкции, которые изучаются на среднем и продвинутом уровнях овладения японским языком, могут быть более эмоционально окрашены и иметь дополнительные значения.

«Синонимичными грамматическими конструкциями принято считать те устойчивые грамматические конструкции и лексико-грамматические обороты, которые передают одно и то же грамматическое значение, например, долженствование» [1, с. 70]. По мере углубления изучения японского языка, а также увеличения объёма усвояемого материала, число подобных конструкций значительно возрастает. Вместе с этим возникает необходимость чёткого разграничения впервые встречающихся конструкций с теми, которые были изучены ранее. Это важно для более правиль-

ного и корректного использования грамматических конструкций в разных контекстах и ситуациях [1, с. 70].

В первую очередь, при ознакомлении обучающихся с новым грамматическим материалом, преподавателю необходимо обозначить значение конструкции, правила присоединения к различным частям речи, особенности использования, а также стиль речи, синонимы и эмоциональную окрашенность при наличии [8, с. 8]. Так как изучаемая конструкция должна быть правильна с точки зрения не только грамматики, но и дискурса, то есть предназначена для донесения до собеседника всех оттенков значения, которые в неё вложены, но не передачи дополнительных коннотаций, которые могут быть неуместны и нежелательны, далее важно наглядно показать обучающимся разницу в использовании синонимичных конструкций.

Детальная грамматическая справка может быть представлена преподавателем как в начале, так и в конце введения нового материала. Это зависит от того, какой метод подачи информации используется — дедуктивный (от общего к частному) или индуктивный (от частного к общему) [8, с. 31 - 43]. Остановимся подробнее на некоторых учебниках, которые могут быть эффективно использованы для объяснения и отработки синонимичных грамматических конструкций.

Итак, учебник *レベルアップ日本語文法* (Японская грамматика. Повышаем уровень) содержит в каждом уроке набор похожих, то есть синонимичных грамматических конструкций, с объяснением всех нюансов и отличий в употреблении, а также упражнения для отработки полученного теоретического материала на практике [4]. Например, в 23-ем уроке указанного учебника приведены конструкции на предположение (推量: ようだ、みたいだ、そうだ、らしい) и передачу слухов или чужих слов (伝聞: そうだ、らしい — здесь как предположение об услышанном、とのことだ). Помимо подробного описания каждой из конструкций предположения с примерами, в качестве обобщения в уроке дана сводная таблица со значениями и способами употребления. Такая таблица может быть удобным и эффективным материалом, став частью грамматической папки или портфолио обучающегося. Что касается конструкций для передачи слу-

хов или чужих слов, то в данном случае даны только объяснения и примеры употребления, а сводную таблицу обучающиеся могут сделать самостоятельно или под руководством преподавателя [4, с. 224 - 225].

Ещё один учебник, *くらべてわかる・中級・日本語表現型式ドリル* (Тренировка японских грамматических конструкций среднего уровня через сравнение), уже название содержит основную идею и принципы изложения материала, которые заключаются в сравнении. Только в отличие от предыдущего пособия в данном на каждый небольшой урок рассчитано всего две синонимичных конструкции. Каждая из конструкций объясняется с точки зрения значения и употребления, а также даны примеры и упражнения на закрепление материала [3].

Например, в третьем уроке учебника разбираются конструкции *がたい* и *にくい*, указывается их общее значение «сложности выполнения действия», а далее подробно разъясняется, в каком случае трудность связана с чувствами, эмоциями и настроением, а в каком — с возможностями и способностями. Кроме того, информация сразу даётся в виде небольшой таблицы с примерами, а также приведены варианты использования конструкций и упражнения для их отработки [3, с. 16 - 17].

Таким образом, важно обращать внимание не только на форму слова, предшествующую грамматической конструкции, и её правильный перевод на родной язык, но и выбирать ту синонимичную грамматическую конструкцию, которая наиболее подходит целям, стилю и обстоятельствам ситуации общения.

Не менее важной составляющей успешной коммуникации является также правильное и уместное использование в речи категории вежливости, которая в японском языке характеризуется как лексико-грамматическая. Если на начальном уровне, при освоении базовой грамматики и основ устного общения, вежливые формы преподаются обычно в форме клише и этикетных фраз (*О-ясуми насай*, *Мэсиагаттэ кудасай*), то на среднем уровне работа по изучению вежливой речи ведётся как минимум по двум направлениям [2, с. 54].

Первое направление заключается в обучении вежливым формам и конструкциям (о + глагол во второй основе + ни нару; о +

глагол во второй основе + суру; супплетивные формы глаголов *ирассяру*, *о-мэ-ни какару* и тд.), т.е. обучение лингвистической вежливости. Стоит отметить, что формы и конструкции внутри языка *кэйго* четко распределяются на *сонкэйго* — почтительные и *кэндзё:го* — скромные. Второе направление связано с изучением этикета, правил использования форм вежливой речи, которые подходят к данной конкретной ситуации и собеседнику [2, с. 54-55].

Для отработки навыков использования вежливой речи на среднем этапе предлагается изучение различных формализованных ситуаций, передающих просьбу, отказ, приглашение и т.д. Например, в учебнике 新日本語の中級 (Новый курс японского языка для среднего уровня) в форме диалогов и последующих упражнений отрабатываются основные конструкции и обороты, подходящие для достижения нужной коммуникативной цели. Даже сами названия уроков в учебнике соответствуют тем задачам, которые обучающиеся учатся решать: 尋ねる・確かめる・頼む・許可をもらう・電話で連絡する и так далее. В результате проработки такого материала обучающиеся осваивают определенный набор фраз, клише, лексических и грамматических конструкций, которые они потом могут использовать в нужной им ситуации в подходящем контексте [6].

Если же у обучающихся возникают недопонимания и вопросы, можно обратиться к дополнительному материалу, используя, например, пособие レベルアップ日本語文法 (Японская грамматика. Повышаем уровень). Так, в уроках 14-15 не только подробно описаны и объяснены грамматические и ситуативные особенности использования всех вышеуказанных вежливых конструкций и супплетивных форм, но и даны упражнения на отработку материала. Помимо этого, приведены сводные таблицы, которые могут пополнить грамматическую папку или портфолио обучающихся и по необходимости использоваться во время занятий в аудитории [4].

Что касается усвоения лексических выражений и развития коммуникативных компетенций, то здесь как одним из возможных вариантов работы могут быть предложены, например, лексические диктанты и ролевые игры.

Лексические диктанты являются базовыми, то есть обучающиеся пишут их еженедельно (примерно один раз в неделю). Объём изучаемого в неделю материала может зависеть от учебного плана или количества часов, отведённых на занятия японским языком. Так, например, в МГЛУ на 2 курсе бакалавриата по специальности «Международные отношения» на занятиях по основному аспекту практикуются еженедельные диктанты, включающие в себя 30-40 лексических единиц и выражений из каждого изученного урока. Среди слов диктанта могут встречаться и устойчивые фразеологические обороты, и этикетные фразы и выражения. В ходе подготовки к диктанту обучающиеся не только изучают большой объём новых лексических единиц, но и закрепляют полученные ранее знания, а также знакомятся с информацией культурологического характера.

Достаточное количество ролевых игр и диалогов включает в себя упомянутое выше пособие 新日本語の中級 (Новый курс японского языка для среднего уровня), где на каждую ситуацию урока даны соответствующие задания и упражнения [6]. Если же преподаватель хочет остановиться на проработке той или иной темы подольше, то в качестве дополнительного пособия может быть использован учебник 中級から上級への日本語会話 (ロールプレイで学ぶ) (Обучение японской разговорной речи через ролевые игры) [7].

Пособие состоит из 7-ми уроков, разбитых на дополнительные разделы, каждый из которых охватывает одну из основных тем, например кафе и рестораны, общение с друзьями, проживание в доме или квартире, школа и рабочее место и так далее. Помимо так называемых «ролевых карточек», которые предлагается разыграть в парах, здесь представлены возможные варианты диалогов и упражнения на использование новых слов и грамматических выражений [7].

Таким образом, даже при неизбежном сокращении количества часов на старших курсах и больших объёмах получаемой новой информации, преподаватель может мотивировать студентов к дальнейшему изучению японского языка с помощью интересных, актуальных и правильно подобранных учебных пособий и материалов, а также предложенных заданий для аудиторной и

внеаудиторной работы. Помимо этого, безусловно, большая ответственность возлагается и на самих обучающихся, которым необходимо прилагать немало усилий и выделять дополнительное время на самостоятельную работу за пределами аудитории.

Литература

1. Крнета Н.Д. Типичные ошибки учащихся в синонимичных грамматических конструкциях. Японский язык в Вузе: актуальные проблемы преподавания. Вып. 15, М.: Ключ-С, 2016. С. 70 - 74
2. Крнета Н.Д. Преподавание вежливой речи на средних и старших уровнях преподавания японского языка. Японский язык в Вузе: актуальные проблемы преподавания. Вып. 18, М.: Ключ-С, 2019. С. 53 - 58
3. Курабэтэ вакару. Тю:кю: нихонго хё:гэн бункэй дориру. (Тренировка японских грамматических конструкций среднего уровня через сравнение). Токио, Джей риса:ти, 2019. 167 с.
4. Рэбэру аппу нихонго бумпо:. (Японская грамматика. Повышаем уровень). Токио, Курошио, 2013. - 263 с.
5. Савинская Е.В. Введение нового грамматического материала на продвинутом этапе обучения японскому языку в вузе: некоторые наблюдения из практики. Японский язык в Вузе: актуальные проблемы преподавания. Вып. 27, М.: Ключ-С, 2024. С. 233 - 245
6. Синнихонго-но тю:кю: (Новый курс японского языка для среднего уровня). Токио, 3А Нэттова:ку, 2000. 308 с.
7. Тю:кю: кара дзё:кю:-энэ нихонго кайва (Обучение японской разговорной речи через ролевые игры). Токио, Аруку, 2004. 139 с.
8. Японский Фонд. Нихонго кё:дзюхо: сире:дзу. Бумпо:-о осирэу. (Серия книг по методике преподавания японского языка. Объяснение грамматики). Токио, Хицудзи сёбо:, 2014. Том 4. 106 с.

АВТОРЫ

Алпатов Владимир Михайлович — доктор филологических наук, профессор, академик, заведующий научно-исследовательским центром национально-языковых отношений Институт языкознания РАН

Бессонова Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра японской филологии, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

Борисова Анастасия Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра японской филологии, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

Булах Людмила Александровна — старший преподаватель, кафедра японской филологии, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

Быкова Стелла Артемьевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой японской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

Ибрахим Инга Самировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры японоведения Восточного факультета СПбГУ

Козачина Анна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Института филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Корчагина Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры глобальных коммуникаций, ФГП МГУ им. М.В.Ломоносова

Кострова Мария Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Высшей школы международных отношений и мировой политики Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова

Крнета Наталия — кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова

Кутафьева Наталья Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета

Линяев Дмитрий Владимирович — старший преподаватель кафедры японской филологии, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова

Лобков Александр Евгеньевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и зарубежной филологии Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета

Мизгулина Мария Натановна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры японского языка ИИЯ МГПУ

Мишукова Маргарита Витальевна — ассистент, кафедра японского языка ИИЯ МГПУ

Нечаева Людмила Тимофеевна — доктор педагогических наук, профессор

Раздорская Наталья Васильевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России

Румак Наталья Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры японской филологии ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова

Филатов Сергей Витальевич — преподаватель японского языка кафедры востоковедения ГИ НГУ

Шалина Ирина Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения ФГБОУ ВО ИФИЯМ ИГУ

Шиманская Анна Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук МГЛУ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редколлегии</i>	3
В. М. Алпатов. Европейская, китайская и японская лингвистические традиции	4
Е. Ю. Бессонова. Лексикографический анализ лексем японского языка <i>томару, томэру</i>	12
А. С. Борисова. Особенности работы с иероглификой на занятиях по японскому языку и японистическим дисциплинам	17
Л. А. Булах. Некоторые аспекты стилистического анализа повести Тавада Ёко «Посланец».	23
С. А. Быкова. Выбор тем для выпускных квалификационных работ бакалавров и магистров по филологии.	32
И. С. Ибрахим. Характеристики коллокаций в текстах экономической тематики и особенности их перевода на русский язык.	40
А. В. Козачина. Дисциплина «Моральное воспитание»: историческая трансформация и современное состояние . . .	49
Т. И. Корчагина. Методика преподавания японского языка в ретроспективе.	59
М. А. Кострова, А. Е. Лобков О курсе художественного перевода с японского языка в языковом вузе	69
Н. Д. Крнета Источники и материалы исследований японского языка в японском Интернете.	74
Н. В. Кутафьева. Семантика наречия <i>たいてい тайтэй</i> и его синонимов. Использование в речи...	82
Д. В. Линяев. К вопросу об особенностях морфологии и синтаксиса второстепенных членов предложения в японских пословично-поговорочных выражениях (на материале определений и дополнений	88

М. Н. Мизгулина. Лингвострановедение Японии как компонент олимпиадных заданий (на примере Олимпиады «Учитель школы будущего»)	96
М. В. Мишукова. Концепт «море» в картине мира японцев	101
Л. Т. Нечаева. Японские пословицы, включающие два числительных «1» и «2»	110
Н. В. Раздорская. Концепт дистанцирования в японском социуме	115
Н. Г. Румак. О навыке владения русским языком и умении грамотно излагать свои мысли	123
С. В. Филатов. Трудности перевода категории вежливости японского языка на русский и английский на примере произведения Осаму Дадзая “Закатное солнце.	131
И. В. Шалина. Концепты «человек» и «природа» сквозь призму японской лингвокультуры.	141
А. С. Шиманская. Особенности преподавания японского языка на среднем этапе обучения в вузе	149
Авторы	156

Научное издание

**Ассоциация преподавателей японского языка РФ и СНГ
Институт стран Азии и Африки
МГУ им. М.В. Ломоносова**

**ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК В ВУЗЕ
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ**

Материалы научно-методической конференции
«Японский язык в вузе»
(октябрь, 2024 г.)

Выпуск 29

Вёрстка и оформление *С. Ю. Зимина*

ООО «Издательский дом ВКН»
107497, Москва, ул. Бирюсинка, д. 6, к. 1–5
(495) 462-59-69
www.vkn-press.ru
E-mail: muravei@muravei.ru

Подписано в печать 28.02.2025.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 10,0.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в АО «Т 8 Издательские Технологии» (АО «Т 8»)
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5